

Эрнст Юнгер Годы оккупации

Аннотация

Том содержит «Хронику» послевоенных событий, изданную Юнгером под заголовком "Годы оккупации" только спустя десять лет после ее написания. Таково было средство и на этот раз возвысить материю прожитого и продуманного опыта над злобой дня, над послевоенным смятением и мстительной либо великодушной эйфорией. Несмотря на свой поздний, гностический взгляд на этот мир, согласно которому спасти его невозможно, автор все же сумел извлечь из опыта своей жизни надежду на то, что даже в катастрофических тенденциях современности скрывается возможность поворота к лучшему. Такое гелдерлиновское понимание опасности и спасения сближает Юнгера с Мартином Хайдеггером и свойственно тем немногим европейским и, в частности, немецким интеллектуалам, которые сумели не только пережить, но и осмыслить судьбоносные события истории ушедшего века.

1945

Кирххорст, 11 апреля 1945 г.

Вот и объявились неприятности: патрули, которые ищут оружие и уносят с собой вино, квартирмейстеры, реквизирующие целые дома, у нас, в частности, первый этаж, нам приказано немедленно освободить помещение. Поэтому я вынужден перетаскивать библиотеку на чердак, дети помогают, снуют, словно муравьишки с бельевыми корзинами.

Детям весело; они раздобыли бутылку вермута и, спрятавшись, втихомолку попивают винцо. Они, очевидно, воспринимают нарушение обычного порядка в доме как приятное событие. Я слышал, как на прошлой неделе они говорили: «Если завтра налетят бомбардировщики, вот было бы здорово!» Тогда им не пришлось бы идти в школу.

В деревне слышно кудахтанье куриц, которым сворачивают шеи. Танковое соединение, неожиданно развернувшись, едет напрямик через засеянное и уже по-весеннему зазеленевшее поле нашего соседа. В мгновение ока черная земля была утрамбована, как на гумне. По дороге непрерывным потоком катят грузовики, за рулем сидят негры. Я наблюдаю за передвижением войск, устроившись на углу кладбища. Рядом стоит девятилетний сынишка беженки. Посмотрев на меня глазами умудренного жизнью человека, он говорит:

— Боюсь я этих.

С этими словами он указывает на водителей, которые проплывают мимо, как черные куклы.

Кирххорст, 12 апреля 1945 г.

Ночь прошла без происшествий. Наутро в саду распустилась вишня.

Американцы ходят по домам с обысками. Польские пленные, знакомые с местными условиями, служат им осведомителями. Я наблюдаю за тем, как у моего соседа раскапывают и прошупывают шестами свеженасыпанную кучу песка. Труды оказались напрасны; свежая убоина действительно была-таки спрятана там, но лежала зарытая в землю. Когда речь идет о колбасе, крестьянин становится изобретательным.

Зато в сарае обнаружилось под соломой ружье, от которого, вероятно, избавился таким образом немецкий солдатик. Поднялся большой переполох. Испуганная хозяйка призвала на помощь Перпетую, чтобы та помогла объяснить, откуда взялась эта находка, сосед же тем временем убежал в лес.

Солдаты обыскали сад при помощи магнитных пластин на длинных шестах. В одном месте они принялись копать и извлекли из-под земли старую подкову. Вид этих кладоискателей навел меня на размышления. Нет сомнения, что сейчас они обнаружили бы мои охотничьи ружья, если бы я, как было задумано, закопал их под парниками. Однако я, предварительно как следует запаковав, зарыл их подальше от дома на картофельном поле. Военское оружие я только что ночью выбросил в пожарный пруд. Мне показалось, что вероятнее всего вместо спокойной смены власти нас на первых порах ожидает период анархического междуцарствия.

Суматоха, при которой ты оказываешься только в роли объекта, производит бессмысленное впечатление. Ты делаешься чем-то вроде одной из тех брейгелевских фигур, которые глазуют из окошка на происходящие события. Поэтому я отправился в ригу, чтобы поработать. Меня окликнул солдат, проверявший курятник. Голос был неприятный. Я шагнул к нему и разглядел в полумраке, что он достал крупнокалиберный пистолет и навел его на меня. Ствол уткнулся мне в грудь. В руке у меня были вилы, я их отставил в сторону. Сделалось тихо, почти торжественно.

Наконец он спросил меня, что я тут делаю, и я ответил, что я — хозяин. Тогда он поставил пистолет на предохранитель и спрятал его в кобуру. Второй раз в жизни мне довелось соприкоснуться в подобных обстоятельствах с дулом пистолета. Еще в 1918 году меня таким образом поприветствовали пришедшие к нам с обыском спартаковцы. В обоих случаях это соприкосновение означало переход в иное пространство. Я вновь пережил то же состояние крайней напряженности внимания, это вслушивание в тишину.

Между тем Перпетуя ведет наше домашнее хозяйство, как капитан свой разбитый корабль, который, не слушаясь руля, плывет, развернувшись боком к волне. Тут выламываются большие куски забора с тем, чтобы отправить в печку. В дровяном сарае, кстати, спрятаны ящики с вином. Одна из групп, разбивших лагерь на лужайке, устраивает там состязание по стрельбе, мишенью служат молодые плодовые деревья. Незнакомые беженцы расположились на стоянку в саду и в сенях дома. Среди них то и дело толкутся деревенские жители, каждый приходит со своей бедой. На проезжей дороге по-прежнему все катят и катят наступающие танки.

Стоило хозяйке услышать про мою встречу в риге, как она наложила на меня домашний арест, велев сидеть в комнате. Наверное, так будет лучше. Я удаляюсь в мансарду, которая битком забита книгами. Не заставлено ими только маленькое оконце да то место, куда втиснулись кровать и письменный стол. Внизу сущий лагерь Валленштейна: громкоговоритель возвещает о новых победах, патрули приводят пленников, которых отловили на торфяниках, за ними охотятся с собаками. Немецкий самолет бомбит местность.

Одна из особенностей настоящей хозяйки заключается в том, что ее усердие возрастает пропорционально трудностям, которые валятся на ее голову. В необычных обстоятельствах оно может доходить до героической степени, приобретая неудержимый стихийный размах. Мне уже не раз приходилось наблюдать это удивительное явление. Вот и сейчас, глядя в окно, я спрашиваю себя, так ли уж необходимо было сегодня вытаскивать из шкафов и чемоданов старые вещи и выколачивать из них пыль, дело это, конечно, полезное, но не лучше ли было бы с этим повременить. Я вижу, как Перпетуя развешивает на веревке военную форму генерала Лёнинга,¹ которую он оставил у нас на хранение в связи с воздушными налетами. Красные лампасы на брюках так и сверкают в глаза. Она поднимает взгляд к моему окну, и я качаю головой. Но солдаты, расположившиеся отдохнуть на солнышке, только смеются.

Я наблюдаю за часовым, который должен стоять на посту перед домом. Он удобно развалился в плетеном кресле. Но ружье держит, как охотник в засаде. Появление командира никак не сказывается на его поведении, разве что, обращаясь к начальству, он говорит «сэр», причем с очевидным почтением.

Оказавшись в затворничестве, я, пользуясь случаем, принимаюсь за чтение Риккерта, до которого у меня до сих пор не доходили как следует руки, перемежая его «Августом и его временем» Карла Хёна. Временами в это занятие вторгается видение револьвера. Эта грубая железяка имела слишком мало общего с моей сущностью, чтобы представлять для нее серьезную угрозу.

Кирххорст, 13 апреля 1945 г.

На рассвете ушли американцы. Деревню они оставили после себя полуразгромленной. Мы все устали до изнеможения, как дети после ярмарки с ее толчеей, стрельбой, криками, балаганами, комнатами ужасов и музыкальными палатками.

Сегодня утром мы толковали об этом в школе с группой деревенских жителей и беженцев, которые собрались там после пролетевшей бури, все были немного взвинченные, немного обалдевшие, то есть в том настроении, которое берлинцы называют *durchgedreht*.²

¹ Лёнинг — знакомый Юнгера, генерал, командир подразделения вермахта, в районе Кирххорста.

² Одуревший, очумелый (фам. нем.).

Общее мнение гласило, что мы еще легко отделались. В других населенных пунктах, как например возле железнодорожного переезда в Элерсгаузене, где молодежь из гитлерюгенда подбила танк, дела далеко не так хороши. Главное, нам повезло, что в ночь перед вступлением американцев отсюда ушли зенитчики, предварительно подорвав свои орудия. Последние дни были заполнены переговорами между партиями, вермахтом и фольксштурмом.³ Мне, кроме того, что я сражался с гриппом, пришлось иметь дело со здешним крайслейтером,⁴ а Лёнинг информировал меня о том, что в это время происходило в гаулейтерстве.⁵ Когда партия удалилась в Голштинию, все стало гораздо проще. Мне с моими крестьянами было дано задание подстрелить два-три танка, чтобы прикрыть их отступление.

На этом примере я еще раз убедился в том, что у войны есть театральная сторона, о которой не узнаешь из документов, не говоря уже об истории. Тут, как и в частной жизни, порой действуют подспудные мотивы, которые почти никогда не проступают наружу. Ведется энергичный обстрел местности, чтобы наделать побольше шума и расстрелять снаряды и чтобы после можно было заявить, согласно заведенной традиции, что мы, дескать, «оборонялись до последнего патрона». Позицию удерживают до того момента, пока еще остается возможность для отступления, затем, отрапортовав обо всем в приукрашенном виде, испаряются, словно по волшебству. Я, разумеется, понимал, что эти голубчики задумывали, когда обсуждали планы обороны, но не подал виду, что догадываюсь: бывают такие положения, когда надо ставить друг для друга «золотые мосты».⁶ Кроме того, в игре такого рода время от времени кто-то ходит с козыря, то есть расстреливает того, кто слишком поторопился открыть свои карты. Это помогает, уходя со сцены, до конца сохранить достойный вид, что и можно было в очередной раз наблюдать в нашем случае.

Ради того, чтобы наглядно в этом убедиться, я по пути в школу заглянул в пожарное депо, чтобы взглянуть на тело, которое там лежало на цементном полу. Лицо было изуродовано, как будто от падения с высоты или удара. Мундир был расстегнут, под правым соском выделялось бледным пятнышком входное отверстие пули. Этого могучего силача все побаивались; накануне вечером он еще выступал с зажигательной речью и в ту же ночь вышел из дома, чтобы скрыться и залечь на дно, как сейчас сплошь и рядом поступают другие. Его подчиненные, ныне ставшие вервольфами,⁷ подстерегли его и без долгих разговоров застрелили. Что касается этих людей, то они таким образом подвели черту под

³ Фольксштурм — ополчение, созданное распоряжением Гитлера 25 сентября 1944 г. В фольксштурм призывали мужчин с 16 до 60 лет не служивших в вермахте. Руководителем фольксштурма стал Гиммлер. Фольксштурм охватил около 1 млн солдат

⁴ Крайслейтер — в гитлеровской Германии руководитель фашистской организации округа и самого округа.

⁵ Гаулейтер — в гитлеровской Германии руководитель фашистской организации области и самой области

⁶ «Ставить золотые мосты», т. е. оставлять противнику возможность для отступления — ставшие крылатым выражением слова немецкого сатирика Иоганна Фишарта (ок. 1546–1590) из его главного сочинения «Geschichtsklitterung», представляющего собой вольное переложение «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле

⁷ О создании подобия «спонтанной» партизанской и диверсионной организации «Вервольф» было официально объявлено 1 апреля 1945 г. Наделе «Вервольф» не отличался особой активностью. Самой известной акцией «Вервольфа» было убийство уже после завершения войны бургомистра Ахена Франца Оппенхоффа, который сотрудничал с американскими оккупационными войсками. В целом масштабы деятельности «Вервольфа», вопреки декларациям нацистской пропаганды, были ничтожными.

прошлым: поворот к анархии начинается с преступления, с убийства, для этого человек должен повязать себя кровью.

На кладбище я повстречался с могильщиком, он рыл могилу возле самой ограды. Могильщик спросил меня, достаточно ли она глубока. Затем он заговорил о самоубийстве одного из власть имущих, о чем он только что услышал. «Вот он и помер, толстомордый-то». Он произнес это с благодушной улыбкой маленького человека, чувствующего себя в безопасности. Эти люди словно трава под дубами: их легко затоптать, но затоптанные они с той же легкостью снова выпрямляются. Падение власть имущих — для них всегда праздник.

В деревне и по окрестностям нет ни одного разрушенного дома. Говорят, что целы и мосты через канал и через Лейне,⁸ несомненно, благодаря Лёнингу. Гаулейтер еще вчера произносил кровожадные речи, призывая население сопротивляться до последнего, а наутро его уже и след простыл.

Так что не все сбылось, чего можно было опасаться. Таково было общее ощущение, как можно было заключить по разговорам, которые я слышал в школе. Конечно, всплывали отдельные огорчительные подробности. Во многом это напоминало детей, которых без присмотра пустили в зоопарк. Тут пробуждаются разрушительные инстинкты. Так, например, машины, стоявшие на дороге или в сараях, были разобраны на части. Откопанные или найденные в захоронках продовольственные припасы были подвергнуты бессмысленному уничтожению. Их сжигали, полив бензином. Возможно, к этому подталкивает страх перед микробами, принявший маниакальные размеры. Старик Гауштейн рассказывал, какие страсти разгорелись вокруг его окорока:

— Тут и пошло, господин Юнгер! — Это значило, что началась рукопашная.

Слышно об изнасилованиях, случившихся по соседству, как, например, в Альтвармбюхене, где пострадала четырнадцатилетняя девочка, на которую набросился негр. Меня поразили старинные выражения, в которых об этом говорили собравшиеся, так, например, один сказал: «Женщин они под себя подмяли».

Между тем справедливость требует добавить, что в целом для всех нас и в особенности для обитателей нашего дома все складывалось благополучно. Командир танкового подразделения, человек благородных правил, не допускал в своем окружении никаких беспорядков. Я подарил ему свой спортивный пистолет, которым сам уже не пользуюсь. На его людей тоже не приходилось жаловаться. Прежде чем двинуться на рассвете дальше, они подмели за собой пол. А когда Перпетуя пришла на кухню, она нашла там на столе целую гору подарков: кофе, консервы и сигареты.

Что можно сказать обо всем, что мы услышали и увидели за эти дни? Мимо нас прошли люди. Это все объясняет.

В саду расцвел большой рябчик.⁹

Кирххорст, 14 апреля 1945 г.

После первой волны наступления появилась новая угроза: опасность исходит от

⁸ Лейне — небольшая речка около Ганновера

⁹ Этот цветок (*Focillaria* L.) в немецком языке носит более поэтическое название: императорская корона.

русских и польских пленных, которые следуют по дороге небольшими группами. Они совершают грабительские налеты на крестьянские дворы, главным образом в поисках убойного скота, спиртных напитков и велосипедов. В отличие от них французы ведут себя сдержанно, как элита среди пленных, и даже останавливают других. Американцы всегда на стороне населения, поэтому крестьяне с нетерпением ждут, когда в деревнях появится местная полиция. Таким образом, выясняется, что выгоднее иметь дело с коалицией, чем с отдельным противником.

В такие дни все время узнаешь много нового и можно бы узнать еще больше, кабы можно было отвлечься от горя. Правда, это способствовало бы лишь остроте, а не глубине наблюдений, ибо страдание самым неожиданным образом расширяет наш опыт.

В поле наблюдений можно выделить следующие аспекты:

1. Морфологоисторический. Так выглядело и так выглядит дело возле дорог наступления. Сейчас то, что я видел во Франции, Бельгии и в Люксембурге, дополняется взглядом с другой стороны. Моделью может служить четвертая глава «Симплициуса Симплициссимуса»¹⁰

2. Морально-теологический. Речь идет о коллективных отношениях, а именно:

а) действующих сторон. Они мстят друг другу,

б) страдающих сторон. Они разделяют вину и судьбы общности участием в страдании. Их страдание имеет тем большее значение, чем несправедливее оно выпадает на их долю; оно ложится на чашу весов грузом который определяет истину.

А вообще это был прекрасный весенний день. Оглядываясь назад, я, кажется, замечаю, что в периоды анархии я не только бывал в особенно светлом расположении духа, но мне тогда даже лучше работалось. Вероятно, я это очень рано понял и знал еще с детства, оттуда, как видно, и тоска по девственным лесам. В такие времена исчезает чудовищный груз, атмосферное давление цивилизации. Жизнь делается опаснее, но зато и проще. Мысли делаются неприкрашенными. Жизнь становится богаче; припасы, даже продовольствие, притекают рекой.

Итак, я засел у себя наверху среди ковров и книг, словно в бедуинском шатре, и углубился в мои бразильские записи. Рядом стояла бутылка бургундского, которое оставил нам на хранение Лёнинг. Грешно было бы допустить, чтобы такое вино досталось пришельцам из Кентукки; мой друг одобрил бы этот поступок. Чтобы я не так уставал, ко мне время от времени заглядывали Перпетуя или Луиза с чашкой крепчайшего кофе из гостинцев, которые оставили американцы.

Во дворе на солнышке мне нравилось смотреть на кур, которых я пересчитал, пока кормил. Все оказались-таки на месте. Затем я поставил себе стул в саду, чтобы вблизи полюбоваться на великолепие цветущего рябчика. Оранжевые колокольчики как жар горели из-под зеленых листьев, розовые прожилки, пронизывающие сочные лепестки, напоминали кровеносные сосуды под нежной кожей мавританской танцовщицы. С них стекали прозрачные медовые капли.

¹⁰ Роман немецкого писателя Ганса Якоба Кристофеля Гриммельсгаузена (1622–1676), действие которого происходит в период Тридцатилетней войны

Лилии образуют королевское семейство, целый царственный род. На чем все-таки основывается великое утешение, которым одаривают нас цветы? Я задумался над этим. Природа этого дара, во-первых, должна быть теллурически-эротического свойства, поскольку цветы — это любовные органы матери-земли, в них прорастают ее любовные стремления. Цветочная свадьба совершенна, никакая роскошь животного мира не может с ней сравниться. Кажется, будто в них с непосредственной, даже райской чистотой выразились космические законы. Может быть, подобные отношения существуют между солнцами и планетами. Кто знает, какими силами они взаимодействуют друг с другом?

Кроме того, в разглядывании цветочных венчиков заключено духовное наслаждение. Их молчание так глубоко, так убедительно, так символично. В любом деревенском палисаднике, на каждой меже сияют яркие мозаики и длинные ленты пиктограмм. Где еще можно так отчетливо ощутить возможность существования других, высших миров, кроме нашего? В их чашечках светится божественный нектар, вино вечной молодости.

Кирххорст, 15 апреля 1945 г.

Вишни и груши стоят в цвету. С побережья доносятся раскаты сильной канонады. Мы полностью отрезаны; отсутствует электричество, свет и вода, а также почта, газеты и известия. Их заменяют зловещие слухи.

По-прежнему преобладает ощущение нереальности. То удивление, которое испытывают люди, которые остались стоять на ногах после того, как их переехало пополам гигантское колесо. Возможно, это обман зрения, однако на поле боя я тоже не раз видел, как сраженный смертельным выстрелом человек еще продолжает стоять.

Частности: колбасу, сало и окорок обыкновенно не трогали, если они висели на виду. Когда же их находили закопанными, их рьяно уничтожали. Относительно моих бумаг я не беспокоился; они давно уже спрятаны в надежном месте. Не так-то просто найти такое укромное место, чтобы оно убереглось от человеческой хитрости и служило бы надежным укрытием от превратностей погоды. Поэтому иной раз удивляешься как чуду, что до нашего времени сохранилось так много старинных книг и пергаментов.

У одного рабочего, проезжавшего мимо нас, польские бродяги по теперешнему обычаю отняли велосипед. Вмешался подросевший американский патруль и вернул этому человеку его собственность. Он поблагодарил и хотел по старой выучке сделать на прощание «Хайль Гитлер!» Тут его отколотили, а велосипед снова отняли. Вот вам обратная сторона дисциплины!

Черточка для комедии: к нашему соседу Пинкфосу пришел американец, протянул хозяину стакан воды и предложил выпить. Пинкфос решил, что тот хочет его отравить, и стал отмахиваться обеими руками. Тогда солдат отвел его к водоразборной колонке, заставил налить новый стакан и попробовать воду. Оказывается, солдат тоже подозревал, что вода в колодце отравлена.

На этом взаимном недоверии людей друг к другу зиждется власть тиранов.

Кирххорст, 16 апреля 1945 г.

Если живешь в такие времена, как нынешние, рядом с одним из главных транспортных путей, то все невзгоды становятся тебе известны не понаслышке. Однако еще опаснее жить

на уединенных виллах или в отдаленных усадьбах, которые хоть и расположены в стороне от военных дорог, тем не менее, не укрываются от рыщущих повсюду мародеров. Там-то и случаются самые ужасы.

Нижнесаксонский крестьянин, живущий в усадьбе, в которой хозяйничают чужие солдаты, представляет печальное зрелище. Это старый король в окружении черни, которая его грабит и над ним же издевается.

Я сейчас поселился в комнате Эрнстеля и читаю оставшиеся после него книжки. Он так мечтал о занятии гуманитарными науками, в особенности его привлекала история.

Здесь я обнаружил и все письма, которые он получил от меня, они были сложены в отдельную папку. Перечитывая их, я с болью душевной понял, что каждое письмо, которое мы посылаем своим близким, представляет собой часть важнейшего дела. Если бы мы, берясь за перо, постоянно об этом помнили! Подобно тому, как всякий еще при жизни носит в себе мертвый череп, точно так же каждый носит в себе свойства будущего покойника — субстанцию будущих благоговейных воспоминаний.

Кирххорст, 17 апреля 1945 г.

Книга Эсфири — блистательный образец в манере Геродота. Я всегда с удовольствием ее перечитываю. Она вводит вас в царство глубокой древности, словно в усыпальницу.

Вот и царю Агасферу не удалось истребить евреев. Дело всякий раз оборачивается подрезанием и тем самым укреплением могучего древа, новым ростом его ветвей. У крещеных народов нет этой вековечной стойкости. Это — таинство медного змия, земное бессмертие.

Было ли наше преследование последним горем перед явлением второго мессии, Параклета,¹¹ с приходом которого начнется царство духа? Невозможно, чтобы такие жертвы не принесли своего плода. Так что же значит этот свет, зарницы которого уже показались над высочайшими ледниками? Отблеск ли он пожаров или утренний свет восходящей великой звезды? Быть может, и то и другое, ибо что есть восход и заход перед лицом абсолюта? Всего лишь обозначения человеческой позиции.

Среди евреек, очевидно, есть особые избранницы — *flor extra fina*,¹² — которые созданы, чтобы пленять властителей, повелителей мира. К ним относятся Эсфирь, Юдифь, Саломея, Вереника и другие. Наверняка женщины этой породы, соединяющие в себе необычайную физическую и духовную прелесть, участвовали, хотя и скрытно, в нынешних коллизиях. В чувственном отношении они представляют собой то же самое, что золото среди металлов. Ножницы Далилы в тончайшем исполнении. Эсфирь, прежде чем ей предстать перед Агасфером, готовили к этому целый год: шесть месяцев ее умащали миррой и бальзамом и шесть месяцев пряностями. Для нас это утраченные знания.

Поток движения на дорогах не кончается. Орудия, танки, бензовозы едут и едут,

¹¹ Параклет (греч.) — «призванный», «помощник», о нем речь в Еванг. от Иоанна (14–16). Параклет делал возможной жизнь верующих после смерти Христа, сохранял его откровение и обозначал преемственность с делами Христа.

¹² Букв.: всегда в поре цветения

проезжают и гигантские понтоны, очевидно, для форсирования Эльбы. Там произойдет рукопожатие с русскими. Назад ведут пленных. Это особенно тяжело — наши люди и рядом иностранные солдаты.

Мы живем без известий. Говорят, будто бы Рузвельт умер, а Геринг застрелился. В стране продолжаются грабежи.

Кирххорст, 18 апреля 1945 г.

Чтение Книги Иова, к которому я приступил сегодня, всегда полезно, в хорошие дни как предостережение, в плохие — как утешение. Вместо тех дурацких сопоставлений, которые в выпускном классе гимназии нам задавали в качестве темы сочинений, лучше было как-нибудь предложить нам сопоставить Фауста и Иова или разобрать сложное переплетение действенного и страдательного начала. Я все сильнее ощущаю, как же нам не хватало настоящих учителей, и могу только радоваться как удаче, что у меня никогда не было недостатка в книгах.

Крестьяне снова вышли в поле. Я тоже продолжаю работу: в саду, над сбором и за письменным столом, между тем как за воротами продолжается штурм моторов. Однако мы сознаем, что нас в любую минуту могут выставить из дома, ограбив и раздев до нитки.

Американский командующий запрещает своим войскам «братание» с немцами, а мы этому только рады.

Кирххорст, 20 апреля 1945 г.

Продолжаю Иова. Здесь столько постигнуто, сколько не найдешь ни в какой философии; страдание — самый глубокий золотоискатель.

Одновременно читал воспоминания датской графини Ульфельд, которые она оставила после себя под названием «Jammers minde».¹³ Такие долгие годы тяжелого заключения, какие выпало ей провести в Синей Башне, указывают на влияние гороскопа, на воздействие необоримых сил. Они могут действовать непосредственно, через несчастливую констелляцию, или привлекая в помощь себе предпосылки характерологического порядка. Последние являются вторичными, ибо тюрьма открыта как для виновных, так и для ни в чем не виноватых; в заточение могут привести как пороки, так и добродетели.

Узы прежде всего подобают неукротимым жизненным инстинктам. Это очевидно в отношении преступности. Однако то же самое относится и к миру эротики, как можно видеть на примере Казановы, де Сада, Шубарта, Тренка. Они составляют неразрывную пару с той лихорадочной страстью к путешествиям, которая связана с эротикой, на что первым, как мне кажется, указал Вейнингер,¹⁴ Дон Жуан, спасаясь от преследователей, вынужден все время кочевать с места на место; Кант, можно сказать, безвыездно прожил в Кенигсберге. Менее всего эта опасность грозит натурам уравновешенным; и они легче переносят заточение.

¹³ Скорбные воспоминания (дат.)

¹⁴ Вейнингер Отто (1880–1903), австрийский философ, автор книги «Пол и характер» (1903), пользовавшейся сенсационным успехом в Австрии и Германии в первые десятилетия XX в. Демонстративно покончил жизнь самоубийством в доме, где скончался Бетховен.

Максима: отсутствие внутренней узды восполняется внешними узлами. Поэтому титанические черты более всего навлекают на нас эту опасность; величайший узник — Прометей. В этом заключается одна из причин того, что в наше время растет число тюрем. Тюремны являются такой же неотъемлемой принадлежностью технического коллектива, какой в эпоху готики были монастыри. Сюда же относится и безумие, играющее роль смирительной рубахи для титанического духа.

А за окном все тянется поток освобожденных русских и поляков, вместе с этим продолжаются грабежи. Вчера мы принимали у себя троих французов, симпатичные люди, впрочем, мы вообще стараемся по возможности всем, кто к нам заходит, оказать посильную помощь, накормить или приютить. Не только потому, что к этому обязывает простая человечность, но и потому, что это лучше всяких запоров спасает от ограбления.

Нынешние условия лишний раз демонстрируют нам превосходство подлинного труда: крестьянин может работать, как обычно, то же и писатель, а вот тот, кто зависит от бюрократии, электростанции или других распределяющих инстанций, — нет.

Задача автора — не только понять ситуацию, но еще и подчинить ее себе, уловить ее в зеркале, в котором могут отражаться даже картины ужасов.

Кирххорст, 24 апреля 1945 г.

Анархия, а следовательно и грабежи, продолжаются. Посетители чрезвычайно разнообразны. Есть такие, которые вежливо просят, чтобы им дали одно яйцо, другие являются ночью с оружием и уносят золото и драгоценности. Третьи уводят из конюшен лошадей и режут чужую скотину. О мелких убытках, как например о том, что в курятнике что ни день не досчитываешься нескольких кур, я и не говорю. Хозяйка дома не плошает перед трудностями и не теряет чувства юмора, даже когда к ней на порог является негр в сопровождении трех русских. Это главное. Ситуацию нужно творить, а не принимать, как есть.

Где-то, по-видимому, уже принялись за дело силы порядка, ибо со вчерашнего дня заработала электропроводка. Словно по волшебству пробудилась толпа невидимых помощников, и вдруг зажглись лампочки, заработал водопровод, заговорило радио. Сеть подключилась, и рыбы возликовали. Тем самым мы в первый раз слышали новости. В Берлине идут бои, Бремен и Гамбург находятся под обстрелом, французские части подошли к Боденскому озеру. Значит, спектакль будет доигран до ужасного конца без новых идей по старинке.

О созерцании. В его фигурах мы совместно и одновременно воспринимаем те вещи, которые в логике представлены последовательно, в виде цепочки. Это пришло мне в голову сегодня в саду за разглядыванием бархатно-коричневой примулы с желтой чашечкой. Чувство умиротворенного наслаждения, которое вызвало у меня ее созерцание, проистекало из того, что ее краски излучали мягкое тепло укрощенного, прирученного пламени. Желтизна — это очаг, коричневый цвет — его затухание. Багряный ободок вокруг сердцевинки, вероятно, вызвал бы более живую, но и более тревожную радость.

Кирххорст, 26 апреля 1945 г.

Такие изобретения, как подзорная труба или микроскоп, не открывают новых миров; скорее, они представляют собой органы или, может быть, даже подпорки для уже постигнутого. Поэтому они не только, как сказал Гёте, смущают человеческий ум, но, может

быть, служат признаком помрачения голов, доумство-вавшихся до изобретения стеклянных глаз, уничтожающих волшебное очарование мира. Внешняя оптика меняется в подражание внутренней, а не наоборот. Для того чтобы, как Лауе,¹⁵ додуматься до кристаллической решетки, нужно уже иметь представление о той дичи, которую загонщикам предстоит прогнать через ее прутья. То же самое относится и к раскопкам. Фотография появилась тогда, когда человек приобрел фотографическое зрение. Космические полеты должны начаться тогда, когда весь глобус окажется в охвате одной руки, как шар — символ державной власти. Границы переместятся в космическое пространство. От заряженного шара сыплются искры. Мировое государство как масса требует своей антитезы; этому должно предшествовать космическое мышление. Незримое запечатлевается в стихотворении, в царстве мечты, и затем оно приобретает зримое воплощение. Историк должен отыскать обратный путь, ведущий назад, к сокровищницам.

Кирххорст, 28 апреля 1945 г.

Владелец большого имени, которое я вижу, сидя за письменным столом, ночью был злодейски убит польскими работниками за то, что отказался дать им бензин. Говорят, его пытали. Засим последовала попойка, шум которой доносится оттуда еще и сейчас.

Говорят, что в Б. тамошнего бургомистра привязали к машине и таскали так по земле, пока он не умер. Других увезли, усадив верхом на радиатор. К трактирщику заявился пьяный негр и потребовал, чтобы ему дали кровать и женщину. Так как ему не могли предоставить такой услуги, он отправился дальше к Гауштейнам и высадил у них дверь. Его ублажили яичницей, спешно нажарив ему полную сковородку.

В усадьбах, где нет мужчин, потому что они пропали без вести или находятся в плену, расположились оравы русских, которые каждый день режут скотину и пируют затем, как женихи Пенелопы. Можно видеть, как они загорают там у заборов; чудовишно скуластые лица, бархатно лоснящиеся от жратвы щеки.

За окном все тянется ревущий поток машин в каких-то двух шагах от каменной ограды сада, в котором я работаю. Две противоположности, которые я часто видел во сне — поток и цветы по берегам. Я размышлял над этим, пока пропалывал грядки от сорняков. Один раз вместе с корнями я вытянул из земли старинный пфенниг, оброненный, наверное, давно умершим священником, когда он опорожнял церковную кружку для пожертвований. На монетке был изображен скачущий конь — герб королевства Ганновер, на оборотной стороне значилась дата — 1837, год по-своему роковой, поскольку тогда на престол сел слепой король.¹⁶

Кирххорст, 29 апреля 1945 г.

Сегодня стало известно, что Муссолини был схвачен на швейцарской границе итальянскими партизанами, осужден полевым судом, расстрелян, а затем повешен позорным способом. Такая же судьба, по слухам, выпала на долю Фариначчи и других партийных вождей. О Гитлере ходят различные слухи. Согласно одной из версий он «находится при

¹⁵ Макс фон Лауе (1879–1960) — немецкий физик, лауреат Нобелевской премии за революционное исследование движения рентгеновских лучей и электронов в кристаллической решетке.

¹⁶ Георг V (1819–1878) — представитель Ганноверско-Брауншвейгской династии, смещен Бисмарком после объединения Германии по причине союзных отношений Ганновера с Австрией

смерти».

Мы сейчас заново переживаем век, когда погибали один за другим Гальба, Отон, Вителлий¹⁷ он повторяется во всех подробностях с тем отличием, что на горизонте не видно Веспасиана. Вителлия волочили, надев на крюк. Все это уже очень давно можно было уловить, прислушавшись к ликованию масс. Как говорит Гераклит, когда языки народных ораторов становятся острыми, как нож мясника, ликование толпы звучит в ритме взмахов серпа или топора. И, треснув, разлетаются старые запоры. Снова, в который раз, перечитываю дело Дрейфуса, от которого у меня всегда заходится сердце. В нем, как в изощенной модели, сработанной демонами, явственно проступают все силы нашей эпохи; здесь они сходятся, складываясь в многогранный кристалл. Этот процесс представляется все более значительным, по мере того как ход исторического развития подтверждает его все новыми примерами. Как же похожа судьба германского генерального штаба на судьбу полковника Анри, Дрюмона, Барреса, судьбу «Libre parole»¹⁸ — эти неисчерпаемые источники наших общих мест!

Кирххорст, 1 мая 1945 г.

Цветут сирень и ландыши. Эти цветы и пылающее сердце украшают портрет сына; сегодня ему бы исполнилось девятнадцать лет.

В 119-м псалме, манифесте праведной жизни, я вычитал прекрасный стих: «Странник я на земле, не скрывай от меня заповедей Твоих... Оживи меня по слову Твоему».¹⁹

В этом смысле смерть — величайшее научение, какое мы только можем получить, и тогда мы перестаем быть странниками. Мы вступаем в свои владения.

Вечером по радио объявили о смерти Гитлера, которая столь же темна, сколь и многое другое, витающее в атмосфере вокруг его личности. У меня было такое впечатление, что этот человек, подобно Муссолини, давно уже действует как марионетка в чужих руках, под влиянием посторонних сил. Бомба Штауфенберга не отняла у него жизнь, но убила ауру; это было заметно даже по его голосу. Еще задолго до того, как оно произошло, я уже предчувствовал, что нечто подобное будет предпринято, причем человеком старинной фамилии, думал также, что оно подействует только в случае неудачного исхода. В 1939 году я подробно изложил эти мысли на примере образа Зунмираса.²⁰

Говорят, что этот великий человек будто бы отравился. Это противоречит видению, о

¹⁷ Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан — римские императоры или претенденты на имперский титул, погибшие насильственной смертью. Так, Вителлий (15–69), будучи наместником в нижней Германии, был провозглашен императором своими легионерами. Направился в Рим, где погиб в борьбе с Веспасианом, которого провозгласили императором восточные легионы. Гальба (3 г. до н. э. — 60 г.) возглавил восстание против Нерона, но сам погиб от рук преторианцев;

¹⁸ Букв.: «Свободное слово» (фр.). «Libre parole» — печатный орган антидрейфуссаров, яростно нападал на президента-дрейфуссара Эмиля Лубе, избранного в 1899 г. «Libre parole» представляла президента Лубе как сообщника иудео-дрейфуссарского синдиката.

¹⁹ Ветхий Завет: Пс. 118, 19–25.

²⁰ Зунмирас — персонаж из книги Юнгера «На мраморных скалах», вышедшей осенью 1939 г. в Гамбурге, бывший почти неприкрытой демонстрацией антинацистских настроений.

котором Циглер рассказывал мне в 1942 году, кажется, в Париже. Его супруга увидела Гитлера лежащим в каком-то темном месте, изо рта у него текла кровь. За несколько лет до этого она увидела в астрономический час пожар большого дирижабля в Лейкхерсте.

При воспоминании об этом вечере меня охватывает жуткое чувство. Это было в «Кафе-де-ла-Пэ».

Мы должны вернуться, пройти вспять по пути, предначертанному Контом: от науки через метафизику к религии. Разумеется, под горку-то идти было легче. И по каким же признакам мы поймем, что приблизились к цели? Да по всему! А в духовном плане по тому, что воззрения будут делаться более общими, а не более частными, как теперь.

Кирххорст, 2 мая 1945 г.

В саду цветут одичавшие белые нарциссы. Они напоминают мне о моих странствиях по каменистым участкам Айн Дьаба, где я видел такие нарциссы в декабре, они цвели в пустыне плотными кустиками.

Я продолжаю просмотр моих бразильских заметок, причем замечаю, что мое ухо стало чувствительнее к малозаметным плеоназмам, таким, как например «еще нетронутый».

То же относится и к скрытым противоречиям; при обострившемся зрении обнаруживаешь, что они кишат повсюду, словно микробы. Выражение «приобрести оттенок» годится вообще только для приятного оттенка, однако такие соображения не возникают при математическом складе ума.

Впрочем, эту точность не следует доводить до крайности, граничащей с педантизмом. Язык не сводится к логике, он всегда в чем-то шире. Если убрать эту разницу, язык станет стерильным. Стремление к абсолютной точности заводит в тупик. Автор же должен понимать различие между математической и художественной точностью.

Я сделал интересное наблюдение, что ночные бомбежки, которые в последние годы в значительной степени окрашивали всю нашу жизнь, были тотчас же забыты, как только прошли американцы. В памяти населения они остались точно сон. Это бросает определенный свет на иллюзорность страшного мира.

Труд, внимание к мелочам создает не только некий противовес иллюзиям, но также помогает сохранять достоинство или восстанавливать его в том случае, если ему нанесен урон. Чем больше усиливается паника, тем приятнее видеть человека, который не придает ужасному чрезмерного значения и не склоняется перед ним — в атеистические времена это дается не легче, а напротив, даже труднее. В детстве, когда я едва научился читать, на меня большое впечатление произвел один случай времен боксерской войны. Кажется, это был рассказ одного офицера из штаба Вальдерзее²¹ о казни китайских заложников. Они стояли в длинной очереди, дожидаясь, когда им отрубят голову. Офицер обратил внимание на одного китайца, который, стоя в этой очереди, читал книгу. Это зрелище его поразило, и он выпросил у распорядителя казни сохранить жизнь этому человеку, его просьба была исполнена. Он сообщил читающему, что тот помилован. Китаец вежливо поблагодарил его, сунул книжку в карман и ушел с места казни, где все продолжалось прежним чередом.

²¹ Вальдерзе Альфред фон (1832–1904), германский генерал-фельдмаршал с 1900 г. В 1888–1891 начальник генштаба, выступал за превентивную войну против России и Франции. В 1900–1901 командовал объединенными войсками держав при подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае.

Позднее я спрашивал себя: какого рода могла быть книга, которую он читал? Надо бы узнать этот текст. Сегодня я могу себе представить, что он читал какую-нибудь главу из книги «Цзин Пин Мэй»²² или руководство по разведению лилий. Знающего человека узнают не по материи, которой он занят, а по его знанию. Вот в чем проверка; есть пустые молитвы, а есть улыбка, которая убеждает.

Крестьяне снова в поле, хотя у них расположились на постой пирующие орды. Что будет с урожаем, неизвестно. Но крестьянин с плугом, пашущий свое поле, в то время как по дорогам идут войска, представляет собой мощный образ неустанного хода, непрерывного продолжения, настойчивости человеческих усилий, которые так часто оказываются тщетными и которые тем не менее важнее, утешительнее и имеют более прочную и глубокую основу, чем прогресс, который, скорее, от нее отдалится. Пахарь возвращается; я видел его во время наступления во Франции, и говорят, что он пролагал свои борозды между враждебными армиями, сходящимися к полю при Ватерлоо.

Кирххорст, 4 мая 1945 г.

Завтрак разделяли с нами двое заключенных, освободившихся из лагеря Бельзен. У одного было пергаментное лицо, продубленная взрывами, сильными ожогами и обморожениями кожа. Он находился в заключении с 1939 года, в последние годы в должности капо при кухне, т. е. занимал привилегированное положение, что и сохранило ему жизнь. Я подробно расспросил обо всем этого человека, прошедшего через ряд лагерей. Сейчас наконец правда про эти места вышла на яркий свет, сменив собой слухи. Мы узнаем подробности гнусного устройства этих подлейших заведений, всю грязь их практического существования, достижения по части экономии. Свет приносит полное разоблачение, в то время как слухи оставляют слушающему возможность создать в уме, хотя и ужасную, но воображаемую картину. Я вспомнил Манца, он отсидел там больше года, но ни разу, даже за рюмкой, не решился обмолвиться ни о чем ни единым словом, кроме мрачных намеков. От намеков в случае чего еще можно отпереться, а от деталей нельзя. Однажды, когда мы в уютной компании сидели в «Рафаэле», проводя время за обычными разговорами, он вдруг поднял вверх палец: «Ничего не говорить!» Казалось, что из самых потаенных глубин его души поднялось на поверхность что-то невыразимое и на мгновение прервало все шуточки, словно совиный крик. Он это видел и поплатился за это одним глазом.

Близ Гросхорста один американец занялся частным промыслом. Выйдя из машины, он, угрожая автоматом, останавливал людей и отнимал у них часы. Все-таки лучше, чем если бы он снимал у них скальпы.

Разбирая письма и старые записи, я нашел там цитату, лет десять назад выписанную из сочинения Кассиана²³ об устройстве монастырей:

«Ибо не победив свою плоть, нельзя вести праведную борьбу».

Кирххорст, 6 мая 1945 г.

²² «Цзин Пин Мэй» («Роза в золотом кувшине») — анонимный китайский средневековый нравоучительный роман.

²³ Кассиан Иоанн (ок. 360–435) — основатель христианского монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни. С 390 г. около десяти лет провел в монастырях и скитах Египта. Ок. 415 г. основал два монастыря (мужской и женский) близ Марселя и написал для них «Установления», легшие в основу устава св. Бенедикта Нурсийского.

Дороги все еще переполнены выходцами из концентрационных лагерей. Те, кто думал, что страну наводнят шайки грабителей, насколько я могу судить отсюда, ошиблись в своих предсказаниях. Эти люди, скорее, кажутся мне радостными, словно восставшие из мертвых. Утром к нам на двор зашли шестеро евреев, освобожденных из Бельзена. Самому младшему было одиннадцать лет. С изумлением ребенка, никогда не видевшего ничего подобного, он жадно разглядывал детские книжки. Наша кошка также вызвала у него величайшее удивление, словно перед ним предстало некое поразительное фантастическое существо.

Эта встреча потрясла меня; я словно заглянул в окно, через которое стала видна вся бездна пережитых ими лишений. «Число пострадавших не имеет значения» — вот еще одно высказывание, которым я понапрасну подставил себя под удар критики. Но она справедлива даже в психологическом плане, поскольку только вид отдельного человека, нашего ближнего, способен дать нам понятие о всемирном страдании. В богословском плане она означает, что отдельная личность может взять на себя страдание миллионов, стать равновесной ему, преобразить его, придать ему смысл. Это образует барьер, потайную камеру-одиночку посреди статистического, бескачественного, плебисцитарного, пропагандистского мира с пошлой моралью, в котором люди боятся слова «жертва». Но и в наши дни чудовищная сумма страданий обретет смысл только при условии, если мы увидим, что были люди, которые из области чисел перешли в область значения. Только это и может возвыситься над катастрофой и вывести ее за пределы пустого круговращения, из того водоворота, в который втягиваются все новые толпы мстителей.

Кирххорст, 7 мая 1945 г.

Как сообщают русские, они обнаружили в Берлине трупы д-ра Геббельса и его семьи, которые умерли, приняв яд.

Я снова размышлял над отдельными этапами этого знакомства. Оно началось со шпандауского диссонанса и закончилось шесть недель тому назад, когда он запретил упоминать обо мне в прессе в связи с моим днем рождения.

Франке, погибший впоследствии на посту командира южноамериканской канонерки, все время приставал ко мне, чтобы я ходил на собрание, где выступал Геббельс, хотя и знал, что я не ожидал от этого ничего замечательного. Однажды мы все-таки поехали в Шпандау.²⁴ Вероятно, это было довольно скоро после того, как знаменитый «доктор» перебрался в Берлин. По крайней мере зрелище оказалось поучительным: как этот маленький кобольд сумел захватить массу, в значительной части представлявшую «коммуну», как он ее повернул и привел в иступление. Такого у нас вообще, и в частности в Пруссии, не видывали. Социал-демократы, напротив, строили свои выступления как научно-просветительские. Тут коммунисты поняли, что они упустили, и начали подражать, но они уже опоздали. Потом я также слышал речь Тельмана, в которой тот говорил об Ульрихе фон Гуттене²⁵ и немецкой свободе. Сделай он это лет на десять раньше, во времена «Крейсера Потемкина», это произвело бы фурор.

Потом мы иногда тоже посещали собрания обеих партий в «Шпортпаласте», которые протекали очень похоже как по технике, так и по господствующему настроению

²⁴ Шпандау — город и крепость в округе Потсдам.

²⁵ Ульрих фон Гуттен (1488–1523) — выдающийся публицист эпохи гуманизма.

семейственности, напоминая большие палаточные лагеря, в которых народ братается под звуки маршей. Новинкой было также появление фанатически настроенных женщин.

«Этот перехватит у них революцию» — примерно так можно выразить настроение, с которым я слушал д-ра Геббельса в Шпандау. Возможно, как оратор он никогда больше не достигал таких высот, как в тот раз — я говорю не про мастерство, а про силу непосредственного воздействия. Один из секретов этих людей состоял в том простом факте, что у них было больше живой хватки. «У правительства не хватает духу меня расстрелять, однако в этом вопросе между нами нет взаимности». Кажется, это было сказано где-то в Южной Америке. Они столкнулись с республикой, в которой имелись либералы, но почти не было республиканцев, за исключением отдельных личностей вроде Отто Брауна,²⁶ который тщетно призывал произвести целительное кровопускание. Само по себе положение складывалось не так уж безнадежно для правительства, будь оно только порешительнее. Как-никак две экстремистские массовые партии все же лучше, чем только одна. Однажды их колонны сошлись друг против друга на площади Александерплац. И я увидел, в чем, кстати, нисколько не сомневался, как нескольких полицейских сотен хватило, чтобы их развести и управиться с обеими сторонами. Если ты крепко держишь ружье, то можешь погибнуть в бою, но если отдашь его, послушавшись болтунов, то будь готов к унижительным мерзостям.

Голос доктора не был топорно агрессивным, он был до гладкости тщательно выделанным, дисциплинированным. Это не был голос великого трибуна, неколебимо уверенного в своем послании, в той вести, которую он должен сообщить. Он был окрашен размышлением, навевал представление о многих часах, проведенных в аскетическом бдении и посвященных ученым изысканиям. Такой голос можно встретить у руководителей рекламных кампаний, у рекламных агентов «крупного калибра», которые приходят расхваливать сложные схемы страхования, а после их посещения ты обнаруживаешь, что впутался в систему долгосрочных выплат. Его образные выражения были лишь слегка, однако эффектно, огрублены, как например «лоб и кулак» вместо «голова и руки». В целом то, что он говорил, было несколько выше уровня понимания его слушателей, но все же доступно их восприятию. Притом доктор обращал внимание на то, как он одевался, носил синий костюм из хорошей материи. Однако не оставалось сомнения, что он свой человек; так мог бы одеваться сын простого механика, получивший высшее образование.

Это было одно из тех празднеств, на которых люди открывали для себя существование бесклассового общества. Это вызывало сильный порыв, прилив энергии. Ее кипение так и чувствовалось в огромном зале. В смысле стихийной силы, исторического сырья и его добычи из глубинных недр это было весьма удивительное зрелище. В деле агитации сторонников и соответствующих технических приемов они далеко обошли и буржуазию, да и коммунистов тоже. Те все еще никуда не ушли от классового государства. В идеологическом плане, правда, дело не пошло дальше перепева банальностей XIX века в обновленной аранжировке, а не то и вовсе сводилось к повторению старых азов, ведь с тех пор демократия осознала свой национальный характер. С этой точки зрения они отставали от марксизма. Но по сути дела не имело никакого значения, что именно говорит этот ловкий человечек. Порой у меня возникало такое ощущение, что он, словно дирижер, легкими мановениями руки управляет человеческим хором. Ну, я и ушел, не дожидаясь конца.

²⁶ Браун Отто (1872–1955) социал-демократ, прусский министр-президент в период Веймарской республики, его называли за авторитарный стиль «красный царь». Между тем при нем почти весь межвоенный период Пруссия была оплотом демократии в Германии. Вследствие невнятных итогов выборов в прусский ландтаг 20 июля 1932 г. в результате практически государственного переворота Франц фон Папен отменил пост прусского министр-президента и заменил его комиссаром, назначаемым правительством. Силой бороться против незаконных действий власти Браун не решился, а судебное разбирательство ничего не дало.

Мы снова встретились в ту же ночь или уже под утро у Франке, где я узнал, что в зале произошла крупная потасовка. Меня ожидала роль человека, усаженного на почетное место и смывшегося при первых признаках опасности. Мой добрый гений уберег меня от этих лавров. Смысл понятия «ветеран» сместилось тогда в сторону участника гражданской войны, перед которой померкли звезды Лангемарка.²⁷ Тогда, в квартире Франке, я подумал, что теперь-то доктор посвятит нас в смысл таинств, но он лишь повторил те же банальности.

Потом мы время от времени встречались на Гейльбронской улице в нейтральном месте, которое он, по-видимому, рассматривал как вербовочный пункт для будущих капитанов. Так, он придавал важное значение встрече с Эрнстом Никишем,²⁸ в результате между ними состоялся неприязненный диалог — это была встреча кошки с собакой. Этот диалог оказался очень поучительным, так как он затронул самые чувствительные точки, например слово «рабочий». В этом смысле он был похож на короткую, точную аускультацию с плачевным результатом. Никиш уже не был марксистом, но подобно Генрику де Ману,²⁹ он прошел школу диалектики, и это не могло не сказаться. По этой причине их разговор отчасти напоминал такое абсурдное мероприятие, как состязание между тяжеловесом и боксером легчайшего веса, причем интеллектуальный силач одновременно был слабее в политическом отношении. Эта встреча больше не повторялась. Однако я полагаю, что она повлияла на судьбу Никиша.

Потом там можно было видеть функционеров, которые приходили туда после первых успехов на выборах, вероятно, надеясь как-то пережить надвигающиеся перемены. Приходили знаменитости кино, радио и прессы, актеры и актрисы, среди прочих Георге,³⁰ который производил там такое же неуместное впечатление, как если бы вдруг средневековый человек, своего рода Флориан Гейер,³¹ нечаянно забрел в бар современного отеля. Там я познакомился и с Валериу Марку, маленьким, необыкновенно умным евреем, который

²⁷ Местность в Бельгии к северу от Ипра, где во время Первой мировой войны происходили тяжелые, кровопролитные бои, в которых с немецкой стороны было много погибших.

²⁸ Никиш Эрнст (1882–1968) — национал-большевик, но при этом истинный пруссак в смысле особенно четкого понимания долга (в любом смысле). Всю Веймарскую республику выступал против буржуазной демократии в Германии, за союз с большевистской Россией. Сразу и резко выступил против НСДАП и Гитлера, поэтому в 1937 г. попал в концлагерь, откуда вышел только после войны. Никиш был единственным политиком, которого Юнгер воспринимал серьезно и очень уважал. Познакомились они в 1927 г. в Берлине. После ареста Никиша Юнгер принял у себя его жену Анну и сына. После войны жил некоторое время в ГДР, а после подавления в ГДР 17 июня 1953 г. рабочего восстания переселился в ФРГ. До конца жизни активно выступал как публицист, оставил мемуары.

²⁹ (Ман Генрик де (1885–1953) — бельгийский политик, подвизался в рабочем движении, преподавал в Академии труда во Франкфурте-на-Майне. Выступал до Второй мировой войны с «ревизионистских» позиций против большевизма. Считал возможным совмещение государственного кредита и частного предпринимательства. Его программа была нацелена на поощрение развития среднего класса. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, поэтому эмигрировал, дабы избежать тюрьмы у себя на родине. Со временем вовсе порвал с марксизмом.)

³⁰ Георге Стефан (1868–1933) виднейший немецкий поэт-символист. Обладая необыкновенной для творческого человека и поэта харизмой, он сплотил вокруг себя энтузиастов обновления Германии на основе абсолютной ценности нравственности. Стиль Георге отличался изысканной сложностью, обилием архаизмов. Мистика, культ героического импонировали нацистам, но сам Георге к нацистам никакого отношения не имел.

³¹ Гейер Флориан — немецкий рыцарь, ставший на сторону мятежных крестьян во время Крестьянской войны, убит в 1525 г. Герой ряда литературных произведений (Й. В. Гёте, Г. Гауптман).

сыграл заметную роль во время венгерской революции при Бела Куне и уже шестнадцатилетним подростком совершил паломничество в Цюрих к Ленину, о котором даже написал книгу. Теперь он занимался представителями революционной мысли, которые после 1806 года появились в среде прусского офицерства, уже написал работу о Шархорсте и «Рождение наций» и готовил книгу о преследовании евреев в Испании и Португалии.

Еще тут были люди «Черного фронта»³² — уволенные майоры вроде Бухрукера и Гильберта, из которых один замыслил поднять восстание в Кюстрине, другой — командовал в Туркестане большевистской дивизией, был некто доктор Геймзот — друг Рема и врач по профессии, имевший какую-то сомнительную практику в районе Виттенбергской площади, настоящая волчья яма. Подобно ясновидящему Гануссену³³ он был так напичкан опасными тайнами, что его ликвидировали одним из первых.

Сам доктор тоже приводил с собой свою свиту, которую я тщетно пытаюсь припомнить поименно, поскольку они были еще тоньше и глаже, глаже чем их шеф. Один из них, как я заметил, отличался тем, что умел так подладиться к господствующему на данный момент мнению, что сам как бы растворялся, становясь невидимкой, он, словно хамелеон, сливался с рисунком обоев. Впоследствии он, кажется, стал обербургомистром Берлина.

Ателье на седьмом этаже, от которого были в ужасе все остальные обитатели дома, походило на освещенный аквариум, в котором кишела живность на любой вкус: каракатицы, медузы, длинноволосые актинии, акулы эмбриончики с еще не отвердевшей кожицей. В прихожей висела карта Нью-Йорка. Трудно было найти где-нибудь более разнородное общество, если только вы не посещали празднества, устраиваемые Эрнстом Ровольтом,³⁴ который явно находил особое удовольствие в составлении экзотических пиротехнических смесей, особенно в честь дня своего рождения. Там можно было встретить Брехта, Броннена, Эрнста фон Заломона³⁵ и заядлых пьяниц вроде Томаса Вольфе.

Социологическая мерцательность относится к числу первых признаков климатических катаклизмов, так же как и помрачение умов, оптимистическое настроение, не позволяющее

³² «Черный фронт» или «Черный рейхсвер» — тайные объединения бывших военнослужащих рейхсвера, численность которого по условиям Версальского мирного договора (1919 г.) была сокращена до 100 000 человек.

³³ Гануссен — псевдоним Германа Штайншайдера — модного в 1920-е гг. немецкого ясновидящего и мага. Был убит нацистами в 1934 г. по неясным причинам.

³⁴ Ровольт Эрнст (1887–1960) — гамбургский книгоиздатель, ратовавший за всеобщее примирение и взаимопонимание немцев. Часть книг, выпускавшихся этим издательством, среди которых были романы, труды по истории культуры, биографии и т. п., печатались в виде дешевых карманных книжек.

³⁵ Заломон Эрнст фон (1902–1972) — немецкий писатель. В период Веймарской республики был осужден на 6 лет за убийство Вальтера Ратенау. Был активным участником «фрайкоров». О жизни и идеалах «фрайкоров» оставил любопытное произведение — роман «Презренные», весьма популярный в 1920-е гг. При нацистах довольно успешно занимался сценариями для кино, а после Второй мировой войны написал иронически-саркастическую автобиографическую книгу «Анкета» (Fragebogen, 1951), также довольно популярную в свое время. В этой книге он справедливо критиковал формальный характер денацификации в Западной Германии.), Рудольфа и Спида Шлихтеров (Шлихтер Рудольф (1890–1955) — художник, литограф, писатель. Примыкал к радикальному художественному авангарду (дадаистам). В 1920-е гг. был самым известным представителем социально-критического крыла *neue Sachlichkeit* (новая предметность). В 1924 г. вместе с другими художниками основал «Красную группу» художников-авангардистов, а в 1928 г. — «Ассоциацию революционных художников». После Второй мировой войны обратился к сюрреализму. Софи — его сестра

им разглядеть надвигающуюся опасность. Лишь потом, гораздо позднее, я осознал зловещий смысл этих сходов. Будь на моем месте Казот,³⁶ он бы, наверное, разглядел, что большинство участников уже отмечены печатью рока, что за плечами у них уже стояла смерть, в то время как они еще курили и крутился граммофон, причем смерть ужасная. Танцы шли на очень тонком паркете. Сперва отравилась хозяйка, изумительно красивое создание; говорили, что она была агенткой. Ателье было слишком заманчивым местом, чтобы туда не попытались запустить свои щупальца самые разные силы. За этим последовала череда других самоубийств; так, например, покончил с собой один толстячок, который мне казался воплощением довольства, затем пошли ликвидации.

Я не хочу сказать, что не заметно было вообще никаких предвестий. Но они не могли не быть смутными. Однажды я заметил, как Эдмонд, человек, наделенный даром предчувствия, разглядывал потолок, словно искал там какой-то фатальный предмет. Как-то подняла вой большая русская борзая, ее успокоили снотворным.

События последних двенадцати лет исказили картину, характерной чертой которой была как раз та незначительность, которая является неотъемлемой частью безумств нигилистического общества, ее выматывающих душу ночных разговоров. Когда взлетает на воздух крепостная башня, начинаешь преувеличивать значение спичек. В то время бойкие умники, которые потом уверяли, будто бы еще тогда все знали наперед, не слишком высоко ставили доктора. «Этим ребятам еще многому предстоит поучиться», — такое высказывание я сам слышал по радио из уст Штофрегена, который впоследствии был назначен преемником толстяка, застрелившегося перед зеркалом. Такие высказывания можно потом по желанию вспомнить или забыть в зависимости от того, что тебя больше устраивает. Память услужлива.

В этом и заключается опасность подобной ретроспективы. Оглядываясь на прошлое, ты примысливаешь заодно и все его последствия, не говоря уже о пристрастном отношении. Но мне кажется, я не обманусь, если скажу, что в то время шансы новой массовой партии оценивались скептически. Поднятый ею ажиотаж, скорее, говорил не в ее пользу. Карл Шмидт как-то сказал: «Сплошные банальности!» Впрочем, с улыбкой человека, которому знакомо знаменитое высказывание Оксеншерны.³⁷ Мой отец сказал: «Когда я увидел, как правительство позволило вытащить себя на суд, я выбрал этих людей». В одной лавке в Штеглице я услышал, как женщина, которой мясник подсунул слишком много костей, в споре с ним упоминала Гитлера. Там ей виделась справедливость. Однако в мясных лавках Веддинга (Веддинг — рабочий Берлина) можно было услышать как раз другое. То, что говорится на улице, всегда интересно знать, но не имеет прогностической силы. Во всяком случае ни о каких баррикадах и речи быть не могло.

Консерваторы считали, что надо «заслать к ним умных людей», т. е. вытеснить их из руководства. Коммунисты готовились заступить их место с началом гражданской войны. У их теоретиков, например, у Виттфогеля,³⁸ был поэтапно расписан путь, который приведет

³⁶ Казот Жак (1719–1792), французский прозаик. Роман «Лорд экспромтом» (1767), фантастическая повесть «Влюбленный дьявол» (1772), сборник сказок «Продолжение «1001 ночи» (т. 1–4, 1788–1789). Известен своими причудливыми литературными фантазиями, которые повлияли на развитие романтики в литературе. Казнен по приговору революционного трибунала в Великую Французскую революцию.

³⁷ Оксеншерна Аксель, граф (1583–1654) — канцлер Швеции в 1612–1654. Ближайший помощник Густава II Адольфа; фактический руководитель шведской политики в 1632–1644 гг.

³⁸ Виттфогель Карл (1896–1988) — ученый социолог, писатель и публицист. Писал под псевдонимом Klaus Hinrichs. В 1919 г. вступил в КПГ. Защитил диссертацию по экономике Китая, был экспертом по Китаю в ЦК

их к цели по рецептам диалектики. Виттфогель принадлежал к числу умных коммунистов; в последний раз я видел его незадолго до того, как он, только что выпущенный из концентрационного лагеря, отправился в Китай. Кстати уже у него мне бросилось в глаза то молчание, которое царило вокруг этих мест, словно вокруг мертвого дома.

Довольно распространенным был такой взгляд, что предстоит основательная встряска, причем благодетельная. «Так дальше нельзя!» Дескать, эти люди, как театральные служители, раздвинут занавес, переломают старый хлам и уйдут, освободив сцену. Так оно и вышло, но только их выход затянулся больше, чем все предполагали году этак в 1930-м. С логической, как и с психологической точки зрения, скорее можно было предположить, что повторится, в увеличенном масштабе, спектакль, разыгранный в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер». Представлялось также возможным, что их просто посадят в тюрьму и конфискуют их кассу. Этого и боялся Гитлер. Популярно было сравнение с Буланже.³⁹

Во всех этих сравнениях было что-то правильное, по крайней мере в глубинной основе; ошибочность всех прогнозов состоит в том, что ожидается детальное повторение событий и персонажей, что противоречит закону калейдоскопичности. Рок входит через потайную дверцу в стене и всегда в новых костюмах — персонажи также являются частью костюма. Однако под внешним слоем скрытно присутствует нечто еще, чего не сбросишь в костюмерной. Если оно учтено, такое сравнение можно признать правомерным. Так, в судьбе обоих трибунов тоже есть кардинальные моменты, из которых видно, что проведенная между ними параллель была правильной; к ним относится и самоубийство. Эмпирическое различие состоит в том, что французская Третья республика даже во времена Буланже была сильнее Веймарской — как королевский тигр по сравнению с домашней кошкой. Такой зверь простолизывает свои раны. То, как разделались тогда с Буланже, заманив его на скользкий путь, на котором он в конце концов сломал себе шею, притом что он имел на руках козыри посильнее, чем у Гитлера, было проделано мастерски. Вчера я освежил в памяти эту историю. Похоже, что известный тип адвокатов, который у них представлен в столь развитом виде, как-то не приживается в нашем климате. В церкви святого Павла⁴⁰ таких и днем с огнем не сыщешь.

Наверное, на те годы пришелся один разговор, который был у меня с большим знатоком личности Буланже и его карьеры, а именно с Филиппом Барресом. Он считал, что в руководстве политическими процессами главную роль играет умение выждать, пока не наступит подходящий момент. С этим не приходится спорить, так как в политике время еще важнее, чем пространство. Но для того чтобы выждать, нужно иметь время, внутреннее время, то есть надо быть выше времени. Иначе оно работает против тебя. С Гитлером тоже поступали выжидательно, но выжидали, оставив его в условиях инкубатора, причем у его противников не было времени, их час уже пробил. Таким образом, они вынуждены были отчасти передать ему власть, отчасти оставить, причем в самый благоприятный для него

КПГ. Публиковался также по вопросам марксистской эстетики. С приходом нацистов к власти попал на год в концлагерь, а после этого эмигрировал в США. В 1939 г. вышел из КПГ. С 1947 г. — профессор китайской истории в университете Вашингтона в Сиэтле. На пенсии жил в США.

³⁹ Буланже Жорж (1837–1891) — французский генерал, в 1886–1887 — военный министр. В 1887–1889 возглавил шовинистическое движение во Франции под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотр республиканской конституции (1875) и роспуска парламента. Иногда Буланже рассматривают как фигуру, предвещавшую фашизм вследствие его особого упора на демагогию.

⁴⁰ Имеется в виду церковь св. Павла во Франкфурте-на-Майне, где в 1848–1849 гг. заседало первое германское Национальное собрание

момент. Народ не мог этого не заметить.

Как-то по пути в Норвегию в 1935 году я в Гамбурге зашел в парикмахерскую подстричься. Во время стрижки веселый парикмахер развлекал меня и ожидающих своей очереди клиентов разными анекдотами, мне запомнился следующий:

«Уж кто у нас молодец, так это наш Атье! (Атье — просторечное уменьшительное от Адольфа.) Так вот, был такой пруд с золотыми рыбками, и уж одна рыбка там была просто заглядение. Наш Атье и подумал: „Поймаю-ка я ее!“ Сначала он потихоньку-полегоньку спустил воду. Когда вода вся вытекла, глядь, рыбка лежит на дне и трепыхается. Ну, и что же вы думаете — вытащил наш Атье рыбешку, пока она трепыхалась? Какое там! Атье же у нас голова! Он себе ждет и смотрит, а люди кругом удивляются, отчего это он не вытащит рыбку. Тогда Атье и говорит: „Пускай она сначала позовет на помощь!“»

Я пересказал это Гуго Фишеру, когда мы вместе удили рыбу на фьорде. Он сказал, что вот бы и нам так, чтобы рыбы сами запрыгивали в лодку. Что касается Барреса (я имею в виду отца, сочинением которого я занимался вскоре после Первой мировой войны, тогда как раз вышел его «Le genie du Rhin»), тот в молодости сам участвовал в рядах буланжистов. Впоследствии он этого, вероятно, стеснялся. Но мне понравилось, как он сказал об этом на старости лет:

«Moi, j'ai marché avec l'esperance».41

Как, кстати, и во многом другом, мы и тут тоже опоздали, и путь, которым пошел Баррес, для нас был уже недоступен. В этом отношении такие фигуры, как доктор Геббельс, имели для моего понимания познавательный знаковый смысл.

Кирххорст, 8 мая 1945 г.

В лесу на торфяниках в первый раз прокуковала кукушка. Виноград на стене дома так и прыщит побегами, лозы роскошно кудрявятся; в его листве, в буйном росте уже угадывается дионисийская сила. Однажды, много лет назад, я как-то припозднился с обрезкой и потом ночью слышал, как из ран капает сок, словно кровь.

От грядок поднимается дивное благоухание. Это тоже — язык; чудесно; когда растение в наивысший миг своего цветения и силы и одновременно глубочайшего счастья вдруг в ночной тишине нарушает молчание, чтобы выдохнуть свою тайну. И это тоже властная сила, безмолвная мольба, которой невозможно противиться. В таких словах древних языков, как odor, aroma, balsamon, слышна эта царственная сторона, в то время как в наших словах Dunst, Ruch, Duft42 главным образом выражена темная таинственность этого послания.

Вечером мы впервые за шесть лет сидели без затемнения. Что ни говори, для нас это хоть скромное, но улучшение в такой день, когда у союзников во всех столицах от Нью-Йорка до Москвы сияет праздник победы, в то время как побежденный сидит в глубоком подвале, закутав свое лицо.

Я слушал обращение английского короля, оно было выдержано с соблюдением чувства

41 Я шагал в том строю, который вела надежда (Фр.)

42 Dunst — испарения, дымка, Ruch — запах (поэтич.), Duft — благоухание, аромат (нем.)

меры и было достойно государя великого народа.

Когда в лесу на торфяниках в ранний предрассветный час насмешливо прокричала кукушка, вестник нездешнего мира, вышли из гробов мертвые и явились мне. Я вновь посетил их дома, поднялся по лестнице дома на Гейльброннской улице, слушал его музыку и гомон.

Аскетическое, сосредоточенное выражение на физиономии доктора не было напускным; сила воли многого может добиться, когда она вся направлена в единую точку. И то, что там было с его ногой, тоже наверняка сыграло свою роль. Такие люди обыкновенно не теряют зря времени; они работают, когда другие танцуют или сидят за бутылкой вина. Потом они неожиданно выступают на сцену и успевают наверстать упущенные удовольствия.

В те моменты, когда волевое начало отступало в нем на задний план, в нем бесспорно проявлялось обаяние, действие которого сильнее всего, наверное, ощущали женщины. Карикатуристы уподобляли его мышши, а в нем скорее чувствовалось что-то кошачье. По-кошачьи он выразился и в своем обращении после кровопролития в июне 1934 года: надо, мол, время от времени выманывать мышшей из их норок, давать им порезвиться и лишь затем прихлопнуть. В некрологе, который он посвятил расстрелянным, тоже слышался призыв кошачьего мурлыканья: «Они желали революции. Вот и добились ее».

Достались ли этому персонажу кое-какие черты мавританца Бракмара, каким тот был выведен у меня впоследствии? Может быть. Но последний далеко ушел от всяческих партий. Больше можно было взять в этом отношении от Фенриха⁴³ фон Л., с которым я познакомился на войне и который после служил в полиции. У него там были неприятности, и он перешел к русским, где его сделали генералом или ликвидировали.

Перед уходом он сказал на прощание, что теперь совершенно безразлично, какому господину служить, все они сплошь мерзавцы. Но нужно сохранять благородные манеры. Вероятно, так же считал и Ставрогин перед тем, как повесился. В лице Л. я впервые столкнулся с этим сочетанием презрения к человеку, атеизма и острого технического ума, т. е. таких свойств, которые одно другое поддерживают. Сюда же относится и Гейдрих.

Кстати, сейчас я задним числом замечая, что этот Л. был внешне похож на доктора. Во всяком случае, будущий министр, как я узнал из третьих рук, считал, что портрет списан с него. Свою долю внесли в это и ходившие тогда слухи вроде того, что будто бы под живодерней Кеппельсблеек подразумевается Геббельс-Бле-ек. На самом деле это вышло совершенно неумышленно, поскольку Кеппельсблек было местным названием поля в районе Гослара, где палач выставлял отрубленные головы, то есть совершенно конкретного места. Оно отмечено на карте Марины:⁴⁴ у «Филлергорна», где обдирают шкуры. Этот пример демонстрирует, какую активную роль в такие времена играет фантазия читателя в истолковании смыслов — гораздо более значительную, чем было бы желательно для автора. «Главным лесничим» объявляли то Гитлера, то Геринга, то Сталина. Нечто подобное я предвидел, хотя и не стремился к этому. Идентичность человеческих типов определяется совершенно иными законами, нежели идентичность индивидуальных персонажей социального романа. Во всяком случае не существует таких условий, при которых была бы

⁴³ Фенрих — прапорщик

⁴⁴ Кеппельсблеек Марина — это персонаж из романа Юнгера «На мраморных скалах» (1939)

невозможна творческая деятельность. Внимание к нему возрастает вместе с риском, который появляется, как только прекращается свобода прессы.

Однажды, это было на Гейльбронской улице, мы сидели одни. За стеной играла музыка. Я выпил, был в хорошем настроении и, должно быть, много чего наговорил. По крайней мере я заметил, что на лице доктора появилось жесткое выражение. Отправной точкой разговора послужило его высказывание, в котором он с удовлетворением выразил свой взгляд на будущее: «Я всегда буду сохранять за собой свою партийную должность, даже когда мы возьмем в руки государственную власть». Он выдал свою ахиллесову пяту.

Не с этого ли вечера он стал говорить обо мне, как об опасном человеке? Он продолжал высказываться так еще и в 1942 году, когда против моей воли вышла в свет моя последняя книга. Это по-прежнему остается примечательным фактом. Я был в курсе подобных высказываний, был знаком и с заведенным на меня досье. Люди из его пропагандистской конторы не могли удержаться, чтобы не сообщить об этом, но тогда, в самом начале, я узнал об этом от одной общей приятельницы, в чьем доме он выступал перед узким кругом.

Многие вещи быстро стираются из памяти. Все это было не очень реально, скорее походило на ерунду, которую видишь во сне, какие-то встречи на краю мусорной свалки. Вероятно, все дело в том, что они коснулись меня только стороной и больше затронули третьих лиц, чем меня самого. Тогда же, в 1942 году или немного позже, издатель «Новой линии» доктор Вернер опубликовал в своем журнале картину «Шахматисты». А. Пауль Вебер нарисовал ее в Брюммергофе, когда мы с братом играли в шахматы. После этого журнал был запрещен, а редактор узнал, что господин министр сам строил для меня так называемые «золотые мосты»⁴⁵ для отступления. Но все это — общие места, ибо никакие золотые мосты не идут в сравнение с мостом в золотую страну. Другой берег был так темен, так зловещ! Для того чтобы предвидеть это, не требовалось большого ума. Опасения внушало скорее другое — не преувеличиваем ли мы роль разума; в этом отношении предстояло еще многому научиться. Однажды, когда я в Штеглице сидел за завтраком, в комнату вошел мой брат; он видел, как горит Рейхстаг. Я выслушал эту новость с недоумением, как что-то нереальное, словно речь шла о каком-то театральном пугче. Очевидно, мы вышли из пространства истории и вступили в иное, фантастическое и непредсказуемое. Вероятно, то же чувство было и у него. Он сказал: «Эта затея и шести недель не продержится». Это было ложное заключение; более верным оказался прогноз Фридриха Хильшера,⁴⁶ который еще тогда довольно точно предсказал, сколько времени просуществует Третий Рейх. Обычно он в этом случае цитировал одну фразу из старинной московской хроники, в которой рассказывалось об ужасах татарского нашествия: «Und diese unhaltbaren Zustaende dauerten vierhundert Jahre lang».⁴⁷ Мы увидели нечто, не подчиняющееся никакой логике, логически нерасчленимое, и составить о нем суждение не помогали никакие исторические знания. Это не под силу восстановить никакой реставрации.

⁴⁵ «Ставить золотые мосты», т. е. оставлять противнику возможность для отступления — ставшие крылатым выражением слова немецкого сатирика Иоганна Фишарта (ок. 1546–1590) из его главного сочинения «Geschichtsklitterung», представляющего собой вольное переложение «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле.

⁴⁶ Хильшер Фридрих вместе с Юнгером примыкал к «консервативной революции». Публиковался и после 1945 г. на темы внутренней политики по юридическим вопросам. Соратник Юнгера по «консервативной революции», издатель «Vormarsch». Хильшер был типичным представителем социал-революционно-националистических кругов.

⁴⁷ И это невыносимое положение продолжалось четыреста лет.

На свадьбе Броннена⁴⁸ доктор уже присутствовал как победоносный трибун. Все знакомые из числа левых, которых привел с собой Броннен, наперебой увивались вокруг него; словом, здесь можно было наблюдать то бесстыдство, которое сопутствует внезапной перемене власти. Мировой дух пользуется экономными средствами; для того чтобы низвергнуть это здание, не потребовалась фигура масштаба Мирабо.

На свадьбе произошел ряд примечательных и скандальных эпизодов. Она напомнила мне праздник у губернаторши, которая описана в «Бесах»; Достоевский или Светоний разжились бы там богатым материалом.

После этого я встречал доктора еще один раз, уже в качестве министра; это было на первом представлении Йостовой пьесы «Шлагетер»,⁴⁹ премьеры которой задала в обществе тон, установившийся при новой власти. «Ну, что вы теперь скажете?» — таков был его последний вопрос, обращенный ко мне. Мог бы я ответить на него сегодня? Впоследствии всегда оказывается, что ты поторопился с ответом.

Дороги по-прежнему забиты миллионами бредущих куда-то людей, на них видишь горе невообразимого переселения народов. Плоды его приходится принимать и нашему маленькому кладбищу, на нем хоронят тела детей и взрослых, которые здесь окончили свой путь. У нас гостит молоденькая женщина из Берлина; ограбленная до нитки, одетая в солдатские брюки и легкую блузочку, она бредет пешком к своей подруге. Отец пропал без вести на Кавказе, мать, сердечница, спасаясь от ужасов русского наступления, отравилась. Кажется, как она, поступает городская верхушка целых населенных пунктов Восточной Пруссии, Силезии и Померании. Беженцы видели через окна целые застолья покойников. Вызывали из гроба античность; она откликнулась.

Мы все еще не получаем почты. Только через беженцев до нас доходят кое-какие весточки. Всех родственников, всех знакомых предстоит заново отыскать, чтобы они восстали из лежащего в руинах мира.

Кирххорст, 10 мая 1945 г.

Большое каштановое дерево украсилось свечами соцветий. Я лежал на траве и смотрел, как в его тени играют кошки, затем пошел работать в библиотеку. Каждая привычка, каждое удовольствие окружено сиянием воскрешения, все дополнено чувством благодарности.

Дом до отказа наполнен беженцами. Одни заходят, чтобы часок передохнуть, другие останавливаются переночевать, третьи — на неопределенное время. Со вчерашнего дня у нас гостят две женщины, которые бежали из Демитца перед наступающими русскими. Там, кажется, разразились все ужасы преисподней. Одна из них рассказывает, что вслед за первыми танками явилась солдатня, которая, как говорили свидетели, врывалась в дома с пистолетами в руках. И тут же по всей земле разнесся женский вопль. Несчастных изнасиловали, застрелили, покидали в одну кучу, залили бензином и сожгли. Описывая

⁴⁸ Броннен Арнольд (1895–1959), немецкий драматург и писатель. После Второй мировой войны принадлежал к группе экспрессионистского театрального авангарда, куда входил и Брехт. Произведения Броннена определяли анархистские, эротические, актуальные политические мотивы. Временами Броннен симпатизировал крайне правым политическим силам.

⁴⁹ Йост Ганс (1890–1987) — писатель и драматург, занимавший высокие посты в гитлеровской Германии. В его пьесе «Шлагетер» содержатся ошибочно приписываемые иногда Геббельсу слова: «Когда я слышу слово культура, я снимаю с предохранителя свой револьвер».

полыхание огня, рассказчица разразилась слезами. Закопав в саду орден мужа, она сумела перебраться на другой берег Эльбы и спастись бегством.

После обеда я ходил на торфяники и указал места для добычи торфа. Затем я еще сходил в Альтенский лес, в те места, доступ к которым отрезан торфяным болотом, где простирается дивное безлюдье. Сюда упала часть бомб, от которых содрогался наш дом. Он целиком мог бы поместиться в одной из гигантских воронок, которые прорезали песчаный и гумусный слои лесной почвы до каменистой основы. По старой привычке я стал разглядывать выброшенные камни и подобрал морского ежа — пятиконечное, обросшее камнем сердечко.

Какие чувства поднимаются у нас в душе, когда мы держим в руке отпечаток зверюшки, который служит свидетельством жизни, существовавшей в неведомых морях миллионы лет тому назад? Ощущение дали и одновременно идентичности. Крохотное зеркальце поблескивает перед нами из далеких глубин времени и пространства: вселенная живет. К этому добавляется ощущение некоего высшего единства с этим существом, смутное чувство, что в непротяженном мы с ним едины, и эта встреча становится подтверждением, как рифма в бесконечном стихотворении. Единство сохранялось бы и без подтверждения, когда это существо еще спало, заключенное в своем каменном ложе. Когда-нибудь мы поймем, что знали друг о друге.

Просмотр переписок. Переписка с Валериу Марку⁵⁰ и он переехал в Нью-Йорк. Они были отправлены на мой парижский адрес и пересылались французской почтой.

В то время на мне среди прочего лежали обязанности почтового цензора. Каждое утро меланхолический фельдфебель выкладывал мне на стол в качестве первой порции пачку писем, не пропущенных армейскими надзирающими органами, с их чтения начинался мой день. Эта была сложная, неприятная должность с неожиданными открытиями в области человеческой комедии и трагедии. О чем только люди не пишут в своих письмах! Похожую ситуацию описывает Мелвиль в своей прекрасной новелле «Бартлби».

Судя по всему, у большинства людей сохранялись еще довольно устарелые представления о тайне переписки, как например у того ефрейтора, который написал своей подруге, чтобы она прислала ему гражданское платье, так как в ближайшее время произойдет окончательная катастрофа.

Подчиненные мне младшие цензоры отчасти были недостаточно информированы о сфере своих обязанностей. Некоторые явно возомнили, что им надлежит исправлять мир. Так, в Ле Мансе был один унтер-офицер, который сообщал жене о своих победах на французском любовном фронте. Он украшал письма рисунками, которые, если не по части художественного мастерства, то уж во всяком случае полетом фантазии сделали бы честь даже Джулио Романо. Это письмо, без сомнения, было задержано несправедливо; оно было вручено меланхолическому фельдфебелю, который заклеил его и отослал адресату. В таких

⁵⁰ Марку Валериу — историк и публицист, среди книг которого «Изгнание евреев из Испании» (1934), «Рождение наций» (1931), «Шарнхорст и рождение новой державы в Европе» (1928) (*Die grosse Kommando Scharnchorst. Die Geburt einer Militarmacht in Europe. Leipzig, 1928*); «Ленин. 30 лет России» (1929); *Manner und Mächte der Gegenwart. Berlin, 1930*; «Die Vertreibung der Juden aus Spanien». Amsterdam, 1934; «Макиавелли. Школа власти» (1937). По всей видимости, речь идет об его очередном произведении.), сохранилась у меня почти полностью; я нахожу письма из Берлина, затем из городков на испанской границе («Пролог к всемирной пьесе»), наконец письма из Ниццы, последние из которых доходят почти до того момента, когда была оккупирована «Zone попо» (*Zone попо* — неоккупированная вермахтом до 1942 г. зона Франции, от *zone попо* оссире).

случаях цензору посылалась записка с пометой: «Личное. С военной точки зрения не вызывает возражений».

Первое же письмо, которое я получил, поставило меня перед проблемой. Какая-то женщина сообщала своему мужу, что его отпуск не остался без последствий, и называла фамилию знакомого врача, который готов помочь в их устранении. Здесь на меня сваливалось нечто заведомо неприятное. Я отправился в Ис, к майору Кроме,⁵¹ который впоследствии попал в плен под Сталинградом, и спросил у него совета. Он прочел письмо и сказал: «Отошлите его назад этой женщине и вложите машинописную записку: „Никогда больше не пишите об этом“».

На этот раз дело едва не дошло до суда и тюрьмы, но бывали и такие письма, из-за которых можно было лишиться и головы. Так, помнится письмо другой женщины, которая, не остынув от первого потрясения, рассказывала мужу об уничтожении их жилища во время воздушного налета. В нем содержалась чисто женская жалоба: «Даже занавески и те сгорели». А вслед шла инкриминирующая ее фраза: «Генрих, у меня теперь осталась одна только мысль — отомстить Гитлеру».

Соккрытие таких писем было делом небезопасным, так как мог поступить соответствующий запрос; поэтому я запирали их в сейфе и, перед тем как сжечь, давал им вылежаться несколько недель. Конечно, нужно было, чтобы что-то делалось. Но для того чтобы проявить должное рвение, годились наиболее часто встречающиеся нарушения: они касались денежных вложений в конверты и недозволенной пересылки кофе. Таким образом, я, вероятно, заработал славу педанта.⁵²

Это была должность, на которой мне стало совершенно ясно, что мы переживаем такой период, когда что ни делай, никогда никому не угодишь, ни тем, кто наверху, ни тем, кто внизу, ни окружающему миру, ни своему сердцу. Когда все вокруг размыто, отдельные дырки уже не заткнешь. Нигде не найдешь климатической камеры; ощущение неустроенности разлито повсюду вплоть до вершин мироздания, вплоть до каждодневных мелочей. Оно не пропадает независимо от того, поступаешь ли ты так, как предписано правилами, или действуешь на свой страх и риск. Тут нет ни славы, ни заслуг, не может быть никакой награды. Поступки могут быть только приблизительными — более или менее правильными, менее или более неправильными.

Во всяком случае я хорошо знал, почему часть своей почты, например письма к Маркусу, переправлял особыми путями. Впрочем, в них содержались по большей части сообщения личного характера и сдержанные суждения о положении вещей. В первую очередь его волновала судьба его библиотеки. «По частям терять свою жизнь — трусливое состояние. Моя библиотека все еще находится в Берлинском Главном полицейском управлении». Библиотеку ему в конце концов по частям выслали — превосходный научный аппарат для работы историка.

Меня всегда больше привлекали мыслители, которые вырабатывают суждение о событиях, чем люди, которые на самом деле или в своем воображении являются виновниками этих событий. Если встать на такую точку зрения, то даже деятели представляются тем материалом, на основе которого составляется то или иное суждение, на

⁵¹ Ис — это ответственный за дела разведки офицер в штабе какого-либо из соединений вермахта

⁵² «От этого человека, казалось бы, можно было ожидать больше великодушия»

них смотришь как на характерные окаменелости, типичные растения, по которым можно определить соответствующий слой, климат, общий фон. Их структура оказывается важнее их планов, их тип показательнее тех делишек и распрей, в которых они участвовали. Так, сталкиваясь с убийцей, тебя крайне занимает вопрос, кого он собой представляет — Каина или Тувалкаина, это гораздо интереснее, чем детали того, что творится в клубах пара от кипящих котлов. Впрочем, это бросает и некоторый свет на то, что происходит там под покровом тумана. Ведь почти все наши суждения основаны на видимой стороне, на симптомах.

Что же касается Марку, то я считаю его суждения о событиях одними из лучших среди всех, с которыми я встречался. Он сам побывал в обоих лагерях, состязающихся друг с другом за лавры демократов. Это пришлось для меня очень кстати в тот период, когда я работал над концепцией «Рабочего», размышляя над тем, можно ли намечающиеся на нашей планете изменения подвести под единую формулу. При таком подходе предлагаемые рецепты неизбежно превращались в материал исследования, а распри должны были быть заложены в рабочий процесс, то есть в плане. Исходя из этого, можно было начать осмысление.

В то время, на Гейльброннской улице, хозяин еще не избавился от своих еврейских друзей. Час брутального отречения был еще впереди. Но его знакомые группировались обычно в различных комнатах; квартира была достаточно велика. Случайно встретясь в передней с Валериу Марку, доктор явно испытывал раздражение. А между тем эти двое внешне были очень похожи — оба маленькие, чернявые, сухопарые, с напряженными лицами, носившими на себе отпечаток умственной работы. Сходство между преследователем и преследуемым встречается не так уж редко. Правда, это сходство ограничивалось физиогномическими чертами, ибо в том, что касается понимания событий, Марку был по сравнению с доктором настоящий гигант. Переход с крайне левых позиций на сторону правых приносит с собой более реалистический взгляд, более основательное знание основных политических принципов, чем движение в противоположную сторону, при котором труднее освободиться от влияния фразеологии.

Я уже прочел книгу Марку⁵³ о Шарнхорсте,⁵⁴ в ней содержались хорошие параллели. Знакомство не принесло с собой разочарования, как это часто бывает при встрече с автором понравившейся книги. Он как раз рассказывал о своем посещении Троцкого: «У меня есть предрассудок против христианских банкиров и еврейских генералов, но этот человек представляет собой исключение».

Этот скептический взгляд на окружающих и на себя самого был для него типичен. Иногда он, казалось, граничил с цинизмом, но по сути дела выражал взгляд умного человека, который способен абстрагироваться от собственного положения. Однажды, когда один из друзей замучил его скучным описанием достоинств своего отца, он прервал его словами: «Скажи уж просто — это был старый еврей».

Я часто заходил к нему домой, сначала в Далеме; однажды, когда мы с ним шли по улице мимо вилл, он сказал: «Хотел бы я знать, кто в них будет жить через десять лет. Наверняка не те, кто живет там сейчас». Бремя от времени мы встречались и в «Обществе

⁵³ Die grosse Kommando Scharnchorst. Die Geburt einer Militar-macht in Europe. Leipzig, 1928.

⁵⁴ Шарнхорст Герхард Иоганн Давид (1755–1813) — прусский генерал и военный теоретик, реформатор прусской армии.

изучения планового хозяйства», довольно странном ученом объединении, где читались доклады о тракторных заводах и велись очень дельные разговоры⁵⁵ о технике планирования. После свадьбы они с женой Евой, головка которой удивительно напоминала статуэтку царицы Тейе⁵⁶ из Египетского музея, сняли дом в отдаленной местности на озере Ваннзее, где стало собираться гораздо более интересное общество, чем на Гейльбронской улице, хотя надвигающаяся опасность чувствовалась тут уже сильнее. Днем можно было увидеть другие лица, чем те, что появлялись вечером: я помню Зекта,⁵⁷ Йозефа Рота,⁵⁸ графа Монжела,⁵⁹ актрису Трудю Гестерберг и др.

Марку обыкновенно работал до утра. Иногда он жаловался, что его мозг потом продолжает «крутиться вхолостую» еще два-три часа, как счетчик, который невозможно выключить. В своих исторических исследованиях он вообще вызывал впечатление измерительного прибора или счетчика, который регистрирует даже самые слабые токи. Подключаешь какую-нибудь личность, событие или институт, и тут же легкое, четкое отклонение стрелки показывает точную меру присущей им внутренней энергии.

Он еще оставался некоторое время в Берлине, когда жить в этом городе стало для него уже довольно опасно. Я видел его перед самым отъездом. Напоследок он еще высказал суждение о Гитлере, которого он называл «Наполеоном всеобщего избирательного права»: «Теперь он достиг того, чего всегда мечтал достичь Бисмарк хотя бы на пять минут — высказать наконец, как оно должно быть». Он предвидел чудовищные взрывы, которые вызовет невероятная концентрация власти.

Объективная оценка преследователя, данная тем, кого он преследует, в обстановке, когда опоздание на поезд могло стоить последнему головы, произвела на меня сильное впечатление. Это высшая степень, какой только может достичь страсть прирожденного историка.

Человек умозрительный почти всегда будет отличаться от человека волевого склада. Однако если между ними пролегал глубокая пропасть — это дурной знак.

Кирххорст, 11 мая 1945 г.

Ночью в деревне побывали грабители и угнали скот. Работая утром в саду, я увидел необычное оживление перед двором сельского старосты. Сначала я увидел женщин, они кричали и махали руками, я подумал, что они хотят остановить одну из проезжающих мимо

⁵⁵ например, между Эрнстом Никишем и Георгом Лукачем

⁵⁶ Царица Тейе — жена фараона Нового царства XVIII династии Аменхотепа III (1405–1367 до н. э.)

⁵⁷ Зект Ханс (1866–1936). Немецкий генерал. В Первую мировую войну был начальником штаба [Id] 11-й армии на Восточном фронте. В 1917 г. некоторое время был начальником Генштаба турецкой армии. В 1920–1926 гг. был шефом войскового отдела (на практике начальником Генштаба рейхсвера). В 1933–1934 гг. работал в Китае военным советником

⁵⁸ Рот Йозеф (1894–1939), австрийский писатель. С 1933 г. — в эмиграции во Франции. Самый знаменитый его роман — «Марш Радецкого» (1932), в котором представлена широкая картина постепенного распада Австро-Венгерской империи

⁵⁹ Монжела Макс фон (из старинного баварского дворянского рода) — историк и публицист, занимавший антинацистские позиции, как и многие немецкие аристократы)

американских машин, чтобы их подвезли. Но затем я, точно во сне, понял, что вижу перед собой сцену убийства. Какие-то люди пытались открыть ворота, затем разбили окно и набросились на старосту, который вышел на крыльцо. Несмотря на большое расстояние, я различил звуки ударов и выкрики заголосивших хором женщин, из которых можно было понять, что там происходит. Одновременно во всех дворах завывали собаки каким-то непривычным воем. Еще более странное впечатление вызывал поток автомобилей, которые призрачной вереницей, не останавливаясь, ехали мимо. Потом к сыну вышел на крыльцо отец старосты, восьмидесятилетний старик, и встал подле него с топором в руке.

Тут уж явно нельзя было терять время; я перемахнул через забор на дорогу, и мне удалось остановить небольшую машину, в которой я разглядел сидящего офицера.

— Сэр, позволительно ли это, чтобы людей убивали на улице среди бела дня?

Он подозрительно посмотрел на меня. Тут его взгляд остановился на группе людей, он вышел из машины и направился в их сторону. Его сопровождал водитель, держа автомат у бедра. Староста тем временем побежал в сторону торфяных болот; и правильно сделал. На гумне собралась толпа народу, не понимая друг друга, люди только орали по нижненемецки и по-польски.

Дело было в том, что группа поляков хотела силком забрать у хозяина скотину. С офицером мне повезло, так как он оказался американским комендантом Бургдорфа. Жестким властным тоном он восстановил порядок. Отношения между офицером, толпой и поляками напоминала отношения между пастухом, овцами и нападающими волками. Его водитель играл роль пастушьей собаки. Поляки так разгорячились, что их, казалось, не испугал даже вид оружия. Солдат следил за их движениями, поводя автоматом так, словно бы помахивал прутом. Особенно разошелся их вожак, коротышка, одетый в коричневую форму, инстинкт убийства овладел им настолько, что он не находил себе места и метался, злобно шипя, словно куница. Лицо у него было как из дубленой кожи, прожженое; черные колючие глаза выглядывали в две щелки. Несмотря на ранний час, он был уже заметно под хмельком, напился самогону, его сейчас все кому не лень гонят из свеклы, и действие у него очень злобное.

Этой сцены было достаточно, чтобы у меня создалось представление о том, какие условия складываются там, где не может вступить в действие никакая третья сила, то есть на тех огромных пространствах земли, население которых оказывается беззащитным под властью жестоких врагов. Там царит кромешный ужас.

Кирххорст, 12 мая 1945 г.

Цветет рабитник россыпью золотого дождя, он словно выплескивает фонтаном роскошь мира.

На ночь мы приютили группу путников — четверых молодых людей, одетых в отрепье как бродяги, по ним сразу видно, что всего несколько дней назад они сражались и носили военную форму. Настроение у них было отчаянное, они считали, что страна потерпела поражение вследствие предательства, причем в тот самый момент, когда было готово мощное оружие, «На этот раз удар в спину был нанесен сверху; нам прислали гранаты, начиненные песком». Они рассказывали, что Гитлер погиб в бою, защищая столицу, они даже видели его гроб на артиллерийском лафете. Печально было слышать, как эти молодые люди с хорошими лицами повторяют банальности, которые им вбило в голову радио, но, возможно, тридцать лет назад и я бы так думал. Сколько же веры и самоотверженности тут

растрчено зря, брошено на оборону безнадежных позиций, загублено в смертельных котлах, об этом можно только догадываться, и пережить эту догадку помогает лишь уверенность в том, что история имеет еще и другую, неведомую нам сторону.

Едва они распрощались с нами и, захватив с собой кое-какую дорожную снедь, вышли за ворота, как объявились первые гости, прибывшие очень издалека — два американских журналиста, приехавшие на легковушке. Судя по всему, они входят в состав группы, которой дано задание провести нечто вроде духовной инвентаризации того, что осталось на наших развалинах. Их появление означало для меня первую за шесть последних лет встречу с представителями другой стороны, первую ниточку на новой прялке. Запись разговоров, которые затянулись почти до вечера, завела бы слишком далеко. Отправной точкой послужили парижские знакомые, чьи книги лежали у меня на столе. Что думают, о чем пишут, что рисуют в этом городе — все это и сейчас еще дает общую тему для разговоров, как афинская и александрийская академии во времена Суллы и потом еще долгое время спустя.

Эти двое вчера побывали в концентрационном лагере в окрестностях Веймара, посетили также и ряд других гигантских живодерен. Говоря об общем впечатлении, которое произвело на них увиденное, они сказали, что оно вызывает чувство безнадежности, от которой опускаются руки, мне тоже передалось это ощущение. Рациональный характер всего этого процесса, прогрессивная техника и методика бросают на него особенно пронзительный свет, постоянно подчеркивая, насколько сознательно и продуманно велось это дело, поставленное на научную основу. Во всем проступают черты преднамеренности; а в этом и заключается сущность умышленного убийства. Рядом с печью, предназначенной для сжигания трупов, они видели надпись: «Мойте руки! В этом помещении соблюдение чистоты является обязательным требованием».

Молодая женщина, освобожденная из одного восточного лагеря, рассказывала им, что по вечерам громадный крематорий оживал там как периодически действующий вулкан, извергаясь огнем и дымом, который заволакивал все окрестности. Картина, на которой лежит каинова печать.

Я так и думал, что все это когда-нибудь выплывет на свет во всем своем безобразии. Но оно далеко превосходит все, что бывало в прежние века, по своему совершенству, по дезинфицированности, свойственной техническому миру. Вот и в этом отношении мы достигли прогресса. Когда разглядываешь в музее Карнавале⁶⁰ свидетельства французской революции, например сделанную из человеческих костей гильотину, в них чувствуется некая жуть, как в комнате ужасов. Сегодня существуют документы, в которых убийство оформлено как административный акт, есть картотеки, фотографии, сделанные со вспышкой. Тут уж само зло скукоживается, охваченное процессом всеобщего оскудения, оно стало механическим; в человеке не увеличилось зло, просто он стоит дешевле. Злодеи утратили лицо, в физиогномическом плане они опустились гораздо ниже уровня дантонов, робеспьеров и даже маратов. Ты видишь функционерские лица, такие как у Гиммлера — умные, нервные, расплывчатые, взаимозаменяемые, недовольно приноживающиеся, лица ливрейных швейцаров, не знающих ни своего нанимателя, ни дом, в котором служат.

Такие образы вызывают потребность в категориальном суждении. Но можно ли здесь сослаться на прогресс? Если верить этим двоим, то немцы в культурном отношении мертвы,

⁶⁰ Музей Карнавале — резиденция, построенная в 1545 г., с 1880 г. была перестроена под исторический музей

отставание во всех областях науки; даже искусство врачевания у них устарело. В подтверждение они сослались на новое чудотворное средство, получаемое на основе плесневых грибов. Для человека, который давно уже склонялся к тому, чтобы считать современную медицину зловещим явлением, это звучит неубедительно. Нечто подобное случается каждые десять лет, вызывая в лучшем случае ускорение оборота, причем наверняка наносит вред и способствует ухудшению расы. Но зачем вступать в разговор об этом предмете? Что касается плесени, то люди издавна знают, что в хлебе содержатся огромные силы. Мы живем в век хлебных отравлений — явления, противоположного пресушествлению.

В обоих посетителях мне бросилась в глаза уверенность их суждений, как они насквозь пропитаны тем, что называется *common sense* (Здравый смысл (англ.)), и это совершенно ново для человека, который до сих пор беседовал почти исключительно с молодыми немцами и французами. Все проблемы упрощаются. На вопрос о том, как ведут себя военные по отношению к нам, я мог ответить, что наш опыт с ними был удачным главным образом в том что касается армейских порядков. Индивидуальные нарушения неизбежны; на дорогах, по которым движутся войска, — это как погодные явления, и не имеет никакого значения по сравнению с теми ужасами, слухи о которых доходят до нас из восточных провинций, где убийства, грабежи и всякого рода насилие, очевидно, входят в число военных установлений.

Затем они поинтересовались, как продвигается моя работа, и стали цитировать сочинения Марку, Монжеласа и Петеля,⁶¹ которые вышли во время войны и о которых я со смешанными чувствами слышал кое-что в Париже. Я упомянул о тех выводах относительно анархии, к которым я пришел на собственном опыте с тех пор, как в окопах Первой мировой войны начал писать свои дневники, что она, отнимая безопасность существования, одновременно облегчает тот гнет, который оказывает на нас государство.

«Но в данном случае, как мне кажется, речь идет об очень смягченной форме анархии», — сказал на это один, указывая на мои книги и разложенные бумаги.

В ответ мне достаточно было показать в окно на башенку той усадьбы, владелец которой в одну из этих ночей был зверски зарезан, причем банда, которая совершила это преступление, и сейчас еще продолжает свое разнузданное пиршество на его дворе. Однако мне показалось, что мои посетители словно и не заметили этого сообщения, постаравшись пропустить его мимо ушей, как будто я сказал что-то неприличное.

Я отмечаю это не для того, чтобы высказать критику, а как общечеловеческую черту. Человек всегда будет замечать только то несчастье, которое занимает его представления. Труднее всего для человека хотя бы просто заметить того, кто страдает; вновь и вновь все повторяется, как в притче о добром самаритянине: правоверные проходят мимо. Таким образом, помощь обыкновенно приходит слишком поздно. Ведь сегодня творится не меньше убийств, чем все это время после 1917 года, только убивают других. Сколько уже разрушено бастилий, но всякий раз вокруг все окрашивается свежепролитой кровью.

Величие святого Мартина не в том, что он оказал помощь, а в том, что он оказал ее тотчас же, первому встреченному на пути. Вот где добродетель, граничащая с чудом!

Они распрощались и напоследок поделились с нами своими припасами. Их посещение дало мне некоторое представление о масштабе нашего поражения, о том, насколько мы

⁶¹ Петель Фридрих — коллега Юнгера по «консервативной революции», журналист.

уничтожены.

Кирххорст, 13 мая 1945 г.

Начал Исайю, который в первой же главе описывает положение, подобное нашему: хижина в винограднике.

«Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими. И осталась дочь Сиона, как шатер в винограднике, как шалаш в огороде, как осажденный город. Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре»(Ветхий Завет. Ис. 1, 7–9.).

Кирххорст, 15 мая 1945 г.

Майские холода миновали; поэтому я поехал в Нейвармбюхен покупать в садоводстве помидорную рассаду. Каждая поездка на велосипеде чревата риском.

Хозяин садоводства, г-н фон Альтен, рассказал мне, что его одолели бандиты на автомобилях. Когда он пошел за ними на поле, они спросили, что он тут делает.

— Интересуюсь, что вы тут будете искать.

— А нам интересно, что мы тут найдем.

После такого ответа безоружный человек сразу поймет, куда ветер дует, и поскорее удалится.

По возвращении в Кирхгоф я услышал, что деревню грабили русские, причем ссылаясь в качестве основания на приказ Сталина о том, что каждому солдату полагается получить полный комплект гражданской одежды. Я видел, как они, странно вырядившись во что попало, неуверенно раскатывали на велосипедах. Наводит на размышления, что на такие подвиги они всегда выходят пьяными. Тут обнаруживается, как легко простые люди теряют человеческий облик, когда остаются без работы. Без дела они портятся, как растения на компостной куче, которая зарастает сорняками, предаются низменному времяпрепровождению и легко превращаются в насильников. Так в этой стране начинаешь видеть такие зрелища, о каких вот уже триста лет ничто не напоминало, со времен «Шведской охоты»⁶² и той смуты, которая описана у Лёна в «Вервольфе».⁶³

Кирххорст, 16 мая 1945 г.

Если я говорю в моих записях: русские, американцы, поляки, немцы, французы, — то

⁶² Имеется в виду период Тридцатилетней войны. Выражение «Шведская охота», по-видимому, образовано по аналогии с «Дикой охотой». Согласно поверью это были призраки, носившиеся в ненастье, бурные ночи. Встреча с ними была для человека смертельно опасна, как и встреча с шайками наемников, которые грабили и убивали жителей.

⁶³ Лёне Герман (1866–1914) выдающийся представитель патриотического народного искусства (Heimatkunst), блестящий поэт. Автор весьма популярного романа «Werwolf», 1910 г., о временах Тридцатилетней войны. Погиб в первый год Первой мировой войны, уйдя на фронт добровольцем. Нацисты стилизовали его как своего предтечу.

это следует понимать так же, как перечисление фигур в описании шахматной партии. Любая из них может быть как белой, так и черной. Любая может испортить партию, но любая может сделать и решающий победный ход, а может пожертвовать собой, спасая короля. Убийства, насилие, грабежи, воровство, великодушие, благородство, способность прийти на помощь человеку в беде — все это не связано нерушимой связью с национальной принадлежностью. Каждая нация несет в себе все возможности, свойственные человеческому характеру.

Однако нам никуда не деться от национальной принадлежности к своему народу. Несчастье, обрушившееся на родную семью, страдание брата трогают нас гораздо сильнее, и это заложено в природе вещей, равно как и то, что наша причастность к его вине больше, чем к чьей-либо еще. Его вина — наша вина. Мы должны принять за нее ответственность и расплачиваться.

Будущее всемирное государство тоже будет состоять из народов. Оно возьмет в свое ведение идею и основные права человечества, между тем как народы, отбросив старую кожу национализма, еще ярче проявят себя в развитии и культуре своей родины.

Среди разгрома и крушения глубочайшее впечатление вызывает зрелище людей, взыскующих судии. И хотя они при этом попадают в новые ловушки, которые вырыты на каждом перекрестке, они все же прикасаются к высшим сферам и приводят в действие весомые силы.

Взыскав суда, мы находим его только в собственной душе, где и обретается высшая инстанция. Эта арена покрупнее и пострашнее вселенских просторов, на которые направлены трубы телескопов. И как апокалиптическое откровение к нам приходит знание того, что вся бесконечность времени и пространства есть лишь парабола наших бездонных падений и высочайших взлетов. Все земные форумы по сравнению с этим лишь вместилище тьмы.

Кирххорст, 18 мая 1945 г.

Ракитник блекнет, между тем как в зеленой листве акаций уже вспыхивают белые гроздья. По этим большим цветочным часам я, порой горестно, отмечаю, каким быстрым шагом уходит год.

В такие дни, недели и месяцы, как ныне, ты учишься мыслить политически и наслаждаешься опытом, который еще десятки лет будет питать твою мысль. Анархия — исходный материал и предшественница политического устройства, которое она предваряет собой, как хаос предваряет творение, как мир титанов предваряет мир олимпийских богов. По этой причине, вероятно, мы наблюдаем, что всякий крупный политический талант в юности переживает встречу с анархией, подобно тому как всякий великий богослов обязательно однажды заглянул в погибельную пропасть. Тому, кто не пережил однажды потрясения всех основ мироздания, никогда не дано будет обрести высшей уверенности. Поэтому можно предположить, что вслед за нынешним временем должна наступить великая весна.

Кирххорст, 20 мая 1945 г.

Воскресенье Троицы. Продолжаю Исайю. Пустыня, дикая земля — наша прародина. Она цветет, когда рушатся башни, когда падают каменные стены, превращаясь в развалины. Это знание делает Исайю не только великим пророком, но вдобавок и великим поэтом; из этих диких садов берутся непреложные слова, обогащающие язык.

Эремурус, подаренный мне Грунертом, мощно пошел в рост, пустил крупные бутоны. Как и многие лилейные, он имеет отчетливое родство с серебром. Особенно в сумерках его блеск пронзает темноту, словно только что выплавленный серебряный слиток. Этот эффект усиливается благодаря легкому оттенку светлой, почти переходящей в желтизну зелени.

Конские бобы, конечно, не идут ни в какое сравнение с лилиями, однако они особенно пышно цветут в этом скаредном саду — растение что ни на есть прусское. Если не ошибаюсь, то они, кстати, были также еще и любимым блюдом Фридриха Вильгельма I. Они одеты в прусские цвета — черный и белый, причем роскошного бархатистого тона. Так отчего бы им не стать гербом? Пошло же от них имя Фабиев, как от простого дрока имя Плантагенетов! Я подобрал к ним и соответствующее геральдическое животное — пестрого дятла, чей наряд тоже выдержан в прусских цветах, и которому, при его в целом амусическом характере, присущ талант ко всему, что связано с ритмом: к миру дудок и барабанов и к гусиному шагу. Мастер плац-парадов с красными лацканами!

Пополудни на кладбище. На одной из могил цвел шиповник с махровыми цветами. Был ли это и впрямь дикий шиповник, пышно расцветший на доброй почве, или одичавшая роза? Превращение тычинок в лепестки — вот великий символ культуры. Вот так же я удивился, неожиданно увидев в Париже пчел. В мирной тиши мне вспомнились розовые лепестки стихов Арно, которые я читал сегодня утром:

Je vais où va toute chose
Où va la feuille de rose
Et la feuille de laurier.

(Я уйду путем,
Которым идет все живое,
И лепесток розы,
И лист лавра(фр.)-)

Кирххорст, 23 мая 1945 г.

Вновь чтение «Le salut par les Juifs» («Спасение от евреев») Леона Блуа.⁶⁴ Что бы сказал Гаманн на эти изыскания? Это сочинение уводит в сокровенные камеры великих тайн и к глубинным истокам, с одной стороны, сакральной и с другой — магической силы, противопоставив друг другу евреев и золото. Блуа действует в этих сферах как электротехник на распределительной станции, где за испещренными иероглифами щитами таятся страшные силы. Создается впечатление, что вот-вот он сгорит, испепеленный внезапной вспышкой. В любой момент грозят полыхнуть рукотворные костры и с небес обрушиться карающие молнии.

Заодно я снова просматривал его дневники. Это чтение по смене уровня рассмотрения напоминает восхождение по горному ущелью, при котором одежду и кожу разрывают шипы. На вершине хребта ты получаешь вознаграждение — несколько предложений, несколько цветков, принадлежащих к вымершей ныне флоре, но бесценных для высшей жизни. Для этого времени, для периода начала XX века, видение другой стороны здесь острее, чем в астрономических обсерваториях. Тут уж поневоле приходится мириться с недостатками

⁶⁴ Блуа Леон (1846–1917) — французский католический писатель, сторонник обновления католицизма. Эссе на темы религии, политики, истории, статьи литературно-критического содержания, резкие, но отмеченные высокими аналитическими качествами. Юнгер его постоянно перечитывал, цитировал. Юнгера восхищала в Блуа его неколебимая и возвышенная вера в Бога.

индивида, его темной кармой.

Иначе обстоит дело у Гаманна:⁶⁵ его темнОты — сущее наказание. Зачастую он уже и сам себя не понимал, перечитывая собственные тексты. Но местами вдруг вспыхивают алмазы, солитеры в синеве, самая суть этого автора. Лишь тут читатель получает то, что его по-настоящему укрепляет; он начинает догадываться, что искусство извечно посвящено одной и той же теме и что бывают такие фразы, которые стоят целых библиотек.

Человек может быть похож на нас как брат-близнец, оставаясь более чуждым, чем любой враг, в котором мы найдем частичку субстанции величиной с булавочную головку. Тогда земная вражда оборачивается иллюзией. Вестник, который принес нам смертный приговор, одновременно может подарить нам надежду на спасение. Для нас он важнее, чем брат, который убаюкивает нас мнимым покоем.

Блуа — не революционер. Скорее, он отчаянный консерватор без питательной почвы. Он понял также недостаточность церкви. Этим объясняется отсутствие у него меры. Один из его тезисов: «Dieu se retire» (Бог удалился (фр.)) б точнее выражает аподиктическое высказывание Ницше «Gott ist tot» (Бог умер (нем.)). Блуа добавляет: «Нет сомнения, что если бы Бог отменил свою благодать, то простые камни — как гранит, так и кремль — рассыпались бы в прах. И где бы тогда было современное общество?»

По радио передают, что Гиммлер арестован, его поймали переодетым. Возможно он впервые переоделся — рейхсфюрер СС в качестве бродяги, в качестве одноглазого нищего. Sic transit gloria. (Так проходит слава (лат.)). При аресте он раскусил наполненную синильной кислотой стеклянную капсулу, которую держал во рту. В том, что такие карамельки должны были составлять неотъемлемую часть экипировки чистых, не ведающих и тени сомнений властителей, я нисколько не сомневался с самого начала.

А вот что меня всегда в нем удивляло и казалось странным, так это та буржуазность, которой он был пропитан насквозь. Казалось бы, человек, который своей властью послал на смерть тысячи людей, должен явственно отличаться от всех других, должен быть окружен грозным ореолом, как Люцифер. А вместо этого такие вот лица, которые можно встретить в каждом большом городе, когда ты в поисках меблированной комнаты постучишься в очередную дверь и тебе откроет какой-нибудь досрочно уволенный на пенсию бывший инспектор.

На этом примере, с другой стороны, видно, в каких масштабах зло проникло в наши институты, как прогрессирует абстракция. За любым служебным окошечком может оказаться наш палач. Сегодня он присылает нам заказное письмо, завтра пришлет смертный приговор. Сегодня он дырявит компостером наши проездные билеты, а завтра из пистолета продырявит затылок. То и другое он исполняет с одинаковой педантичностью, с неизменной добросовестностью. Тот, кто не может разглядеть этого на вокзальном перроне и в приклеенной улыбке продавщиц, тот смотрит на мир глазами дальтоника, не различающего цветов. В этом мире не просто бывают ужасные периоды и ужасные зоны — этот мир ужасен в самой своей основе.

Вот еще над чем следовало бы поразмышлять: раздутые идеи, будничная безобразность таких персонажей указывают на их второстепенную роль в царстве зла. Такое представление,

⁶⁵ Гаманн Йоханн Георг (1730–1788) немецкий философ и писатель, автор, которого весьма высоко ценили Гете, Кант, Якоби, Жан-Поль. Гаманн полемизировал с Мозесом Мендельсоном. Гаманну не нравилось, что энергичные рационализм и Просвещение совершенно односторонни и одномерны.

будто бы миллионы покидают этот мир по той причине, что у рубильника машины уничтожения стоит какой-то господин Гиммлер, является результатом оптической иллюзии. Если всю долгую зиму падал снег, то даже заячья лапка способна обрушить лавину.

Нам неведома другая сторона. В тот миг, когда жертва переступает порог светлого царства, она забывает своего палача; он остается позади, как один из фантомов страшного мира, как привратник, облаченный в ливрею своего времени.

Кирххорст, 26 мая 1945 г.

Пополудни я был в Бургдорфе, покупал семена. На дорогах опасно. Я опять побывал на кладбище возле Дома призрения, где на могилах тихо светились розы и ирисы. В таком месте я люблю размышлять над моим воспитанием. О многом думается, что лучше бы оно было не таким, а другим, и все же говоришь себе: раз наши родители и учителя старались учить нас так, как им подсказывали ум и совесть, то значит, они выполнили свой долг. Если они атеисты, то лучше всего и детей своих воспитывать в атеизме. Как бы то ни было, дети получают от них не просто пустые формы. В этом отношении наши отцы были решительнее дедов. И нам не приходится теперь терпеть воскресную скуку.

Не сосчитать, сколько раз отец принимался объяснять мне подробности строения и поведения растений, и всякий раз с тем рвением, которое было свойственно его поколению. По сути дела, неиссякаемый источник их восхищения представляла сложнейшая конструкция организмов. Ядро дарвинизма составляет теория конструкций. Он не способен заметить в растениях то, что не имеет ничего общего с экономичностью — их нерациональность, царственную щедрость, избыточность, которые говорят совсем о других, гораздо более значительных задачах, далеко выходящих за рамки простого выживания и конкуренции. Поразительна уже невероятная многочисленность видов; казалось бы, должно победить небольшое число испытанных, простых моделей, поделив между собою пространство. Затем красота — эта бесполезная растрата брэнной материи. Ведь все легко прочитывается, как раскрытая книга; однако все разговоры с людьми, которым не дано в своем мышлении отвлечься от элемента времени, остаются бесплодными. Миллионам лет, которыми оперирует теория эволюции, в соположенной ей астрономии соответствуют миллионы световых лет. В субстанции крошечной цветочной чашечки, в трепетной тычинке таится смысл более высокий, чем во всех этих расстояниях и процессах, которые ввергают человеческое сердце в тоскливое одиночество. Там, где искусство рассматривается как соревнование, идеи быстро ветшают от износа и торжествуют шарлатаны. Здесь есть только виды и нет конкуренции. Чем больше мы дадим себя опередить во времени, тем скорее догоним ушедших вперед.

В Цвикледе Альфред Кубин(Кубин Альфред (1887–1959), австрийский писатель и художник-экспрессионист. Автор романа «Другая сторона» (1909). Близкий друг Юнгера, с которым они часто переписывались) показывал мне фотографию митинга, на котором тысячи слушателей восторженно приветствовали чью-то речь. Отдельные человечки были крохотными, ни у кого не было лица. Он развернул лист и сказал: «Тут можно было при желании подклеить еще двадцать таких кусков».

Вечером к нам явились на постой солдаты и два офицера одного шотландского полка, их устройство я предоставил хозяйке дома.

Кирххорст, 27 мая 1945 г.

Услышал, что вчера произошел долгий разговор, во время которого оба офицера —

один из них был сыном лорда Александера,⁶⁶ высказали не только свое возмущение такими вещами, которые действительно никоим образом не могут быть оправданы, но и наговорили много несправедливого в отношении немецких военных и немецкой армии. Я это предвидел.

При желании можно составить список обвинений, которые предъявляются побежденному. Вот и на этот раз была повторена история о гарнизоне, который вывешивает белый флаг с тем, чтобы вновь открыть огонь, когда нападающие выйдут из укрытия.

В неразберихе, особенно если погибли командиры, такое всегда будет происходить снова и снова, причем это никогда не основано на предварительном сговоре. Нападающая сторона всегда склонна забывать об осторожности. Именно при таких обстоятельствах и я получил ранение, это случилось 22 марта 1918 года при атаке на шотландские позиции. Их занимал как раз тот самый полк, к которому принадлежали оба наших постоянца — Аргайлские и Сузерлендские горцы. По поводу подробностей, изложенных мною в моих военных дневниках, у меня завязалась переписка с их командиром полковником Хатчинсоном.

Просматривая его письма, я натываюсь на такие фразы, как например:

«Your book will remain as a permanent and worthy memorial to the heroism and doggedness of German storm troops. It is more than possible that we may have had contact with one another. It would have been a pleasure to me to meet you on the Western Front, even in conflict». (Ваша книга навсегда останется достойным памятником, увековечившим героизм и стойкость немецких ударных частей. Очень может быть, что мы с Вами уже сталкивались. Мне было бы приятно знать, что мы встречались с Вами на Западном фронте, пускай даже как противники (англ.).)

Это кануло в прошлое; да и в те дни уже представляло собой реликт даже в Европе.

Утром, когда Перпетуя прибирала комнату, в которой они ночевали, я обнаружил там на платяном шкафу заряженный автомат, не замеченный мною ранее. Я забрал его оттуда и утопил в пожарном пруду вместе с предыдущими. Возможно, Хатчисон над этим бы еще посмеялся.

Кирххорст, 28 мая 1945 г.

На столе появилась первая черешня. Столь ранний для наших мест срок ее созревания объясняется тем, что эта черешня выросла на последней зеленой ветке засохшего дерева: отпрыски декаданса.

Пополудни в Лоне и Нейвармбюхене при прохладной и пасмурной погоде, время от времени — короткие летние дожди. В такие дни раннего лета земля так и налита соками. Среди высоких лугов и ржаных полей островками вздымаются напоенные свежей влагой живые изгороди и рощи, из которых доносится крик кукушки. Деревни утонули в зелени дубов; лишь кое-где в ней уголком просвечивает стена дома под островерхой крышей. В этой стихии ощущение родины так живо, что ты купаешься в нем, как рыба в воде.

Кирххорст, 29 мая 1945 г.

⁶⁶ Александр Гарольд (1891–1969), британский фельдмаршал, командующий союзными войсками в Средиземноморье в 1943–1945 гг.

Впервые за время оккупации к нам отважился навестить через дорогу Вильгельм Розенкранц. Обменявшись кошмарными историями, мы заговорили о дымянке, фумарии, которая раскинулась в своей болезненной красе у меня на письменном столе над рукописями. Увлечшись ее разглядыванием и изучением, я, вместо того чтобы работать, потратил на это все утро. Она относится к тем сорнякам, которые украшают собою сад и которых мне было бы жаль лишиться. Название этого растения очень к нему подходит, оно действительно похоже на дым, его нежные веточки вьются над землей фиолетовой дымкой.

Ужиная в саду под большим буковым деревом, мы беседовали о надгробии Эрнстелю, которое я собираюсь заказать в Карраре. Затем о мантических сновидениях, которые я не записываю; лучше бы их не видеть.

Кирххорст, 30 мая 1945 г.

Мне приснилось, что я пришел к Кательфамо. Рядом был «старший друг и начальник», и этот обобщенный тип, меняясь словно хамелеон, принимал обличье многочисленных знакомых, которые выступали в отношении меня в этом качестве на протяжении моей жизни и которым я был многим обязан.

Затем я увидел отца в белом лабораторном халате. Я вошел в дом, мы оба очень обрадовались, встреча была сердечной и трогательной. Эта сцена затем повторилась еще раз, словно в ней было что-то важное, что обязательно нужно запомнить.

Часто мне кажется, что мертвые с годами становятся мудрее и добрее; они растут посмертно, укорененные в нашей душе; истинное кладбище, истинный погост — это мы сами. Они хотят покоиться в наших сердцах. За это они нам благодарны, и это отношение придает силы семьям и народам в их странствии через времена.

Кирххорст, 31 мая 1945 г.

На торфяниках, где я затеял выемку торфа, поскольку маловероятно, чтобы нам выдали на зиму уголь. Трудоемкая работа. Единственным орудием служит торфяной заступ — длинное широкое лезвие в форме лопаточки для торта с рукояткой, как у заступа. С его помощью режут торф, причем сперва вырезают длин-

ные полосы, из которых затем нарезают кирпичики. Один человек стоит в яме и срезает стенку, которая напоминает черную губку. Время от времени он затачивает заступ на точильном камне. Он подает заступом срезанные куски двум другим работникам, как пекарь горячие хлебы, вынутые из печи, а те складывают эти куски в кучи. Эта работа называется «шпекование» (spreken), кучи шпекуются в восемь слоев и через несколько недель перекладываются уже в двенадцать слоев. При этом кирпичики из нижних слоев не только перекладываются наверх, но еще и переворачиваются другим боком кверху. В дождливые годы приходится и еще раз перебирать каждую горку; тогда их уже складывают по сто штук в форме улья, причем решетчатыми слоями, для того чтобы они пропускали ветер и солнце. Когда я принимаю участие в работе, то бываю вознагражден тем, что иногда мне попадается добыча — редкие торфяные жуки. Происхождение слова spreken — неизвестно; полагаю, что оно связано со sprechern (складывать для хранения).

При этом занятии заглядываешь в самые сокровенные глубины торфяника. Его волокнистое нутро темно, до отказа пропитано водой и тяжело как свинец. Вид его дает представление о том, какие громадные запасы воды связывают торфяные болота, и о той опасности либо высыхания, либо наводнения, которая грозит нам, если мы нарушим

природные свойства этих родниковых почв.

Работая на торфяниках, ты больше удаляешься от жилья, труд здесь таинственнее, чем на поле. Чаше можно видеть именно стариков, в одиночестве перекадывающих торфяные кучи. Там есть свои особые тайны. Торфяные болота относятся к числу великих мировых архивов. По своему богатству торфяники сопоставимы с царскими гробницами; это одна из причин, почему они оказываются под угрозой во времена оскудения. Они подвергаются потребительскому расхищению ради простого достижения ускоренного оборота, который людям с мышлением поденки представляется богатством. Уже надвигаются машины, экскаваторы и узкоколейки. Здесь лучше была бы особая обработка поверхности, при которой она покрывается зелеными лугами.

А вот старик-крестьянин сказал мне как-то: «Торфяник должен оставаться торфяником», мудро выразив порядок вещей в одной краткой формуле. Это лежит за пределами всяческой теории, и в первую очередь теории экономической.

Кирххорст, 2 июня 1945 г.

Вот уже и бузина за окном моего кабинета начала расцветать белыми блюдцами соцветий. Матушка клала эти ароматные кругляшки в тесто и пекла с ними сладкие пироги; получалось нечто божественно благоуханное.

Из моего окна взору открывается прекрасный вид на сплошные поля, деревья и крестьянские дома; можно представить себе, что он не менялся на протяжении веков. Трансформаторная будка на заднем плане не мешает; по форме она напоминает древнюю сторожевую башню.

Биографии. На первый взгляд текст доступен всякому, как открытый для широкой публики королевский сад. Хотя в нем встречаются деревья, растения и мифологические фигуры, имена которых знакомы лишь образованному человеку, но их формы доставляют радость всем, включая даже самых простых людей. Затем там есть ротонды, крытые аллеи, галереи, с которыми для узкого круга связаны воспоминания о давно отшумевших празднествах, их огни отгорели и мелодии отзвучали. А среди этих людей опять-таки найдется два-три человека, которым понятны намеки и образы, спрятанные в укромных уголках. И может статься, автор вырезал где-то себе на память тайные руны, которые среди живой материи чудесным образом прирастают особенным смыслом, недоступным никому постороннему. В этом заключается ирония и утверждение неотъемлемого права собственности, что, однако, не умаляет, а напротив, лишь повышает ценность написанного для других людей.

И наконец, есть в этом саду флора мантических фраз, которые раскроются лишь со временем, когда оно подкрепит их фактами. Их сокровенный смысл не был ясен и самому автору; они доказывают, что он докопался почти до корней. Они попадают в во всякой хорошей книге, доказывая ее жизненность, делая ее неподвластной времени.

Кирххорст, 6 июня 1945 г.

В углу кладбища вновь вспыхнули огненные лилии. Они делают зримой прохладность тени, словно зажглась свеча.

Предгрозовая духота. В саду в дуплистом пне старой акации живет муравьиный народец. Сегодня у них была свадьба; все племя высыпало наверх и закишело черными

точками, среди них, в переливчатых праздничных мантиях, самцы и самка. Это зрелище, когда они в вихре напряженного волнения прощались со своими темными братьями, прежде чем взлететь на светлых крылах в небо, было больше, нежели праздник любви — это было священное празднество.

Du wirst die Zweifel alle mir enthüllen,
O du, der mich durch das dunkle Tal
Des Todes führen wird! Ich lerne dann,
Ob eine Seele das goldene Wurmchen hatte.

(Ты все сомнения для меня разоблачишь, Ты, кто через темную долину смерти Меня поведешь! Тогда я узнаю, Был ли в душе золотой светлячок.)

Не припомню, чтобы меня когда-либо мучили сомнения, тревожившие Клопштока. Напротив, мне зачастую казалось, будто язык знаков, которым говорят цветы и животные, звучит убедительнее, неопровержимее, нежели тот, который мы наблюдаем у человека с его свободой, влекущей за собой страдание и заблуждение. Мы ничего не знаем об их сокровенных глубинах. Во всяком случае, они ближе к краю; любой сад доказывает это со всей очевидностью.

«Вы витаєте в мечтах» — это выражение меня развеселило и опечалило, напомнив мне об одном из моих планов, а вместе с ним о множестве других так и не выловленных рыбок, которые все время всплывают, особенно по вечерам, перед тем как уснуть. Прежде мне не доставало тем, отчего мое рвение частенько не получало должной пищи, и, как следствие, у меня был избыток времени. Сегодня дело обстоит совершенно наоборот.

Вероятно, у многих людей в какой-то точке жизненного пути наступает этот поворот, когда ты начинаешь догадываться, что не успеешь уложиться в отведенное время. Это приносит с собой беспокойство, а также, несомненно, и болезни. Тут остается только одно — найти такие ключи, которые одновременно подходят к нескольким отделениям, и перевести свою орбиту повыше, к сужающейся вершине конуса, где время уже не имеет значения. Науки здесь теснее связаны между собой и подводят к знанию. И, наконец, впереди всегда есть вершина конуса — та точка, в которой жизнь из пучины отражений переходит в абсолют, и дух единым взмахом крыл воспаряет над пространством знаний всех времен и народов.

Начал Иеремию, положение которого сравнимо с положением нынешнего немца, обладающего духовной ответственностью.

Носятся слухи, что русские займут еще Саксонию и Тюрингию и что американцы уйдут, уступив им эту территорию, по-видимому, не предупредив заранее население, так что я почти потерял надежду увидеть здесь мать и сестру. Несколько врачей, которые, как большинство немцев в нынешние времена, превратились в странников, заглянули к нам сегодня утром на своем пути и подтвердили это известие. Однако все эти свидетельства очевидцев и сообщения из вторых рук только еще больше затемняют и без того смутную картину. Да и чего хорошего можно ожидать от планов, которые осуществляются при участии отвратительных организаторов массовых убийств и даже некоторых из зачинщиков Версальского мира? В международных делах все по-прежнему неудержимо катится вниз.

Начал «Кузину Бетту» Бальзака, однако счел, что не стоит тратить драгоценное время на то, чтобы вникать в интриги общества времен Луи-Филиппа, чьи помыслы целиком сосредоточены на деньгах и на ренте. Зато я открыл для себя в этом чтении новую прелесть

благодаря тому, что с улицами и площадями Парижа для меня теперь связаны личные воспоминания, и я то и дело наталкиваюсь на знакомые названия, которые затрагивают в душе какие-то струны. Притом мосты представляются мне обручальными кольцами, которыми столица скрепила свой союз с рекой. Это драгоценные украшения, чьи камни излучают судьбоносный блеск, а речная вода, отражая мосты, довершает волшебную иллюзию замкнутых колец. Сколько художников пытались передать это впечатление! Какое счастье, что они сохранились.

Кирххорст, 8 июня 1945 г.

День рождения матушки, которой сегодня, если есть на то Божья воля, исполнилось семьдесят два года.

Ночью странствовал, сначала бродил по мраморным городам, потом по боевым позициям. И, наконец, через заснеженный лес. Я услышал голос, который произнес: «Snowmoon». (Снежная луна (англ.)) Я остановился при полной луне перед местом, где дрозды из-под снега откапывали зерна. Едва ощутимым дыханием перегноя и первых ростков повеяло на меня сквозь снежную пелену.

Среди так называемых сорняков цветет дурегон;(Так можно буквально перевести название Gauchheil. По словарю — очный цвет (Anagallis L.)) некрасивое название объясняется тем, что раньше это растение считалось средством против ослабления памяти. Крестьяне называют его «Rote Miere», (Красная звездчатка (нем.)) что больше подходит этому растению. Как ни крохотны звездочки его цветков, редко где можно встретить такой яркий и приятный для глаза кармин.

Кончил читать Иеремию. Седекия оказался не того масштаба человек, чтобы одолеть судьбу, которая судила ему оказаться между двумя великими державами — Вавилоном и Египтом. Его слабость проявляется и в отношениях с Иеремией. Ему надо было либо убить этого пророка и быть готовым к тому, чтобы погибнуть под развалинами храма и города, либо прислушаться к его советам, а с Навуходоносором до лучших времен вести выжидательную политику. А так он проиграл партию. По велению Навуходносора ему выкололи глаза, заставив его напоследок увидеть, как были зарезаны его сыновья. Конечно, чтобы судить о Седекии со всей справедливостью, следовало бы лучше знать внутреннее положение, которое наверняка было сложным. Об этом можно судить хотя бы по партизанской вылазке Исмаила, который убил ставленника Навуходносора Гедалию, что навлекло на оставшееся среди развалин население ужасные беды.

Военачальник Навуходносора Навузардан представляет собой тот тип, который выполняет черную работу и в наиболее чистом виде воплощает в своем лице механизм власти. Короткие отрезки, где он упоминается в Писании, позволяют сквозь даль веков расслышать отголоски того страха, который он внушал. Наше время тоже породило таких людей. Подобно эротоманам, этим устрашителям ведаема только одна реакция. Поэтому им присущ железный автоматизм, который выражен также в физиогномическом плане. Эти люди стоят на низшей ступени кочегаров у топки мирового духа и всегда деятельно участвуют в таких планах, о которых они ведают так же мало, как судебные исполнители о провинности осужденных, с которых они по обязанности своей службы должны взимать просроченные долги. Утратив свою должность, они тотчас же предстают во всей своей отвратительной наготы. Кажется, словно они прожили заемную жизнь и давно уже были трупами, так быстро, так алчно похищает их смерть.

Пополудни нас навестил г-н Хаазе, который вместе с Эрнстелем сидел в

вильгельмсгафенской тюрьме. Его посещение напомнило мне те дни, когда я впервые на собственном опыте понял, каково положение преследуемого человека. Оно было близко к тому, чтобы завершиться катастрофой, которая могла превратить их в самую мрачную главу моей жизни. Тогда я не осознал всю тяжесть этой угрозы, отчасти, вероятно, потому, что нам так много помощи оказали незнакомые люди, друзья в беде.

Наш посетитель рассказал о том, как он часто встречал нашего мальчика в этом скорбном месте во дворе или в подвале во время воздушных налетов и обычно видел его бледным и молчаливым, порой он ему с тоской рассказывал о Кирххорсте.

Хаазе, тихий и безобидный человек пятидесяти с лишним лет, попал в тюрьму из-за одного разговора, который состоялся у него как-то вечером в лазарете с другими военными. Он покритиковал тогда руководителя рабочего фронта Роберта Лея и его народный автомобиль, на него донесли. Поскольку речь шла, в сущности, о пустяках, о сомнениях экономического порядка, он надеялся если не на оправдательный приговор, то все же на то, что отделается несколькими неделями тюрьмы, которые покроются сроком предварительного заключения. Процесс закончился смертным приговором.

Приговор был вынесен в районе Кёльна. Для исполнения приговора осужденного в сопровождении двух солдат охраны направили обратно в Вильгельмсгафен. В два часа ночи была пересадка, и они остались в Хам-ме дожидаться следующего поезда. Старший в наряде, унтер-офицер, в пути познакомился с девушкой и отправился с ней в зал ожидания. Хаазе остался со вторым стражником, ефрейтором, на перроне. Там уже стоял другой поезд, готовый к отправлению. Вдруг завывали сирены, начинался воздушный налет; свет погас. Хаазе услышал рядом с собой голос: «Начинается посадка на скорый поезд на Ганновер, поезд отправляется немедленно». Как во сне, он последовал этому приглашению и ушел от своего сторожа, и тот не сразу это заметил в начавшейся толчее у дверей. Ему удалось как-то миновать контроль, и так он очутился в Ганновере, где жила его жена, там он раздобыл денег, гражданское платье и велосипед. Он скрывался у крестьян в Нижней Саксонии и перебивался, работая электриком в деревнях и маленьких городках. Однажды, кажется, это было в Бургведеде, он работал у начальника полиции, и там ему даже повезло увидеть на столе объявление о своем розыске. Девять месяцев он так и жил с пистолетом в кармане, готовый тут же застрелиться, если его арестуют. Затем пришли американцы.

Глядя на него за кофейным столом, я спрашивал себя, как же ему все-таки удалось спастись от систематических преследований. Очевидно, причину следует искать в совершенной безобидности, которая делает честь его фамилии(Хаазе (Haase) букв. заяц.) и которая укрыла его подобно защитной окраске.

Его жизнь была спасена с той же неизбежностью, с какой Эрнстель шел навстречу смерти. Нам не разрешить этих загадок, пока мы скованы узами времени.

Кирххорст, 10 июня 1945 г.

Иеремия, плач. Эти плачи наполняются необычайно современным содержанием.

«Наследие наше перешло к чужим, дома наши — к иноплеменным; мы сделались сиротами, без отца; матери наши — как вдовы. Отцы наши грешили, а мы несем наказание за беззакония их. Рабы господствуют над нами, и некому избавить от руки их. Старцы уже не сидят у ворот, юноши не поют». (Ветхий Завет. Плач Иеремии, 5, 3—14.)

Я читал эти слова, как вижу по отметкам на полях, в Рождество 1939 года на Рейнских

позициях близ Грэфферна и в декабре 1942 года в Ворошиловске, на подступах к Кавказу. Мы мним, что проезжаем с этой книгой по городам, но, возможно, города — это не что иное, как только наглядные примеры. Мы путешествуем по этому тексту.

Духовный и эмпирический уровни. Заметки к «Рабочему». Духовная кампания, план в его низших и высших категориях разворачивается по образу и подобию плана мироздания, который включает в себя смерть и страдание. Поэтому он абстрагируется от боли. Великий план располагается над колесами, он «богоравен». Зато на эмпирическом уровне ты проживаешь личную, выстраданную судьбу; боль — это человеческая реальность. Это приводит к трагическим совпадениям в душе отдельного человека, который является как планирующим, так и страдающим существом.

Политическое, стратегическое решение ставит под угрозу тысячи и тысячи людей, каков бы ни был его характер, следовательно, и бездействие тоже. Комендант крепости, который должен ее удерживать, действует по закону плана, на духовном уровне. В то же время крепость есть и то эмпирическое место, где страдают и погибают он и его соратники. Это часть пережитого нами опыта.

До этого момента все просто, хотя и не бесспорно. А вот что трудно дается пониманию отдельного человека, это то, что он сам играет роль коменданта, на духовном уровне. Он тоже причастен к сотворению плана, к идеальной схеме, путем ли действия или бездействия, но он всегда несет ответственность. Нет ничего такого, что он не мог бы принять, и ничего, что не мог бы отвергнуть. Отдельный человек может изменить мир, будь то посредством дела или посредством страдания, причем в любой момент. Ему решать, быть этому миру или погибнуть. Он — суверенная личность и, осознав это, становится обладателем величайшей власти. Мир для него — его материя и его мечта. Мир всегда — его образ и подобие. Этому учит миф, учит история и священная история, этому учит философия. Так, например, для христианина, который осознает себя комендантом своей крепости, своей «твердыни»,⁶⁷ Христос становится не только образцом, которому он следует, но и существенной и действенной частью его личности, становится миропреобразующей силой, которой он причастился. Эта сила сокрушает империи.

Когда план становится самодовлеющим, когда он словно бы абсолютизируется, возможно предположить разное. Возможно, это связано с тем, что отдельные люди уже уступили слишком много из своих запасов субстанции, суверенитета, собственной судьбы, будь то в поддержку плана, будь то потому, что их начинает тяготить собственная ответственность. Без согласия невозможно никакое принуждение. Можно также предположить, что на нашей планете, где находится наше эмпирическое местопребывание, мировой план переживает сейчас кризис, что он вступил в новую фазу, которая отражается на человеческих планах и требует платы авансом. «Человек» подталкивается к тому, чтобы перейти на новую стадию, которая, с одной стороны, требует от него повышенной активности, «работы», а с другой — страдания. И он выполняет то и другое требование с радостью и с болью.

Великое ликование, которое сопровождает планы и нарастает гигантской волной, когда они переходят в катастрофическое качество, напоминает собой странствие по пустыне, при котором возникают видения. Являются пророки и вещают о стране обетованной. Хорошо будет детям. Но какое значение имеет то, что человеческие планы *sub specie aeternitatis* (Под

⁶⁷ В оригинале — «feste Burg», т. е. цитата из Лютера «Eine feste Burg ist unser Gott» — «Бог наш — укрепленная твердыня»

знаком вечности (лат.) развеваются как дым, причем тем вернее, чем умнее они замыслены? За великим множеством планов и утопий должен скрываться иной, неизменный план, который мы воссоздаем в несовершенном мире. Крушение — неотъемлемая часть плана. Поэтому тут должно действовать и что-то другое, ускользающее от понимания, некая пророческая, трансцендирующая субстанция. Коловращение планов происходит в преддверии. Они суть бранные отображения Вечного града средствами человеческой архитектуры. Они суть малость, но значат много. В готических городах все дома крошечные, они, словно ласточкины гнезда, лепятся возле каменной твердыни собора. В городах мирового значения церкви незаметно прячутся в тени банковских зданий. Там, где план остается в рамках преддверия, он оказывается более осмысленным, как например там, где он нацелен на строительство храмов и гробниц, занимается конструированием передних помещений, предвещающих вступление в горную жизнь и вместилище Страшного суда. В этих случаях он и в отношении долговечности оказывается не столь быстротечным. Может быть, памятные знаки пирамид пребудут и тогда, когда наше эмпирическое местопребывание обратится в груды каменных обломков, опустелое и покинутое обитателями. В их чертежах был лучше угадан мировой план.

Это приводит нас к теме рабочего. Его планы, как и все прочие, могут быть только эпохальными; и для него крушение также является неотъемлемой частью плана. Правда, катастрофы не могут нанести ему ущерб. Они, скорее, работают на него, способствуют его продвижению, хотя бы потому что разрушают экономические оковы, в то время как образ рабочего невредимо шествует сквозь охваченный огнем мир, возрастая духовной мощью. Тут предвидятся еще великие свершения. Для эмпирического поступательного развития созданы все необходимые условия благодаря интенсивной и притом слепой воле, а также большому запасу ненадломленных и еще нетронутых резервных сил.

Опасения может внушать только смена духовной позиции: ее предвещают сомнения, легкое отвращение среди элиты к зрелищу, наметившееся утомление, которое опаснее самой катастрофы. Тут должны выступить на сцену новые образы, новые пророки.

Подобные повороты могут происходить почти незаметно. Это ближе к химическому нежели к физическому процессу, он состоит в демифологизации: утопии частью достигнуты, частью оставлены позади и потому утрачивают свое обаяние. Мир труда предстает в другой перспективе, подчиняется субординации. Рабочий отодвигается на второстепенное место иерархии, ставится в рамки его материалистической схемы, ему отводится роль обслуживающего брата, в то время как новые духовные вожди уже заняты новыми идеями. Этому способствует стремление к усовершенствованию, которое лишает средства их революционного характера. Первый голод уже утолен. Гигантский улей наполняется ячейками, которые требуют уже иной пищи, а с приходом внуков туда проникают новые паразиты.

Меняются роль и задачи скепсиса. Он подталкивает ход диалектических процессов в их героической фазе и тормозит их после ее завершения под личиной *taedium vitae* (Отвращение к жизни, пресыщенность (лат.)) — явления, распространяющегося в мирное время золотого века. Сначала скепсис ухватывается за модификации генерального плана, оставаясь на его ковре, в рамках господствующих банальностей. Смертельные враги даже не подозревают, до чего сходны их язык, их символика. Они схожи между собой как зеркальные отражения, как поддерживающие друг друга арки. Непримируемость возрастает вместе с тонкостью расхождений, как это было на великих церковных соборах, где спор шел о богоравенстве или богоподобии.

Затем скепсис начинает подвергать план тотальному сомнению, доходя до

глубочайшего нигилизма. Он тоже входит в поставленную задачу. И наконец совершается переворот: сомнение оборачивается верой, прикрепившись к блеснувшим над горизонтом новым образам. Но что именно придет «извне», не поддается предсказанию.

Это движение происходит волнами. В определенный момент план достигает своей кульминации, причем в духовном аспекте раньше, чем в реальном; силовая и пространственная экспансия, энергичное движение масс значительно запаздывают по сравнению с первоначальным толчком. Это можно наблюдать повсеместно в мире зоологии, истории, теологии.

Не противоречит этому и то, что движение одновременно происходит по спирали; критика; наблюдатель видит его с другой позиции, чем действующий участник, и в результате истолковывает его иначе. Всякая сила, приближающаяся к своему закату, несет в себе зарю новой, реализует ее в момент своей гибели как матрицу, как питательную среду. В этом смысле конец всегда эпизодичен, он даже необходим, так как освобождает пространство. Мир тесен, и история пишется не в виде книги, а на одном листе, на котором просвечивают прежние тексты, вплоть до самого первого. В абсолюте существует только массивная субстанция, которая дает излучение во времени, там нет ни закатов, ни восходов, как у солнца, которое не заходит и не восходит. Есть только превращения, смерти нет.

Вероятно, метафизический потенциал мира труда сильнее, чем нам это представляется сегодня. Мы видим гусеницу, неподвижную куколку, а не бабочку. Мы видим движение, но не видим покоя, который управляет его законами. На высших витках спирали откроется скрытая необходимость. Жертвы были сильнее, непреборимее, чем думали те, кто жертвовал собой: они были так сильны, как они верили и мечтали. Физические формулы, социальные и экономические теории, обнаруживая свою сущность, оказываются средствами, мотивами для одухотворения мира. Временные постройки сносятся; на сцену выходят санкционирующие силы. Искусство, архитектура, философы могут обрести новую достоверность лишь тогда, когда осознается неподвижный центр покоя; их неудовлетворительность в условиях движения принадлежит к числу благоприятных примет.

К числу примет относятся также и настроения близкого конца. Они нарастают по мере развития кризиса и достигают апокалиптических масштабов во время мировых кризисов. «Подобное повторяется в каждое тысячелетие», — сказал мне однажды в Норвегии Кельзус.⁶⁸ Для стиля нашего времени характерно, что эти настроения конца ограничены тем, что связано с техникой. Однако она лишь иллюзорный предлог; техника не несет нам ни гибели, ни спасительного блага. Тут действуют причины посильнее. О подъеме и упадке нельзя судить с эмпирической точки зрения. Здесь спорят между собой поверхностный оптимизм и всемогущий страх.

Ценность настроений конца и гибели, как и во времена пророков, лежит в плоскости высшей педагогики; она заключается в необходимости направить свой взгляд в иную сторону, искать иной помощи, к чему побуждает сознание того, что нам не по силам справиться с великим испытанием. Эти настроения заставляют задаться вопросом, насколько

⁶⁸ Намек на Кельзуса — древнегреческого энциклопедиста (25 г. до н. э. — 50 г.). Юнгер так называл Хуго Фишера, с которым он и был два месяца в Норвегии в 1935 г. С Фишером Юнгер познакомился в Лейпцигском университете, где изучал зоологию и заодно вместе Фишером посещал лекции по философии у Феликса Кремера. Сам Хуго Фишер (1897–1975) стал впоследствии доцентом на кафедре философии. Все биографы Юнгера признают, что Фишер здорово повлиял на Юнгера в философском отношении. Кроме того, Celsus (с женой) — это персонаж книги писем Юнгера из Норвегии «Myrdun» (впервые издана в Норвегии в 1943 г. для немецких солдат в этой скандинавской стране).

тщательно, умно, ответственно наш бранный план повторяет план мироздания, и уводят в те сферы, где простое воление и простое знание оказываются недостаточны.

Кирххорст, 11 июня 1945 г.

Иезекииль. Видение, описанное в первой главе, носит кентаврический характер: взаимопроникновение магического и духовного мира. Нижняя половина носит магический характер: оцепенелость, близость зверя и дивных камней, магнетизма, наглядности. Верхняя половина достигает горных высот.

Магический характер несут также операции четвертой и пятой глав: геомантические приготовления к осаде Иерусалима, в особенности сожжение и упрятывание волос, на которое то и дело натываешься при чтении.

В этом отношении Иезекииль принадлежит к гораздо более древнему слою, чем Исайя и Иеремия, то же самое и в отношении его склонности к обрядовости и законоблудительству в духе книги Левит. Отсюда, возможно, открывается доступ для прикосновения к глубинам древней Месопотамии.

Кентаврический характер заключается в том, что он из мира магии дотягивается до сфер более высоких и свободных. Дуализм изначального откровения проходит через весь текст этого пророка и проливает свет на его позицию, изучение которой не менее важно, чем изучение позиции Исайи и Иеремии. У всех троих в центре внимания находится катастрофа, которая у Исайи воспринимается в основном как стихийная, у Иеремии же как политическая. Иезекииль охватывает магические явления, которые сопровождают эту катастрофу и с которыми мы вновь сталкивались в нынешние годы под современным покровом технических форм и понятий, так как техника, словно подъемник, непрерывно выносит наверх многое из того, что относится к древнейшим пластам.

Приходится задать себе вопрос, не представляет ли простое лицемерие технических образований, их магическое присутствие и исходящие от них токи большей опасности, чем их кинетическая работа. Последняя может производить обширные разрушения, но наряду с физической угрозой существует еще и другая. Уничтожение нумозма, души, волшебного очарования вызывается не столько силовым воздействием техники, сколько самым фактом ее существованием, ее появлением как таковым. Дикаря оружие может убить, но не развратить. Создается впечатление, что для такого рода обворовывания достаточно просто установки аппаратов, их подключения. Для того чтобы уничтожить Мекку, достаточно телеграфного провода. А то, что по нему можно передать ультиматум, поджечь бикфордов шнур, общаться с пророком запанибрата, — это уже относится к конкретной реализации.

Пополудни прошел дождь, как раз кстати, чтобы пересадить рассаду. В такую погоду корни растения остаются в своей стихии. Они как бы переплывают с одного места на другое. Вечером по радио сообщили, что изгнание немецкого населения из Судет идет полным ходом. Среди них наверняка есть миллионы ни в чем не повинных людей, и когда-нибудь явится на свет истец, который заговорит от их имени. Эта нить тянется еще от ошибочного решения Версальского договора, по которому они оказались под чужеземным владычеством, теперь они же должны расплачиваться за эту глупость. Неповинные, они также расплачиваются за то, что их правое дело взялся защищать дурной адвокат. Это известно всем, кто знает этих людей и знает, как их угнетали. Говорят также, что и там происходят чудовищные массовые убийства. Беженцы рассказывают такие подробности, которые хуже всего, что мне только приходилось слышать начиная с 1917 года, в наше столь изобильное такими ужасами время я даже не решаюсь доверить их бумаге и хотел бы стереть

воспоминание о них из своей души. Полагаю, что большинство чехов смотрело на это в бессильном ужасе, разве мы не знаем, как в такие лабильные времена достаточно небольшого слоя преступников, чтобы развязать чудовищные зверства.

Эту новость сообщило лондонское радио, чье негодование по поводу совершаемых в нашей стране зверств я в последние годы зачастую слушал с одобрением. Но что прикажете думать о том чувстве удовлетворения, которое явственно слышалось в сообщениях об этих новых мерзостях? В то время как у меня сердце переворачивалось в груди от голоса плотно позавтракавшего толстяка, у меня перед глазами стояло неопишное горе приграничных дорог. Хотел бы я знать, что думают об этом люди, которых я уважаю, например Андре Жид. Одноглазый гуманизм отвратительней всякого варварства.

Кирххорст, 14 июня 1945 г.

Пополудни мы хоронили Хиннерка Викенберга. Его задавили на нехорошем повороте возле Гросхорста, который, начиная с первого появления автомобилей, уже потребовал множество жертв, первая авария случилась в 1900 году во время автогонок Париж—Берлин.

Я видел его только вчера на торфоразработках. В известии о его смерти чудится глухой подземный отголосок торфяного болота. Его жена, наша толстушка Ханна, услышала вскоре после того, как он отъехал на велосипеде, какой-то шорох под дверь. Пришел один из соседей, чтобы сообщить ей о случившемся. Едва услышав его голос, она сразу почуяла неладное и воскликнула:

— Хиннерк! Он помер? Ей ответили:

— Помер! Захвати лопату.

Панихида, как обычно, состоялась на гумне. Гроб стоял на глинобитном полу. Венки из гвоздик, флоксов, жасмина и огненных лилий окружали покойника. Кирххорстские старейшины, которых домашние называют «Use Vadders», (Наши батки (диалект.)) явились в полном составе; они нарядились в сюртуки, материя которых от ветхости отливала зеленью, и в похожие на трубы цилиндры, которые повидали на своем веку много свадеб, императорских дней рождений и похорон. Во время проповеди слышно было скотину в хлеву и кудахтанье кур на дворе. Ласточки, гнездившиеся под потолком, то и дело сновали над гробом. Многие уже так лежали под этой крышей в гробу, чтобы затем быть вынесенными ногами вперед.

Вечером я еще раз зашел к Ханне, которая частенько поругивала старика, когда он «окосевший» возвращался домой. Но это так, мелочи жизни, которые потом забываются. Нынче у нас стоит лето; она сказала: «Попервоначалу, кажись, не отдавала бы покойника. А потом думаешь, уж только бы поскорей».

Кирххорст, 15. Июня 1945 г.

Посетители из числа огромной армии немцев, поток которых все течет по дорогам; люди, лишившиеся крыши над головой, не получающие известий о своих близких, которых, возможно и нет уже в живых. Так что нам еще повезло, что мы вообще узнали о смерти Эрнстеля.

Вчера приехал Мартин Катте⁶⁹ и остался у нас ночевать. Он добрался сюда на велосипеде из Куфштейна, где самораспустилось командование Люфтваффе. Цольгоф, где его семья жила с незапамятных времен, оказался в руках у русских. Его матушка еще там; судьба ее неизвестна. Жена и дети находятся у одного лесничего в Гарце. Мы до глубокой ночи все обменивались впечатлениями и воспоминаниями.

Он рассказывал о своем начальнике, генерале Грейме,⁷⁰ назначенном в последние дни Гитлера преемником Геринга на посту главнокомандующего военно-воздушных сил. Чтобы явиться к Гитлеру, он прилетел в Берлин, где дело уже подходило к концу, на самолете, который вела летчица Ханна Рейтч.⁷¹ На прощанье он только махнул Мартину Катте рукой, как бы говоря: «Кому-то ведь надо это сделать». Один знакомый десять лет тому назад высказался о нем так: «Грейм — человек все-таки мыслящий; у него еще осталось что-то за душой, за что он и держится».

Аэродром в Темпельгофе уже захватили русские. Поэтому они сели в Тиргартене при сильном обстреле, самолет получил несколько попаданий, а Грейм был ранен. Он отправился в рейхсканцелярию, надел каску, доложил о своем прибытии и вылетел, опять под сильным обстрелом, обратно на юг. При объявлении перемирия он принял яд.

Такие эпизоды помогают увидеть величие и ограниченность прусской школы, на которой еще держались огромные армии Второй мировой войны. Для хорошего коня это конечно, вовсе не недостаток, если он приучен к одному наезднику. Но когда пропадает глубинная основа, все это теряет свой смысл, заменяется автоматизмом, становится разрушительным. Глубинная же основа была связана с монархом, с тем, что власть ему дана божьей милостью, над чем от души смеялись наши отцы и деды. Но в конечном счете это справедливо для всякого — либо ты есть нечто божьей милостью, либо — сомнительная величина.

20 июля 1944 года мы вспомнили и Штауффенберга. Узнав об этом, Роммель сказал: «Неужели там не нашлось ни одного капитана с армейским пистолетом?» То, что у них была бомба, возможно, объясняется тем, что полковник был одноруким и что на Бендлерштрассе без него нельзя было обойтись. Поговаривали, что граф Арко, застреливший Эйснера⁷² в

⁶⁹ Катте Мартин фон — из знаменитой прусской семьи фельдмаршала фон Катте, сын которого Ханс Герман был другом будущего короля Пруссии Фридриха II (Великого) и участвовал в попытке последнего бежать от власти деспотического короля Фридриха Вильгельма I (первоначально — «великого курфюрста»). Ханс Герман был обезглавлен на глазах кронпринца 6 ноября 1730 г. за помощь кронпринцу в попытке побега. Мартин фон Катте (1896–1988) и Юнгер знали друг друга с 1920-х гг. До войны он был землевладельцем в Восточной Пруссии, а после 1945 г. бежал на запад Германии и два года жил у Фридриха Георга Юнгера. Катте был известным поэтом, оставил мемуары «Schwarz auf Weiß» (1987).

⁷⁰ Генерал-фельдмаршал Грейм Роберт Риттер фон (1892–1945) — герой войны, последний командующий Люфтваффе. Покончил с собой в американском плену 24 мая.

⁷¹ Рейтч Ханна (1912–1979) — знаменитая немецкая летчица. В 1932 г. установила первый мировой рекорд в дальности полета на планере. За ним последовали десятки других рекордов. В 1937 г. Рейтч впервые поднялась на вертолете на 2439 м. За испытания самолетов во время войны Гитлер наградил ее Железным крестом первой степени и золотым знаком летчика с бриллиантами.

⁷² Эйснер Курт (1867–1919) — член НСДПГ, возглавил социал-демократическое правительство Баварии в дни Ноябрьской революции. После поражения его правительства на выборах в ландтаг Баварии был убит 21 февраля 1919 г. графом Арко-Валлей. Это убийство скорее всего было попыткой графа (еврея-полукровки) самоутвердиться среди своих товарищей. На самом деле правительство Эйснера все равно должно было подать в отставку. Убийство, напротив, послужило поводом к коммунистическому восстанию в Мюнхене и к

толпе спартаковцев, тоже носился с подобными планами. Покушения вообще представляют собой мнимое решение, как и самоубийства; они переносят проблемы в другую, но не лучшую плоскость. В главном штабе на обсуждении положения Катте услышал от одного из участников о том, какое суждение высказал Гитлер о Штауффенберге еще задолго до покушения: «От взгляда этого одноглазого полковника у меня всегда появляется неприятное чувство». Это подтверждает то, что я не раз слышал от разных людей: в таких делах Гитлер проявлял интуитивное предчувствие.

Разговор свернул на Бёрриса Мюнхгаузена.⁷³ Будучи в командировке, Мартин как-то навестил семидесятилетнего старика в одном из его поместий, в Виндишлейбе, где недавно скончалась жена Мюнхгаузена. Обстановка была уже шаткая, дом был переполнен беженцами. Они посидели вдвоем в библиотеке, пили бургундское, закусывая консервированными куропатками «из Аннинных припасов». Между прочим обсуждали и надвигающуюся катастрофу, причем Мюнхгаузен был совершенно спокоен. Говоря, он показал рукой на свой «комод свидетельств лояльности» — произведение барочной эпохи с четырьмя ящиками. В верхнем лежали письма и поздравления от германского императора и монархов государств Германского союза, во втором — того же рода документы времен Веймарской республики, в третьем — послания Геббельса и других деятелей Третьего рейха «дорогому барону»; Мюнхгаузен сказал, что четвертый ящик тоже наверняка заполнится. Задумчиво выдвинув его, он с улыбкой сказал: «Я еще доживу до девяноста лет». Затем с хитрой миной, подняв палец, добавил: «Конечно, если мне дела не понравятся, я тут же уйду к Анне».

Этот анекдот выходит за рамки личного и касается положения мусического человека вообще и его свободы. Покуда политические условия стабильны, они его мало затрагивают. При резкой смене власти они становятся для него мучением, тем более что он и в духовном, а чаще всего и в экономическом плане больше сталкивается с трудностями и более уязвим, чем все остальные. Художник хочет писать картины, певец — петь, а не делать политику, и все это тем в большей степени, чем сильнее его призвание, чем выше дарование. С другой стороны, ему становится все труднее уклоняться от сосущих его энергию щупальцев. Когда все вообще переходит всякую меру, становится «китайским», то один из возможных путей выхода для художника, не чувствующего в себе призвания барда или мученика, состоит в отказе от внутреннего участия при внешнем соблюдении церемоний. Он будет ухаживать а своим садом и бить поклоны. Хотя и это достаточно сложно, а зачастую и невозможно. «Wo alles liebt, kann Karl allein nicht hassen», (Не может быть, что один Карл ненавидит там, где все любят. Шиллер Фр. Дон Карлос (I, V, 51).) — еще одно из таких высказываний, которые, к сожалению, справедливы и в перевернутом виде. В таком случае хорошо знать, что можно «уйти к Анне».

Катте — праправнук несчастного друга Фридриха Великого, обезглавленного в Кюстрине. У него звучный смех; гитара, висевшая в комнате, отзывалась резонансом, когда он начинал смеяться. Он похож на своего предка, ему была бы к лицу косица. В чертах его лица есть что-то барочное и даже более старинное. Когда в 927 году Генрих Саксонец штурмовал Ерани-бор, нынешний Бранденбург, он пустил вперед конницу по льду реки Гафель. Первым поскакал саксонский воин с гербом в виде белой кошки на щите. Увидав это, король крикнул: «Дикий кот нападает!» Когда крепость взяли, этот Катте вернулся с

«Баварской советской республике».

⁷³ Барон Мюнхгаузен Бёррис фон (1874–1945) — немецкий писатель. Литературный псевдоним — Н. Albrecht. Автор многочисленных баллад, посвященных темам из Средневековья. К моменту, когда Юнгер писал о нем, Мюнхгаузен был уже мертв, он покончил жизнь самоубийством 16 марта.

несколькими пленными вендскими князьями. На что один из людей в королевской свите сказал: «Катт наловил черных мышей». С тех пор кот в его гербе изображается с черной мышью в зубах. Я часто видел его, когда бывал в Цольгове, скромном поместье, земли которого граничат с бис-марковским Шёнгаузенем. Новое переселение народов, которое мы ныне переживаем, выметает людей и из этих тысячелетних владений.

Затем еще приезжал доктор Финк, работающий хирургом в немецком лазарете, и передал привет от Магги Грюнингера.⁷⁴ К сожалению, есть опасения, что он погиб в январе, как 1а дивизия, попавшая в русский котел. Это был один из самых лучших умов крупнейшего калибра из тех кого я знал, по своему духовному складу он был от природы настроен на экстремальные температурные условия и такие положения, как сражение во вражеском котле. В юности он изучал теологию, но затем, как и многие, под влиянием Ницше избрал другое поприще. В общении со мной он охотно называл себя «Мавританцем». Когда я с ним познакомился, он был адъютантом Шпейделя.⁷⁵

Отсутствие известий о нем и о Клаусе Валентинере особенно меня огорчает, поскольку обоих я считал неуязвимыми. Вероятно, такое впечатление должна вызывать сильная витальность как в ее мусическом, так и в титаническом проявлении. Возможно, это впечатление на самом деле вернее, чем мы предполагаем; нетленная часть недосягаема для пуль и снарядов. За это говорит и то, что оба теперь часто являются мне во сне.

Через гостей, которые заворачивают к нам проездом, сюда доходят смутные, но всякий раз страшные слухи о том, что делается в наших восточных провинциях: исчезновение людей, насилия, убийства, массовое бегство. Большие города, как, например Кенигсберг, по слухам превратились в сплошную мертвецкую. Начали появляться волки. Какой странный контраст с теми прекрасными картинами начатого восстановления, которые рисуют нам в своих радиопередачах русские! Можно подумать, что там счастливое население переживает новую весну.

Кирххорст, 18 июня 1945 г.

Наверное, на побережье Средиземного моря сейчас великолепно. Но если не можешь отправиться в дальние страны, нужно открывать новое у себя поблизости, например поляну в Донском лесу. Там сейчас раздается стук дятла, а затем его ржание — это, когда он совершает облет новой территории. Тут же слышно, как колдует кукушка, над полянками полей заливаются жаворонки, над давней глухоманью парит, покачивая крыльями, канюк. Старики в молодые годы еще видали здесь черного аиста.

Вот и сегодня там была такая умиротворенная тишь. Все горести остаются где-то далеко позади. Цветы сильнее, реальнее. Среди сосен высоко поднялась трава, и на влажной почве росли орхидеи, зверобой и синие люпины.

На обратном пути, где растут сосны, увидел, как большая оса тащит к себе в норку гусеницу. При этом она не пятилась задом, как пишут авторы, а, схватив добычу челюстями, придерживала ее передними лапками, и бежала по белому песку стоймя, как мальчишка,

⁷⁴ Грюнингер Магги — 1а дивизии полковник, знакомый Юнгера по Берлину; 1а — это традиционное в немецкой армии обозначение офицера по оперативным вопросам (или офицера Генштаба).

⁷⁵ Шпейдель Ханс (1897–1984) — генерал, участник Сопrotивления, в 1957–1963 гг. командующий войсками НАТО в Европе

который скачет на палочке. Это зрелище было отмечено всеми чертами, которыми характеризуется встреча плотоядного с травоядным животным: с одной стороны, быстро снующий туда и сюда, чрезвычайно подвижный, весь гибкий, как на послушных шарнирах, разбойник, разрисованный черными и ярко-рыжими полосами, с другой же — светло-зеленая парализованная жертва, волочившаяся за ним снизу, словно бледная тень.

И снова, глядя на это зрелище, я задумался над тем, почему при первом убийстве человека человеком именно землелепашец убил пастуха, а не наоборот. *Fuit autem Abel pastor ovium et Cain agricola.* (И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец (лат.). Кн. Бытия, 4. 2.)

Полумесяц был окружен бледным золотистым ореолом, тот в свой черед — кружком цвета молочного опала. Между ними пролегал в виде кожицы на яичном желтке тонкий пикриново-коричневый кружок. Поля и деревни тоже были окрашены в цвета лунной гаммы. Для восприятия всего богатства этого сумеречного мира нужны глаза олеандрового бражника. Глядя на мягкие крылышки этих животных, догадываешься о целом мире восхитительнейших наслаждений, о целом спектре красок, запахов и звуков, недоступных для нашего восприятия. Ночные мотыльки — павлиний глаз, ленточницы — порхают над клумбами виол, чьи чашечки увлажнились нектаром; спящий мир объят грезой.

Кирххорст, 19 июня 1945 г.

Оглядываясь на прошлое, мы обнаруживаем в своей жизни процессы, напоминающие коагуляцию: отдельные частички соединяются под знаком высшего смысла. Это наблюдается уже на биологическом уровне, например в эмбриологии, когда происходит соединение разнородных структур различного происхождения для выполнения общей задачи. Сколько слепых слоев участвуют в создании глаза, прежде чем он станет зрячим!

Далее в биографическом плане: нежданная плодотворность, казалось бы, втуне потраченных усилий, эти перекрестки, возникшие на ответвлениях основного пути и окольных тропах. Бывает, что человек теряет многие годы в изгнании, в тюрьмах — годы, которые впоследствии, после политических переворотов, оказываются ценным капиталом. Поразительно, как из путаных линий жизни складывается рисунок, зачастую внезапно возникающий перед глазами словно мираж, за секунду до того как растаять.

Но всегда коагуляция предполагает как свое условие обретение какого-то высшего состояния, своего рода второе рождение, или санкцию. Миллионы легочных пузырьков обретают смысл лишь после того, как перерезана пуповина. Для эмбриона они не имели значения, это была поклажа для другого мира, в который он был перемещен насильно, в родовых муках.

Ошибки, заблуждения, пороки могут стать элементами внутреннего роста, причем именно тогда, когда они кончились крахом, сокрушили душу человека. Это известно по многим исповедям. Однако наши глаза не способны обозреть весь план, согласно которому строится наша жизнь. У нас отсутствует нужная перспектива, для того чтобы понять, что труды и дела наши словно каменные арки и столпы устремлены к завершающему куполу. Для этого требуется потусторонняя точка зрения. Ведь для того чтобы жизнь созрела и принесла плоды, всегда требуется помощь, подобно тому как дитя не может родиться без материнской помощи.

Кирххорст, 26 июня 1945 г.

Среди прочих гостей у нас побывал полковник Шер, которого я впервые повидал после того, как мы расстались в «Мажестике». На примере таких людей, как он, начинаешь сознавать, как много невероятных биографий порождено нашим веком. У нас набрался материал на целую библиотеку мемуаров, остается надеяться, что найдутся и соответствующие перья.

Шер родился в семье священника в окрестностях Гильдесгейма; молодые годы он провел в доме Кирххорстского священника. В семье господствовали провельфские настроения; если отец за обедом кидал собаке кусок жареного мяса со словами: «Это тебе от Бисмарка», — пес скалил зубы и рычал. И только, когда священник успокаивал дога, говоря: «Это тебе от нашей доброй королевы Марии», — животное радостно съедало подачку.

Молодым офицером Шер участвовал в сражении при Танненберге. После Первой мировой войны он много путешествовал, выполняя особые поручения Зеекта; во время гражданской войны в Испании командовал полком. Ему довелось проезжать города, где в мясных лавках были вывешены разрезанные пополам монахи. В Испании он пользовался популярностью под именем «дона Эрнесто». В одном поместье ему пришлось зарезать своей шпагой бычка, которого ему привели в знак уважения.

В то время, когда он появился в Париже, он высказал критику в отношении руководства, после того как действия его полка на Востоке закончились поражением вследствие того, что не получили должной поддержки. За оскорбление партии он был приговорен к одиннадцати месяцам тюремного заключения. Годичный срок заключения автоматически повлек бы за собой разжалование. Тогда он обратился за защитой к Генриху Штюльпнагелю. Я взял на себя задачу изложить генералу, в какое он попал положение. Генерал сказал: «Он может здесь остаться, но скажите ему, чтобы он прекратил свои разговоры о Гитлере».

Когда штаб верховного командующего покидал Париж, Шер явился к Хольтицу, которому была поручена оборона города. В один из последних дней ему вдруг в самое неподходящее время вздумалось попрощаться с одной приятельницей, которая жила на бульваре Инвалидов. Крыши уже были заняты бойцами Сопротивления. Поэтому ему было не выйти от нее на улицу, он позвонил Хольтицу в Мёрис, доложил, что попал в «окружение» и попросил, чтобы за ним прислали танк, что и было сделано. Он уехал на танке, а его приятельница удрала, выйдя из дома с черного хода.

Его отправили в командировку, и во время его недолгого отсутствия город был сдан. Он вернулся в Берлин, и там его тотчас же арестовали, так как после 20 июля в сейфе Штауфенберга был обнаружен документ, в котором содержались записи о «разлагающем влиянии партии на вермахт». В качестве источника в документе фигурировал Шер. Его отвезли в гестаповскую тюрьму, в которой уже находились толпы офицеров высоких чинов. Каким-то чудом он отделался тремя годами тюрьмы и разжалованием. Однако приговор не был еще утвержден Гиммлером. Во дворах начались расстрелы; там погиб и Хаусхофер.⁷⁶ Затем падение Берлина открыло тюремные двери.

К сожалению, кажется, не осталось сомнений, что в числе многочисленных друзей и знакомых, расстрелянных под занавес, был и Генрих фон Штюльпнагель. Как всегда бывает при расправах с фрондами, то, что произошло сейчас, тоже повлечет за собой дальнейший

⁷⁶ Юнгер имеет в виду сына Карла Хаусхофера (1869–1946), ведущего немецкого геополитика, создавшего мост между традиционным немецким империализмом и нацистами. Его сын Альбрехт был замешан в заговоре 20 июля 1944 г. против Гитлера, и нацисты его повесили.

упадок национального характера. Срублены последние древние родовые деревья, и вместе с ними гибнет сознание изначальной свободы, связанной с личностью, на которую в конечном счете опираются все политические свободы и весь конституционный строй. Скоро о ней даже перестанут вспоминать.

Кирххорст, 28 июня 1945 г.

С тех пор как я в 1942 г. познакомился с «Анекдотами» Тальмана де Рео,⁷⁷ я постоянно перечитываю эту книгу. Трудно найти другого автора, который мог бы сравниться с ним в жанре исторического анекдота. Дворянство здесь похоже на древний лес, до того как его начал прорезывать абсолютизм, до того как за его вырубку принялась демократия, чтобы в конце концов свести под корень. Говорят, что русские уничтожают кадастры, сносят помещичьи усадьбы.

Если бы Стендаль был знаком с этим источником, он нашел бы здесь такой же богатый материал, как в городских хрониках эпохи Возрождения. Следующая история из первого тома, который я сегодня закончил, могла бы послужить ему для новеллы. В ней описывается коварный шахматный ход, к которому прибегнул маршал Креки, чтобы уничтожить свою супругу, которую он хотел запереть в монастырь, чтобы прибрать к рукам ее земли.

Их брак был бездетным; с одной стороны, маршал ставил это в упрек несчастной женщине, с другой же стороны, он, действуя через доверенного пособника, подбивал ее на то, чтобы она обманным путем подсунула ему чужого ребенка. Маршальша поддавалась на уговоры и нашла подходящую крестьянку, которая была беременна и захотела таким способом сделать свое дитя знатным господином. Подмена должна была состояться у нее в доме, куда маршальша отправилась, будучи якобы беременной. Пособник должен был перенести младенца из одной комнаты в другую, и, перенося ребенка, он по приказанию Креки предательски его задушил. И тут произошло то, чего и ожидал маршал: женщины заспорили, и он, устроив поблизости засаду с комиссарами, без труда мог тут же, по горячим следам, разоблачить обеих преступниц.

Боевой клич Креки гласил: «Crequy, Crequy, le grand baron, nul ne s'y frotte». (Женщины не могли терпеть этот клич по причине игры слов, которая одновременно значила «никогда не даст себя вздуть» и «никогда не связывается с бабами».) Этот клич, как не преминул отметить обладавший большим чувством юмора Тальман, терпеть не могли женщины.

Стоять шпалерами: «Se mettre en haye» ю (Букв.: стоять, пристроившись к заду впереди стоящего.)

В саду распустились королевские лилии. Чем ближе закат, тем сильнее их благоухание; оно держит середину между нежным и пряным. Интересно, что такая прекрасная мысль, как «благоуханная душа» тотчас же приобретает оттенок несообразности, когда ее высказывает человек вроде профессора Егера. Такова судьба многих замечательных вещей; бывают люди, в умственном отношении похожие на горничных, чьим заботам нельзя поручить тонкий фарфор. Но встречаются, как, например, в высшей ботанике, и такие люди, как Фехнер, (Фехнер и Егер — ученые-ботаники, различавшиеся своими подходами к научным занятиям классификацией растений.) которые отличаются чрезвычайно бережным подходом.

⁷⁷ Рео Тальман де (1619–1692) — французский писатель, происходил из богатой гугенотской банкирской семьи. Своими остроумными и весьма критическими портретами современников он делал для Юнгера более понятным его древнюю эпоху и ее нравы. Кроме Рео на подобные темы Юнгер регулярно читал «Preußische Hofgeschichten». München, 1913.

Кирххорст, 30 июня 1945 г.

Вечером радио. Русские вступают в новую зону. Это значит, что ужасное обнищание распространяется еще шире.

Затем неожиданно услышал, как по лондонскому радио передают подробный разбор «Мраморных скал». Ведущий начал с того, что дал совершенно справедливую трактовку этой книги как тенденциозного сочинения, направленного против Гитлера, а затем охарактеризовал автора как представителя военной касты, что, по его словам, не менее предосудительно. Он также разделяет фундаментальную неосведомленность своих соотечественников в том, что происходило в Германии после 1918 года. Наверное, существуют и исключения из общего правила. Тема пруссачества принадлежит к числу самых надежных тестов на уровень интеллекта.

Не спору, что я на стороне побежденных. Исход войны тоже ничего бы в этом не изменил. Очевидно, под этим добрым или недобрым знаком вообще проходит человеческая жизнь: ты проходишь по анфиладе все более неуютно обставленных комнат. К счастью, существуют еще сады, леса, книги, безлюдные местности. У англичан, у французов, да почти у всех остальных я, несомненно, гораздо легче, почти без проблем, добился бы преуспевания. Но ведь нельзя^ да и сам не захочешь, выбрать себе отечество. Оно — часть судьбы, задачи.

У Шпиттелера⁷⁸ в «Прометее и Эпиметее», которого я как раз сейчас читаю, я нашел хорошее место: «Und niemand der nicht Anstoß nahm an seiner Art, ein jeglicher von einer andern Seite».(И не было ни одного человека, которого бы не раздражал его нрав, причем каждый находил свою причину.)

Кирххорст, 1 июля 1945 г.

О наркотиках и их опасностях. Нельзя их преуменьшать, например, полагая, будто к ним относятся только приключения, связанные со странствиями в магические и иллюзорные миры, за которые потом приходится расплачиваться скверным самочувствием. Наркотическое опьянение всегда захватывает и реальность, причем не только в смысле преступного искушения и нарушения физического здоровья. Истинный риск заключается в том, что человек демоническим образом покидает пространство, время и логическую последовательность, а затем не может найти нужного выхода, так что подобно гейстерсбахскому монаху теряет столетия. Ночь, проведенная в опиумном дурмане, имеет бесконечную протяженность.

Здесь речь идет о таких обстоятельствах, которые трудно как-то обозначить, поскольку они лежат за пределами наших привычных путей и выразительных средств. Однако я убежден, что довольно и одной ночи наркотического дурмана, чтобы изменить всю линию развития нашей судьбы, то есть что его влияние простирается в беспредельную даль. На этом основываются случаи сумасшествия, которые иногда наблюдаются вследствие излишеств в употреблении наркотиков: однажды выпав из цепи причинных связей, человек не может вновь в нее включиться. Поди узнай тогда, на каком космическом полустанке тебя угораздило застрять!

⁷⁸ Шпиттелер — псевдоним Карл Феликс Фанден (1845–1934). Швейцарский писатель, находившийся под сильным влиянием Шопенгауэра, Ницше и Буркхардта. Главное произведение — «Прометей и Эпиметей». В 2-х т. 1881.

С другой стороны, ты можешь вернуться в такую реальность, где за это время успели произойти неконтролируемые изменения. Во время неслыханной оргии Дмитрия Карамазова в окружающем мире развиваются роковые события. Параллельно ей его брат Иван переживает бредовый ночной кошмар. Груз вины так уплотняется, что по сравнению с ним становится уже неважно, случилось или не случилось в эмпирическом мире отцеубийство. Дурман уводит из зоны личной ответственности в более глубинные, более всеобщие слои, где вина отдельных людей перепутывается в плотный клубок. Поэтому особенная значительность Достоевского состоит в том, что вопрос о преступлении в этом романе так и не проясняется до конца. Удар наносится на переднем плане.

Этот мотив, поворот к преступлению в сфере бессознательного, разрабатывается также почти во всех новеллах Э. А. По.

Пополудни был на торфяниках с молодым Гауштейном. При виде ползущей через дорогу черной улитки зашел разговор о выведении бородавок: нарост мажут улиткой, а затем подвешивают ее на нитке под водосточным желобом. Когда мажешь бородавку, надо сказать заговор. Я попросил моего спутника сообщить мне его текст. Но он ответил, что забыл, и велел спросить у его жены. Отсюда я догадался, что это должен быть один из тех заговоров, которые действуют только тогда, когда переданы крест накрест: от мужчины к женщине и наоборот.

Потом в лесу мы набрали на гнездо канюка, я залез наверх и нашел в нем четырех птенцов связанных под проволочной сетью каким-то птицеловом? так плотно, что ее невозможно было размотать.

Вернувшись домой, я на радость себе узнал, что наконец-то пришла первая весточка от родных. Брат физик находится в плену в Голштинии; он сообщал об этом в письме, которое подбросил нам мимоходом водитель грузовика.

Кирххорст, 2 июля 1945 г.

Ночью мне не давала покоя судьба птенцов; под дождем мы отправились с Александром в лес, чтобы их освободить. Работа на высоте была трудной; полуоперившиеся пуховики кошачьим мяуканьем призывали свою мать и цапали меня маленькими коготками за руку, пока я щипцами перерезал проволоку. Они разевали синие клювики, окруженные желтой восковой кожей, и изгибали язычки, совсем как орлы на гербах, воодушевленные неподкупной гордостью, которая любому прикосновению, даже доброй руки, предпочитает смерть.

Кирххорст, 7 июля 1945 г.

Закончено: книга Юдифи. В своей торжествующей песни Юдифь прославляет победу красоты над силой. Это — вечный мотив.

«Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, и не рослые исполины налегли на него, но Юдифь, дочь Мерарии, красотой лица своего погубила его». (Ветхий Завет. Юдифь. 16, 6.)

Юдифь прожила до ста пяти лет. «И никто более не утрашал сынов Израиля во дни Юдифи и много дней по смерти ее». Это — знак духовного воздействия, для которого красота и блеск молодости послужили только оружием. В старости она добилась бы того же успеха другими средствами, например силою волшебства.

Начал книгу Премудрости Соломона. Первые главы содержат глубокие мысли. Смерть — великая старательница на реке жизни, промывающая золотиносный песок, она окончательно определяет, что в нас было истинно и неделимо. Тут мне вспомнился разговор на эту тему с Генрихом Штюльпнагелем, происходивший однажды вечером в замке Во.

Далее закончил: Шпиттелер, «Прометей и Эпиметей» — сочинение, которое как по тематике, так и по языку атлетически возвышается над литературой начала 1900-х гг., оно выросло на исконной, цельной языковой почве. Среди стилистических особенностей мне бросилось в глаза неоправданное употребление генитива: «Sie entgegnete leidenschaftlichen Errotens» (Она ответила, страстно зардевшись (нем.)) или «Machtigen Schrittes zog er davon». (Могучим шагом он удалился (нем.)) В том случае, когда желательна подобная краткость, она в нашем языке может достигаться только при помощи партиципов.

Я подвязывал в саду вьющиеся бобы. Их побеги, наделенные необычайно тонким чувством осязания, заворачиваются в левую сторону в поисках опоры и при этом нередко натываются на другой такой же ищущий побег, оба побега перепутываются между собой и весь моток остается лежать в пыли. Но стоит хотя бы одному уцепиться за жердь, он помогает выпрямиться и своим соседям, поскольку путь найден. Практическое указание.

Это зрелище заставило меня задуматься об экспериментах такого рода, которые основаны на том, что жизнь пренебрежительно трактуется как некая отрасль механики. Искусственное копирование различных форм жизни, как это, например, сделано у моего учителя Бюкли в его работе о разновидностях пены, выдает желаемое за действительное. Такой исследователь сначала подкладывает насадке яйца разных видов и наблюдает, как курица пестует подкидышей с такой же любовью, как собственных цыплят. Затем он подкладывает ей тряпичных цыплят и даже деревянные чурбачки и опять наблюдает ту же преданную заботу. И все это ради того, чтобы доказать, что тут действует система раздражителей и реакций. Из этого выводится вселенская формула.

В этих расчетах упущено одно — то, что природа всегда платит своим творениям полновесной монетой и не подсовывает им фантомов, а одаривает живыми существами, способными привести в восторг не только курицу, но даже большого художника.

Конечно, мы можем что угодно вложить в природу и что угодно получить от нее в ответ, ибо природа неисчерпаема и на каждый вопрос у нее припасен ответ. Курица умнее ученого: даже самые нелепые ошибки свидетельствуют в пользу великой матери и могущества ее любви.

Познание природы есть самопознание высшего уровня; ты видишь, как лучшие умы старательно шлифуют блестящие зеркала, в которых обнаруживается ее лик. Поразительно, сколько умственных сил тратится на доказательство того, что мир — это пустая бессмыслица! Так ревностно можно отстаивать лишь то дело, в котором затронут личный интерес.

Кирххорст, 13 июня 1945 г.

Краснеет рябина. Я начал чтение Иисуса Сираха, одного из учителей земной жизни. В то время как премудрости Соломона указывают в качестве конечной цели человеческого существования смерть, потусторонний мир и суд, здесь ставятся вехи земного пути.

Продолжаю читать Тальмана де Рео. В анекдоте, посвященном маркизу Рамбуе,

отмечается добрая черта одного придворного, который более всего старался вести себя так, чтобы его ненароком не поймали на слове: когда кто-нибудь спрашивал его, который час, он вместо ответа вынимал часы и показывал циферблат.

Пополудни приходил Розенкранц, и мы с ним съездили в Бургдорф. На обратном пути мы сделали остановку в лесочке Бейнгорна и собирали растения; он показал мне ту игру природы, из-за которой получил свое название папоротник орлец. Оказывается, если острым ножом разрезать его корень, то на срезе можно увидеть рисунок, напоминающий очертания гербового орла.

Вернувшись, мы застали в саду Гуго Кёртцингера, друга Барлаха⁷⁹ и хранителя его наследия. Он обратился ко мне с предложением принять участие в раскрытии наследия этого художника, но я знаю, что это не мое призвание. Наряду с еще неизвестными скульптурами там есть большое количество дневниковых записей и роман, рукопись которого зарыта в земле.

Один рисунок, который запечатлел черты покойного на смертном одре, глубоко поразил меня выражением необыкновенного страдания, следы которого сохранились на мертвом лице. Ему пришлось пройти ни с чем не сравнимый крестный путь, потому что характер его принципов противоречил эпохе, как ничей другой. Такую глубоко теллурическую натуру, очутившуюся в мире, где царят люди плоского солярно-рационального склада, можно сравнить с растением, вырванным с корнями из тучной почвенной тьмы, чтобы мучительно зачахнуть на ярком свете. То, как он увял и зачах, с ужасающей точностью запечатлелось на его посмертной маске. В руки, в которых оживали дерево и земля, люди вкладывали стекло и железо.

От Кёртцингера я узнал новость, которая меня глубоко расстроила: оказывается, Майоль,⁸⁰ чрезвычайно высоко ценивший Барлаха, убит своими соотечественниками. Среди мыслей, которые освещали для меня наше время, была и мысль о том, что есть у нас этот добрый старый мастер, живущий в уединенном приюте в южных горах среди мрамора и роз, который, довольствуясь кусочком хлеба и глотком вина, создает для нас правильную меру, словно некий архаический бог. Убить этого человека значило убить последнего оставшегося у них грека. Злые вести приходится слышать, вот и оттуда тоже. Через пленных получил первую почту из Парижа.

Кирххорст, 15 июля 1945 г.

Разгар лета — последние два дня стояла большущая теплынь. Видишь, как на глазах поспевают растения не только в дневное время, но и в ночной духоте, когда все растет. Сегодня, в воскресный день, с утра подрезал помидорные пасынки, выросшие из боковых глазков, по праву садовника определив легитимную границу. Когда при этом занятии видишь, как падает наземь листва, представление о боли отступает перед представлением о благодетельности того, что мы делаем, ведь мы видим, каким останется растение в целом.

⁷⁹ Барлах Эрнст (1870–1938) — график и скульптор, переосмысливавший под влиянием экспрессионизма всю немецкую историю. После 1933 г. его скульптуры были признаны нацистами декадентскими. В ряде случаев его произведения были уничтожены нацистами, так произошло с памятником павшим в Первую мировую войну в соборе в Гюстрове (бронза, 1927).

⁸⁰ Майоль Аристид (1861–1944) — французский скульптор, находился под значительным влиянием Поля Гогена. Гуманистическое и реалистическое искусство Майоля оказало значительное влияние на многих скульпторов XX в.

Наверное, так же мы сохраняли бы спокойствие, если бы могли наблюдать работу руки, которая занята окулированием человека и народов в садах, недоступных нашему взору.

Мы посмеиваемся над своими детскими мечтами, когда хотели стать водителями паровозов, и так с каждым новым десятилетием над теми воздушными замками, которые рисовала нам фантазия в предыдущем. На жизненном пути впереди нас бегут мечты о счастье, вставая перед глазами как фата моргана над песчаной пустыней. Затем они опадают, словно листва при смене времен года. Ни одно сокровище, какое способен измыслить наш дух, не способно нас удовлетворить. То есть мы невообразимо богаты. Нужно только терпеливо дожидаться плодов, которые обещает нам вешний цвет мимолетной яркой мечты.

Если бы нам не помогал высший разум, то в погоне за иллюзией мы прошли бы, не заметив, мимо самого лучшего. Поэтому лампа Аладина и кольцо рыбака Джудара оказались бы для нас роковым даром, поскольку в качестве реализаторов низшего рода отвлекли бы нас от осуществления наших высших задач. Они уведут нас в сторону больших чисел и пространственных приобретений. Это справедливо в отношении всей магии в целом, власти и сокровищ вообще.

Пополудни был с молодым Гауштейном на торфяниках, чтобы посмотреть, высох ли торф. Узнал в связи с этим народное название дождевика, в языковом плане оно напоминает собой колорит крестьянского Брейгеля. Вообще вся пластика стиля связана со скотиной и землей, как в древних поселениях. Например, старик Гауштейн собрался опять сам откармливать для себя поросенка, не хочет быть в нахлебниках у молодых. «Не хочу, чтобы меня кормили из решетки», — говорит старик, подразумевая решетку, через которую подается корм скотине.

Кирххорст, 18 июля 1945 г.

К числу неприятных модернизмов относится выражение «Ich spreche inn». (Я говорю с ним. (нем.)) Употребление глагола sprechen как переходного придает ему механический оттенок; в то же время этот оборот содержит в себе элемент неуважения. Разве можно сказать «Sprach gestern Goethe» (Говорил вчера с Гёте (нем.)) или хотя бы «Sprach meinen Chef»? (Говорил со своим шефом (нем.)) То, что неприличность осознается говорящим, следует из того, что никто не скажет «Der und der sprach mich». (Так-то и так-то говорили со мной (нем.)) Тут уж любители экономной краткости не станут обходиться без предлога «mit»: «Er sprach mit mir» (Он говорил со мной (нем.)). Этот оборот относится к числу тех, которые возникли с появлением мира автоматов, вероятно, под влиянием телефона.

Кирххорст, 19 июля 1945 г.

Дамоклов меч этих лет имеет то свойство, что нависшая угроза то и дело меняет свою форму. Так, все эти недели мы прожили в ожидании того, что в любой день наш дом может быть конфискован; между тем воинские части, которые собирались здесь расселиться, нашли в Биссендорфе жилье лучше нашего. Таким образом, оказалось даже к лучшему, что толпы беженцев, которым мы давали у себя пристанище, разорили нашу ванную и прочие удобства.

В таких случаях ты с чадами и домочадцами в мгновение ока оказываешься на улице, а вернувшись, почти ничего не находишь на месте, как нам не раз приходилось слышать от потерпевших. Похоже, что эта статья великого разграбления кем-то заранее предусмотрена, так как, покидая дом, запрещено забирать с собой имущество. Безоговорочная капитуляция отменяет действие гаагской конвенции. Это принадлежит отжившему прошлому.

Дороги по-прежнему запружены народом: на юге это сотни тысяч изгнанных из Судет, у нас же — крестьяне и помещики из Восточных провинций, которых в одночасье согнали с их земельных владений. Они едут по дороге в телегах, которые вместо брезента покрыты коврами. Другие, ограбленные по дороге, бредут пешком.

Степень свободы неизбежно продолжает уменьшаться: я говорю о свободе во всем мире. Ведь все эти черточки только на взгляд одноглазого могут показаться чем-то изолированным и тем более положительным. Их влияние распространяется в разные стороны.

От свободы, как и от собственности, остается нынче ровно столько, сколько ты носишь в себе. В сущности, свобода и собственность идентичны, это — исконное равенство. Та свобода, какую дает нам собственность, является его слабой реализацией.

Кирххорст, 21 июля 1945 г.

Безоговорочная капитуляция. Она сопряжена с тотальной войной как ее противоположность; за крайним напряжением следует полное бездействие. Клаузевицу⁸¹ такое положение еще не знакомо. Его «абсолютная» война хоть и преследует цель навязать противнику свою волю, однако реальная война вводит это стремление в умеренные рамки, сводя его к политическим соображениям и возвращая к договорному соглашению. Война ведется не двумя взаимно уничтожающими друг друга силами, но представляет собой «напряжение между двумя разобщенными элементами», которое разряжается в результате ряда электрических ударов. Правда, Французская революция приблизила реальную войну к абсолютной, смазала грань между политикой и войной. «Ни с чем не считающийся Бонапарт» неуклонно вел дело к тому, что оно и дальше развивалось в том же направлении. Но столь же неуклонно каждый шаг на этом пути вызывал соответствующее противодействие. Глава о «Вооружении народа» до сих пор сохраняет значительный интерес. Клаузевиц рассматривает его как необходимое зло, как узаконенную анархию, требующую больших ограничений, так что вопрос о том, признает ли он это полезным или скорее вредным, остается открытым. Оно эффективно только во внутренних делах. Вооружение народа представляет опасность для стратегии, угрожая размыть ее, как облако.

Очевидно, что война в России и в Испании произвела на него более сильное впечатление, чем канонада под Вальми. Повсюду заметно недоверие, с которым пруссаки вступают в XIX век. Он задается вопросом, можно ли восстановить ту грань, которая пролегла между реальной войной, которую он называл «половинчатой», и войной абсолютной, что, очевидно, было бы ему по душе. Абсолютный дух никогда не должен терять контроля над реальной войной; он должен прервать эту войну, как только намечается угроза безнадежного положения. Физическое насилие — это средство для достижения определенной цели, а не цель, ради которой существуют средства. Война — это одновременно вражда, арена действий и средство; в первом случае она ведется народом, во втором армией и полководцем, в третьем — правительством. Таковы взгляды мастера военного искусства, руководителя военной школы.

Клаузевиц участвовал в войне 1813 года в качестве офицера русского генерального штаба. И все же я удивлялся, встречая его книгу в русских народных библиотеках. Он еще весь принадлежал классовому государству, Кант ему был ближе, чем Гегель, и, хотя он работал в бюро Шарнхорста, кабинетные войны были ему все-таки ближе, чем народные.

⁸¹ Клаузевиц Карл фон (1730–1831) — прусский генерал, выдающийся военный теоретик.

Его войне свойственна контролируемая динамика и в значительной мере своя архитектоника. Он любит архитектурные образы, пользуется такими выражениями, как «театр военных действий»; полководец занимает у него центральное положение, как обелиск, и все дороги сходятся возле него.

Ход наших войн уже не соответствует теории Клаузевица. У Клаузевица кульминационным моментом войны является решающее сражение, после которого она идет на спад; дух сталкивается с сопротивлением материи. Сегодня центр тяжести переместился на окончание; мощь усилий нарастает. Это позволяет сделать заключение, что роль духа в этом процессе уменьшается, роль воли усиливается, а также что на первый план выходят стихийные силы. Мощь лавины тоже неуклонно возрастает, большой пожар сжигает все до фундамента.

Консервативный дух стремится к сохранению даже там, где это касается противника; это заложено в его природе. Бисмарк в этом отношении даже по сравнению с Вильгельмом I и Гарри Арнимом⁸² был уже аморален. Для Клаузевица безоговорочная капитуляция имела бы хоть какой-то ограниченный смысл только в войне крепостей. Он признал бы и решающее сражение, как это в свое время еще делал Людендорф, который советовал правительству идти на переговоры после кульминации всех усилий в 1918 году. Сегодня это считается государственной изменой; а Роммель, предвидя результат вторжения 1944 года и тем самым исход войны, не позволил себе в этом отношении ничего, кроме намеков. Государства превратились в крепости, а характер решающего сражения распространился на всю продолжительность и весь объем военных действий. Война ставится на конвейер, на котором она утрачивает оперативный характер и принимает самую бездуховную форму войны на износ, в которой нет отхода на зимние квартиры, зато разыгрывается длинный эндшпиль при отказе от подведения итога, хотя он и предсказуем.

Чего-то подобного опасался Клаузевиц, хотя тогда еще не было речи ни об электрическом телеграфе, ни о железных дорогах. В своей главе «О характере нынешней войны» он констатирует, что «государство, обладающее большими пространствами, нельзя завоевать (что, следовательно, полагалось бы знать заранее)».

В этих условиях он предвидит опасность замораживания военных операций:

«Нетрудно уразуметь, что те войны, для которых используется полновесная сила противостоящих наций, должны иметь иной характер, нежели такие, где все рассчитывается, исходя из соотношения регулярных армий. Прежде регулярные армии были похожи на флот, сухопутные силы на морские силы в их отношении к остальному государству, и потому сухопутное военное искусство имело нечто общее с морской тактикой, что оно теперь совершенно утратило».

Клаузевиц стремится объяснить, каким образом гений «абсолютной» войны должен уживаться с «реальной» войной, которая после 1789 года уже ведется между государствами, в которых решающая роль, будь то *de facto* или в идеале, принадлежит гражданину. В той разновидности войн, которые ведут между собой рабочие, Клаузевиц, вероятно, усмотрел бы

⁸² Арним Гарри граф фон (1824–1881) — немецкий дипломат, с 1872 г. посол в Париже. На этом посту проявил несогласие с Бисмарком. По настоянию Бисмарка был отправлен в отставку. Поскольку по уходу со службы присвоил себе некоторые важные документы, Бисмарк настоял на суде над ним. Был приговорен судом из-за злоупотреблений к 9 месяцам тюрьмы. Бежал за границу и в 1876 г. опубликовал в Швейцарии мемуары, разоблачавшие авторитарные методы руководства внешнеполитическим ведомством Германии Бисмарком. Заочно за эту публикацию был приговорен к каторге.

не что иное, как варварскую утопию, хотя он так же, как и Токвиль,⁸³ уже имел представление о крупномасштабном пространстве.

«Моя честолюбивая цель состояла в том, чтобы написать такую книгу, которая не будет забыта через два или три года». Эта цель была им достигнута. С тех пор как вышло его сочинение, к нему постоянно обращаются для изучения того «математического фактора», который кроется за обыкновенными реалиями войны и ее случайностями. У него и сегодня можно вычитать много полезного даже о таких вещах, которых нет в его книге. Чувствуется наступившая ущербность. В то же время вместе с утратой формы проясняется складывающееся положение. Усиливается роль рока; уменьшается свобода.

Кирххорст, 24 июля 1945 г.

Как всегда, утешением остаются книги — эти легкие кораблики для странствий во времени и пространстве и за их пределами.

Пока еще под рукой находится книга и есть досуг для чтения, положение не может быть безнадежным, совсем уж несвободным. В «Лесочке 125» нас справа и слева обошли новозеландцы. Над нашими земляными норами, по которым одновременно вели огонь своя и английская артиллерия, разразилась грозой ливень. Я лежал на деревянном настиле над лужей грунтовой воды, прикрытый сверху простым листом волнистого железа. Но в то же время я был в Берлине периода грюндерства, так как читал «Смуту и блуждания» Теодора Фонтане.⁸⁴ Мне даже кажется, что в памяти живее сохранились подробности романа, чем окопные невзгоды. Это свидетельствует о той духовной свободе, которую способно даровать нам произведение искусства. За это нужно быть благодарными автору. Он дарует бесценное утешение.

Сегодня я закончил второй том Тальмана де Рео. Это чтение, словно телескоп, приближает прошлое во всем многообразии его живых черт. Прах могил, фамильных склепов пробуждается от мертвого сна и, приняв живое обличье, встает перед глазами.

Тальман дает нам представление о XVII веке, причем такое непосредственное, словно ты купаешься в источнике молодости. Точно так же хроника Циммер-нов приближает к нам XV и XVI век; даже странно, что оба этих бесценных произведения были найдены на чердаках старинных замков. Почувствовать XVIII век дает Сен-Симон. Ход всемирной истории можно проследить по галерее мемуаров, которая тянется параллельно ей, как анфилада кабинетов Версаля тянется параллельно большому зеркальному залу.

Кирххорст, 29 июля 1945 г.

Непрестанный поток, который шумит на дорогах, приносит нам много посетителей. Среди них был и авиаинженер Шмиц, который теперь разводит помидоры и цветы в Нейвармбюхене. Реактивные истребители, ракеты дальнего действия и другие средства уничтожения, о которых прежде толковали шепотом, теперь проступают из тьмы.

Кроме того, к нам наведалься полковник Шер, с которым я еще раз поговорил о

⁸³ Токвиль Шарль Алексис Клерель де (1805–1859) — французский историк, теоретик государства и политик. В 1848 г. — член Национального Собрания, с 1841 г. — член французской Академии.

⁸⁴ Фонтане Теодор (1819–1898) — немецкий писатель, автор произведений из бюргерской жизни

парижских днях, с тех пор как раз исполнился год. В них тоже многое стало видаться отчетливее. Наши беседы в «Рафаэле» подслушивала служба безопасности, пользуясь услугами обслуживавшего номера официанта, который пользовался всеобщей симпатией, причем никто не догадывался, что он хоть одно слово знает по-немецки. Однажды он попался им на крючок и вынужден был откупаться, шпионя за посетителями и докладывая на авеню Фош обо всем, что он слышал, прислуживая за столом.

Услышав эту новость, я точно прозрел. К чему были все меры предосторожности, наша внутренняя служба безопасности с ее сложнейшим аппаратом? Очевидно, в нашем восприятии есть слепое пятно: как раз самого простого, самого очевидного, всего того, что нам так знакомо из дешевых шпионских и детективных книжонок, мы не замечаем. Этого человека я видел каждый день, и у меня ни разу не мелькнуло ни малейшего подозрения, я часто дарил ему сигареты для жены, которая много курила. Полицейские всегда пользуются в своей работе одними и теми же приемами, как птицеловы для ловли птиц или удильщики для ловли рыбы.

Причем у них такая же страсть к своему делу. И они всегда добиваются успеха.

При таких встречах я замечаю, как пережитое обретает форму от повторного пересказа. Незначительные обстоятельства исчезают, уступая место характерным чертам, заостряясь в исторический анекдот. Сильнее проступают элементы драматизма. Рассказанная история тоже выигрывает от использования двух основных средств поэзии: выделения главного и отбрасывания лишнего.

Я предполагаю, что девять десятых гениальных высказываний и остроумных реплик, которые донесла до нас история, были придуманы задним числом, появились запоздалые остроты или по крайней мере не сразу были отточены до блеска. Это только усиливает историческую достоверность, которую не следует путать с фотографической точностью.

Кирххорст, 30 июля 1945 г.

Хотя известия, просачивающиеся сюда с Востока, зачастую противоречат друг другу, среди них нет ни одного хорошего, так что с уверенностью можно сказать, что страсти, которые там происходят, превосходят все мыслимые страдания, когда-либо выпадавшие на долю людей. В особенности изнасилования совершаются, судя по всему, совершенно открыто, как одно из средств, при помощи которых хотят полностью сломить волю обезоруженного противника.

Один из беженцев рассказывал мне, что в одном берлинском бюро были жестоко покалечены две молодые машинистки. Об этом сообщили русскому коменданту, который прислал штабного врача посмотреть, каково состояние лежащих на полу девушек. Результат своего обследования он подытожил словами: «Нечего притворяться!»

Весь ужас этого суждения заключается в том, что весь ужас изнасилования для него сводится только к анатомическим фактам.

Еще я слышал об одном пасторе в Померании, который таким образом потерял жену. Ночью он при свече бодрствовал у ее гроба. Зашел солдат, сочувственно сказал: «О, фрау капут», — забрал свечку и ушел, оставив мужа в потемках.

Слыша такие вещи, приходится делать над собой огромное усилие, чтобы держать себя в узде.

Кирххорст, 31 июля 1945 г.

Яблоки так и светятся в листве, ренклоды налились желтизной, распускаются первые голубые астры.

Сегодня кончил переписывать свое бразильское путешествие и собираюсь перейти к статье о соотношении языка и тела.

Язык и физическое строение тела. Эта тема тотчас же выводит на противоположность между духом и материей и борьбу, которую они ведут в сфере языка. В конечном счете она стоит за всеми нашими великими спорами — идет ли речь о номинализме и реализме, о значении причастия, о теории цвета или о капитане Дрейфусе.

Кроме того, в языке также существует баланс между светом и музыкой. Грамматика имеет световую природу, она соотносится с логикой, симметрией, этот факт, относящийся к архитектонике, демонстрирует любой учебник, в котором дается изменение форм. В противовес ему неустанно действует неоднозначная сила последовательного действия, обволакивающая стихия взаимных переплетений. Слова, образованные при помощи одной и той же грамматической операции, по-разному изменяют свой смысл. Здесь всегда наблюдается некоторый непредсказуемый разброс. С другой стороны, в языке также сталкиваются логика и история; время изменяет строгую структуру. Для наглядности я составил себе ряд сравнительных таблиц, как например следующую:

weiß — weißen schwarz — schwärzen, anschwärzen — чернить (покрывать черной краской), очернить rot — röten erröten — делать красным, краснеть gelb — gilben, vergilben — желтеть (поэтич.), желтеть (в бумаге, листве) blau — blauen, bläuen; verbleuen — синий, синить; избить до синяков grün — grünen, ergrünen; vergriinen — зеленеть, зазеленеть; отцветать, желтеть braun — bräunen; brünieren — загорать, подрумяниться; воронить (сталь) grau — grauen; ergrauen — расцветать; (по) сесть.

Казалось бы, глаголы, соответствующие прилагательным, должны обозначать действие окрашивания. Однако такое значение имеют лишь немногие из них. У других значение более узкое, а у большинства проявляется множество непредсказуемых особенностей и таких значений, которые основываются на чувственном опыте и являются условными. Отчего gilben «желтеть» можно отнести к зерновым, а к сливе ренклод нельзя? Отчего bläuen сочетается с существительными Stahl, Wäsche, Zucker, а в отношении других сходных веществ надо говорить blaufärben? Выражение «das Pergament vergilbt», описывает процесс, при котором цвет пергамента переходит в желтый, а выражение «das Laub vergriint» напротив обозначает тот факт, что листва теряет зеленый цвет? Anschwärzen значит «очернить, оклеветать» человека, но почему-то «обелить» нельзя соответственно выразить словом «anweißen», а надо для этого сказать «weißwaschen» или «weißbrennen». Иноязычное слово brünieren вошло в употребление только в области металлургии. Все это нельзя объяснить логически и установить для этого какие-то правила, хотя в то же время нельзя сказать, что это делается произвольно.

Соотношение между правилом и исключением в языке, как и в мире животных и растений, приводит нас к заключению, что тут действуют законы, изменяющиеся в зависимости от времени и пространства. «Слово» — понятие метаграмматическое, подобно тому как «вид» и «род» — понятия метафизические. Творение и происхождение демонстрируют свою безграничную власть.

Кирххорст, 2 августа 1945 г.

Начал эссе о «Правом и левом». Симметрия языка отличается от логической симметрии, как органическая симметрия от математической.

К обеду приходила старая подруга Перпетуи г-жа Кауль. Она бежала из Вены; ее муж был начальником большого предприятия и погиб в последний год войны в звании оберлейтенанта.

Среди прочего она рассказывала об одном человеке, который работал мастером на заводе, он был старый коммунист; когда подошли русские и все стали спасаться бегством, он решил остаться, считая, во-первых, что все слухи преувеличены, а его «благонадежность» несомненна.

Однако глядя на то, как пустеют все дома, его охватила неуверенность, и он со своими близкими тоже тронулся с места. Перед самой американской границей их обогнали русские. Шестеро русских на глазах у всей семьи изнасиловали двенадцатилетнюю дочку. Ночью девочка покончила с собой, перерезав себе вены.

Кирххорст, 5 августа 1945 г.

Продолжаю чтение текста. Матфей 12, 32: «...Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем».

Этот стих относится к числу моих самых любимых, потому что он так четко разграничивает степени веры и дает человеку много свободы.

Для того чтобы слово в его высшей субстанции, в качестве Святого Духа, стало доступно человеку, ему требуется воплощение, оно должно воплотиться в языке, обрести земное звучание. В этом качестве оно становится догматическим, поэтому прощительно, если его восприятие оказывается колеблющимся. Но нужно, чтобы в воплощении, в притче, в переводе ощущался неслышимый, невидимый, неразличимый первоначальный текст. В ту сторону должна быть обращена магнитная стрелка во время всех странствий и блужданий по физической и моральной юдоли, а тот, кто в этом отклонится, тому не просто грозит гибель, он уже погиб.

Этому закону подчиняется и вся литература, включая атеистическую.

Пополудни в Донском лесу, где я обнаружил совершенно новые уголки, которых прежде словно бы не было, а тут вдруг они откуда ни возьмись появились, между прочим, например, несколько запущенных и высохших прудов для разведения карпов, прямо среди леса. Понизу рос тростник, а на насыпи вокруг цвели зонтичные и до самых кустов раскинулись покрытые лиловыми цветками и красными ягодами заросли паслена. Необычное впечатление производил этот контраст между сырыми низинами с камышом и сухим сосновым бором вокруг, из которого доносился стук дятлов. Затем встретилась вырубка, поросшая нежными травами и малинником; посередине белел песчаный рубец воронки. В его глубине уже пророс тростник, а в проступившей грунтовой воде ревели лягушки.

Удивительное утешение дают такие походы, которые уведут тебя от поверхностной суеты текущих событий вглубь, в великолепии лесной чащобы с ее таинственной жизнью.

Там — родина, земля, которую ничто не может разрушить. Мне снова подумалось, что образы, которые мы видим, попадают на нас не случайно; они возникают соответственно душевному настрою.

Кирххорст, 7 августа 1945 г.

Впервые с начала оккупации я побывал в городе. (Речь идет о Ганновере.) Нигде еще ничего не строили, почти нигде не шел ремонт; единственные видимые следы какой-то деятельности я заметил на здании большой тюрьмы, что на Старо-Цельской улице. Конечно, если считать, что дома это клетки, тогда получается, что тюрьмы это дома *par excellence*. (Преимущественно, в истинном смысле слова (фр.))

Я ходил на свою старую квартиру, вернее, на ее развалины. На улице Зейлерштрассе, с которой связаны мои первые воспоминания, взрывали руины. В то время, когда я смотрел на нее из узеньких окошек, самолетов еще и в помине не было.

Связь со Средневековьем теперь обрублена: я имею в виду не только в смысле архитектуры, но и в смысле воспоминания о непрерывной цепи поколений, которые, сменяя друг друга, жили в фахверковых домах с готическими крышами и золотыми надписями над дверьми.

С Каленбергштрассе я кинул взгляд на мельницу Кликмюле; по обе стороны водного пространства, которое здесь разливалось вширь как озеро, вытянулся фриз из безмолвных руин. Водная гладь лежала словно зеленоватое стекло, окаймленная стрелолистом и ирисами. Среди развалин сидел рыбак и удил рыбу. Глядя на такую картину, ощущаешь наступление дикой природы и чувствуешь, как рубцуются боль. Утешительно также, что по-прежнему стоит башня обители бегинок. (Женские светские благотворительные союзы, существовавшие в Германии в XVII–XVIII вв.) Такие здания приобретают теперь еще большее значение. Они превращаются в реликвии.

Стало темнеть. В этот час развалины кажутся еще мрачнее, еще печальнее. Временами в каком-нибудь подвале или уцелевшей наподобие ласточкина гнезда мансарде зажигался огонек. Электричество почти везде отключено. Отцы погибли или еще сидят во Франции или в Сибири. Так и чувствуешь, как во тьме от голода тихо умирают дети, словно слышишь медленное падение капель. Потом вдруг попадают сохранившиеся кварталы и виллы, где изо всех окон льется свет и даже неиспользуемые помещения ярко освещены.

Кирххорст, 8 августа 1945 г.

Осень рукой скульптора принялась за растения, вылепливая законченную, округлую форму. После ночного дождя капли крупными бусинами и серебристыми зеркальцами лежат на листьях савойской капусты, которые похрустывают, когда их нечаянно заденешь.

Стоит показаться солнышку, как темная ящерка из Донского леса выкарабкивается из своего укрытия повыше, на развилку малюсенькой сосенки — ее излюбленное место. Там она греется, изогнув свое тельце, а хвостик свисает точно шлейф. Она не длиннее спички или аграфы, вся черно-коричневая и отливающая жемчужным блеском. Неужели это возможно, чтобы столько очарования уместилось в таком маленьком тельце?

Кирххорст, 10 августа 1945 г.

Затяжной дождь, во время которого приехал г-н Кёпп из Гёттингена. От него узнал о

капитуляции Японии, к которой ее вынудили, применив «Турмбомбу».(От Turm (нем.) — «башня», т. е. что-то вроде «башенной бомбы») Я подумал, что это был какой-то снаряд, сбрасываемый с большой высоты и вызывающий сотрясение городов.

И лишь в ходе дальнейшего разговора выяснилось, что я ошибался и речь шла об атомной бомбе — «Atom-bombe», которая, будучи взорвана над одним из больших японских городов, убила, как говорят, одним ударом сотни тысяч людей. Если так, то это была гибель в таком массовом масштабе, какой до сих пор представлялся возможным только в результате космических катастроф, я имею в виду, если это произошло за считанные секунды; Тамерлану, чтобы достичь подобного результата, потребовались десятилетия. Но он был царем в отличие от этого гения.

Тотчас же на меня напала резкая головная боль, которая не прошла еще до сих пор. Последние годы были богаты подобными новостями. Они западают в душу, словно яд в озеро. На растения, рыб, даже на чудовищ, обитающих в нем, нападает хворь; краски меркнут.

Кирххорст, 11 августа 1945 г.

Ночью в каком-то маленьком древнем городке. Его улочки и закоулки, все проходы были мне знакомы по бесчисленным встречам, по бесконечно долго прожитым там годам. В этих стенах и помещениях отложился гумусный слой человеческих отношений, и я был в нем укоренен, словно растение.

Что же это было за заведение? Дома, люди, товарищи по застолью, хозяйка, у которой мы пировали — все это были как-то чересчур уж уплотненным, чтобы означать просто часть пережитого опыта, отрывки из прожитой жизни. Вероятно, это было частью внутреннего мира, причем не только моего личного. Это выросло где-то в глубине, далеко от поверхности, где отсчет ведется по светлomu времени. Люди с их характерами, города с их произведениями искусства вырастают из этого слоя как грибы из грибницы. И мы все тут встречаемся, значит мы уже давно знали друг друга, вместе находились в некоем плодородном месте, которое было общим для нас, более того — в котором мы идентичны.

Кирххорст, 12 августа 1945 г.

Все еще дождь и головная боль. Пополудни меня навестил г-н Шмиц. Мы говорили о садоводстве, но вскоре перешли на ужасные новости из Японии, которые он подтвердил. Он смог сообщить мне также кое-какие технические подробности происшедшего, хотя бы в виде предположений, которые у него в связи с этим возникли. По-видимому, при помощи излучения можно разрушать стены. Это превосходит даже иерихонские трубы.

Шмиц высказал мнение, что благодаря этому новому оружию будет поставлена надежная преграда на пути новых войн. Это весьма вероятно, хотя следует остерегаться ложных выводов, которые делались на протяжении тысячелетий. Страх — дурной советчик. Массы бессильны, и их бессилие только увеличивается. Нужно учитывать, что современные вожди, особенно если они вознеслись на вершину власти благодаря всеобщим выборам, обладают незамутненной совестью. Ведь они могут достичь этих вершин лишь при условии, что они до мозга костей прониклись двумя-тремя банальными мыслишками. Это приводит к крайнему упрощению. При монархическом правлении по крайней мере иногда выпадал счастливый случай. Истинный темп к тому же определяется другими инстанциями, в которых можно выбиться на первое место, только имея на своей совести тысячи загубленных. Так происходит отбор в элиту. Уж там-то хорошо знают про демоническую

силу, которую дает пролитая кровь, и в первую очередь кровь невинных. Там никого не испугаешь числами, особенно если в сумме они дают желаемый итог.

Что касается этих бомб, то остается лишь надеяться, что они сохранят свой монопольный характер. В этом отношении я уже высказывал безрадостные предположения в моей работе о мире. Возможность чего-то подобного уже тогда носилась в воздухе. Сначала всегда появляются мечты. В тех таинственных разговорах о возможном появлении необычайно мощного оружия уничтожения слышалось нетерпеливое желание, что-то алчное и сладострастное.

Кстати, на этом практическом примере видно, какой прок был бы для нас в дальнейшем затягивании войны; нас бы угостили парочкой этих штуковин к вящей радости всех участников

Шмиц пересказал мне, что сказал один американец, с которым он встретился в Веделе: по-моему, неплохо: «Хорошо, что у Гитлера не было этого оружия, он бы его использовал!»

Кирххорст, 13 августа 1945 г.

Ходил с Александром в Лонский лес по грибы, однако в заказнике уже было полно грибников. Это еще один признак голода, перенаселенности. Поэтому я занялся ботаникой. Чистое созерцание выводит нас из области конкуренции.

Рабочий день прошел так себе; я занимался переводом Ривароля,⁸⁵ его проза так хорошо поддается истолкованию, что это напоминает химическую реакцию, которая на выходе не дает ни малейших следов каких-либо неизвестных веществ. Вот что можно отметить, говоря о ее достоинствах и одновременно ее ограниченности.

Мысль о новом, неприятном изобретении занимает меня, к сожалению, даже во сне. К таким масштабам не сразу привыкнешь. Бред Дмитрия. Есть еще и соображение статистического порядка: истребительный потенциал оружия возрастает по мере роста народонаселения. Ничем не сдерживаемое размножение является одним из признаков растущей безответственности, упадка номоса. Тогда и смерть дешевле стоит.

Кирххорст, 14 августа 1945 г.

Ровно шесть лет тому назад мы в этой комнате подробно обсуждали тему «Совершенства техники» с позитивной и негативной стороны. Манускрипт, которому Фридрих Георг дал такое наименование, с тех пор пережил удивительную судьбу. Первое издание тотчас же исчезло из обращения: кроме нескольких экземпляров, подаренных друзьям, весь остаток сгорел при пожаре во время бомбежки. Возможно, так все решилось самым удачным образом, поскольку выразить самомалейшее сомнение в технике означало государственную измену. Впрочем, предполагаю, что в этом отношении мало что изменится и в дальнейшем.

По-моему, было бы стоящим делом, если бы кто-нибудь посвятил себя созданию исторического обзора, выполненного хотя бы в виде сборника цитат, описывающего

⁸⁵ Ривароль Антон Комте де (1753–1801) — французский писатель-моралист. Эдмунд Берк назвал его «Тацитом Французской революции». Эрнст Юнгер в 1962 г. перевел и издал его афоризмы и изречения, которые сам и отобрал. Ривароль был противником революции, Просвещения, и весьма точно критиковал прекраснорудные энциклопедистов

духовные отличия и деятельность человека мусического в сравнении с техником. Конечно, ему следует исходить из человека *in toto*, (В целом (лат.)) которому, как и все прочее, принадлежит власть распоряжаться техникой. Тогда мы увидим таких гигантов, как Леонардо и Гёте, людей, которые целиком убедительны, поскольку целое убедительно в них и через их личность.

Когда образ рабочего предстанет в лице господствующих и убедительных представителей, они возвысятся не только, а возможно, и отнюдь не из разряда техников. Именно благодаря этому техника будет приручена, облагорожена не только в смысле ее доместикации, но и возвысится до мусической темы, возможно, до волшебства. Она должна воспринять чуждые ей элементы и задачи. Даже в наш титанический век она несет в себе эти преформированные черты. А позитивные начала находятся там, где их не ожидаешь, например в страдании. Здесь у них накоплен огромный запас кредита. Именно он, а не потенциал физической мощи, составляет основу русской идеи, которая, может быть, тогда-то и вступит в действие, когда рухнет физическая мощь.

В обед мы отпраздновали приезд брата физика, который отпущен из английского плена в плачевном состоянии. Вечером мы беседовали о его последней военной должности — вычислении ракетных ударов по различным районам Лондона при помощи особых измерительных приемов. Затем перешли к планам его зимней работы — исследованию простых чисел и их распространения в мире чисел. Поскольку все записи потерялись при пертурбациях, то сначала нужно будет составить таблицу числового ряда до ста тысяч.

Мы говорили о механических и полуамеханических способах нахождения делимых чисел и их исключениях. Чем в этом деле могут помочь счетные машины? Тут мы перешли на шахматные автоматы и другие роботы. Их значение будет повышаться в той степени, в какой растет число невежд, то есть очень сильно. А *rigori* следует отвергнуть их полезность в решении проблем постольку, поскольку в каждой проблеме есть свой эрос, отсутствие которого низводит ее на уровень чистых подсчетов и поскольку эрос неизбежно исчезает там, где вступают в дело машины. Это входит в огромную тему происходящего оскудевания, которым охвачена и наука и который стремится принизить ее до статуса отдельных ветвей техники.

Продолжение работы над переводом Ривароля. Она имеет то преимущество, что ее можно в любой момент прервать и возобновить.

Кирххорст, 18 августа 1945 г.

Чтение: Шопенгауэр «Трансцендентальная спекуляция о мнимой целесообразности в судьбе отдельного человека». Здесь особенно хорош последний абзац, где он говорит о наисерьезнейшем, важном, торжественном и ужасном характере смертного часа». «Он представляет собой кризис в самом сильном смысле этого слова — «судный день вселенского масштаба».

Как хорошо это прочесть в наше время, когда перестали серьезно относиться к смерти. В таких местах Шопенгауэр вступает в область, в которой лежит его главная сила, тут он поднимается выше Канта, который в области критики познания держит пальму первенства. Он приближается к лучшим образцам стоического учения в абсолютном безбожном пространстве и понимании его гармонии. Здесь он выступает наследником древних интуитивных постижений выступает как мыслитель незамутненной брахманской духовной чистоты. Порой я думал: как жаль, что он не знал Толстого, тот бы ему понравился.

Сколь плодотворно было бы появление такого ума под знаком находящегося на подъеме богословия. Зачастую получаешь впечатление прометеева подвига — божественная искра сотворила бы чудо.

Дабы составить суждение о траектории полета подобного духа, следует видеть, как его дело продолжили его ученики. После Шопенгауэра четко разграничиваются те, кого привлекла воля, и те, кого привлекло представление: с одной стороны, Ницше, Вагнер и Шпенглер, с другой — Буркхард и Гюйсманс.⁸⁶ У всех бросается в глаза растущая изоляция, характерная также для жизни их учителя. Все они кончают кельей — будь то в монастыре, санатории или уединенной обители философа, но всегда в контраст к миру. У гегельянцев же, напротив, мощный порыв к действию и политической действительности. Они оказываются вождями, возникая во всех лагерях, среди друзей и врагов, мавританцы высокого полета.

Вечером на торфяниках просеивал образцы мхов. Тонкие ниточки клюквенных побегов украшают влажную подушку серебряной филигранью. Уже опавшие клюквины, не нарушая узора, лежали вплетенные в рисунок.

Кирххорст, 20 августа 1945 г.

Вечером в Ганновере, где я, бредя мимо развалин, читал Александру курс городской и семейной истории. Бедность среди протянувшихся двумя, рядами руин достигает такой степени, какой я не наблюдал даже в увиденных мною русских городах, в особенности потому, что нет той способности переносить страдания. Догадываешься, что миллионы людей остаются к зиме без крыши над головой. Лица, одежда, жизненная энергия изношены до последней нитки, люди стоят у последней черты, за которой начинается массовый мор.

Тезис коллективной вины представлен двумя параллельными линиями. Для побежденного он означает: я обязан отвечать за моего брата и его вину. Для победителя это на практике означает повод для того, чтобы грабить всех без разбору. Если перетянуть тетиву, может возникнуть опасный вопрос: так ли уж виновен мой брат?

Эти мысли пришли мне при чтении воззвания одного бандита по фамилии Эренбург, обращенного к Красной армии, который призывает не щадить даже ребенка в чреве матери, и сулит красноармейцам в добычу немецкую женщину.

Читал я также и Ялтинские протоколы или, может быть, только отрывки из них, которые дают представление о том, какие фундаментальные изменения претерпело международное право даже в отношениях между европейскими нациями. В противоположность тому, что говорил Клаузевиц, война получает свое продолжение в мирное время, если вообще тут можно говорить о мире. Нет ни одной новой идеи, даже реставрации. Лишь в свете таких перспектив можно, оглядываясь на прошлое, в полной мере оценить духовную высоту такого органа, какой представлял собой Венский конгресс.

Кирххорст, 21 августа 1945 г.

Вечерние беседы благодаря обществу брата физика затягиваются за полночь и дают

⁸⁶ Гюйсманс Шарль (1848–1907) французский писатель, для творчества которого была характерна романтическая дистанция к реальности, а также изрядная декадентская изоциренность стиля и языка

отдохновение, как та, что мы вели с ним вчера о симметрии. В их ходе я очень ясно осознал различие между математическим и метафизическим подходом к подобным темам.

Известно, что тибетцы при строительстве монастырей избегают симметрии, считая, что симметрия привлекает к себе демонов. Это нетрудно понять хотя бы с точки зрения зеркального отражения. Одна из жизненных тенденций направлена на то, чтобы вместе с увеличением свободы уходить из-под власти симметрии, как это можно наблюдать на примере развития животного мира и в искусстве. Техника же, напротив, по самой своей природе стремится к созданию не просто симметричных, но даже конгруэнтных изделий, и следовательно, если верить тибетцам, она только и стремится создавать пристанища для демонов. В этом нет ничего невероятного, если вспомнить ее достижения. Причем именно самыми показательными являются непреднамеренно возникшие.

Легкая асимметричность соответствует нашему строению и отвечает нашему чувству прекрасного. Художник не может работать симметрично. Это справедливо для всех искусств, включая архитектуру. Это так же справедливо и для временного повторения; произведение искусства не может быть повторено даже его автором. Даже там, где участвует ремесленное начало, принято разбивать форму отливки, ломать печатную доску. Это отличает его от технического продукта, например от фотографии, где количество отпечатков не имеет значения, их может быть сколько угодно.

Для стихотворения также характерно тонкое чувство меры в отношении этих условий. «Ювелирные весы слуха» точно настроены на нужную рифму. С одной стороны, для нее недопустим слишком сильный отход от симметрии, с другой — недопустимо и слишком близкое подобие, которое достигалось бы повторением того же самого слова.

Тут речь идет о законах, которые коренятся глубоко в духовно-физическом образе человека. Потому мы следуем им в обыденной жизни почти безотчетно. Мы избегаем симметрии в пространственном плане и повторов во временном, потому что как для естественного, так и для культурного человека это является одним из бессознательных правил игры. В некоторых местностях, отличающихся особенной утонченностью, можно иногда наблюдать, как шесть или семь посетителей, друг за другом входя в ресторанчик, произносят одно и то же приветствие; модуляции этих повторов образуют музыкальную фигуру вариаций. Эти нюансы невозможно придумать, благодаря им происходит постоянное утверждение свободы и отрицание несвободы. Это как конституция.

Кирххорст, 22 августа 1945 г.

Бессонная ночь. Безоговорочная капитуляция: она является необходимым следствием тотального напряжения и его повышенной истребительной тенденции.

Указывая, что целью абсолютной войны является стремление навязать свою волю противнику, Клаузевиц говорит, что в реальной войне эта цель получает ограничения. Подразумевается, что противник еще обладает собственной волей и у него есть правительство, которое эту волю отстаивает, то есть она еще существует. Иначе приходилось бы иметь дело с анархической массой, с грузом при отсутствии рычага.

Такие высказывания, как наполеоновское: «Династия Брауншвейг перестала существовать», — уже выходят за эти рамки. Однако Наполеон еще не сказал бы «страна Брауншвейг». Требование безоговорочной капитуляции говорит о намерении поставить врага в условия вещного права; права человека и международное право, включая неприкосновенность пленных, отменяются, вместо этого констатируется физический,

зоологический или технический факт. Победенных можно истребить или выселить, как это происходит в наших восточных провинциях, их можно экономически уничтожить или поработить, как это предусматривается планами, разработанными в Нью-Йорке. Рурская область превратится в картофельное поле, которое будут вспахивать ручным плугом феллахи под надзором чужеземных надсмотрщиков.

Традиция античности достигнута еще не везде. В Иерусалиме не было безоговорочной капитуляции, там вообще не капитулировали. После того как пал город, горные крепости продолжали сопротивление. У нас оно принимало ту или иную форму в зависимости от характера противника; в Восточной Пруссии фольксштурм, кажется, зачастую сражался самоотверженно до последнего человека, в то время как на западе он редко вступал в перестрелку. К этому добавляется еще и громадное число самоубийств, не отраженных ни в какой статистике.

Задним числом встает вопрос о том, возможно ли было на каком-то этапе войны остановить надвигающуюся катастрофу или хотя бы ограничить ее размеры. Этот вопрос составлял одну из важнейших тем в «Рафаэле»⁸⁷ и «Георге V»⁸⁸ и привел также к 20 июля 1944 года, что скорее еще больше ухудшило положение. Мы сидели в бешено мчащемся поезде, который все убыстрял свое движение, и спрыгнуть с него на ходу с каждым месяцем становилось все невозможнее, это было бы равноценно самоубийству. Так что на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Ощущение, что ты очутился на стороне, которая в моральном отношении слабее, что ты вынужден разделять ответственность за злодеяния, о которых множились все более страшные слухи, создавало удушающую атмосферу и было одним из знаков надвигающейся беды. При обсуждении стратегического положения Гитлер время от времени наталкивался на сопротивление, которое не могло победить в этом споре, однако многому воспрепятствовало. Это была одна из причин, почему он считал свой генеральный штаб ретроградным, а к большинству генералов относился подозрительно. По-своему он был тогда прав, так как играл ва-банк. За этими расхождениями крылось нечто более значительное и глубокое, чем убийственное сознание громадных и бессмысленных актов насилия; противостояние мировому течению. Несомненно, что среди русского генералитета это сознание было выражено гораздо слабее, или там уже успели вырастить тот тип генералов, надежных во всех отношениях, который у нас пока еще попадался лишь в единичных экземплярах. Я имел возможность и обязан был разглядеть эту картину на Восточном фронте.

Мировая тенденция давно уже приобрела левое направление, которое, подобно Гольфстриму, определяет симпатии на протяжении нескольких поколений. Левое крыло вот уже на протяжении ста пятидесяти лет подчинило себе правое, а не наоборот. В Германии оно изначально потерпело крах, и это сыграло роковую роль в ее судьбе. Исход освободительных войн, 1830-й, 1848-й и 1918-й годы уже отбрасывают свет на спектакль, повторение которого основывается на особенностях национального характера, причем его начало восходит к далеким историческим временам, задолго до буржуазного периода. В то время как во Франции Реформация была однозначно разгромлена, а в Англии однозначно победила, у нас этот вопрос повис в неопределенности, как и очень многое другое. Вероятно, это один из тех минусов, связанных с центральным положением, как, например, война на

⁸⁷ «Рафаэль» — пьеса Людвиг Ахима фон Арнима (1781–1831), немецкого писателя-романтика.

⁸⁸ «Георг V» — историческое исследование немецкого историка XIX в. О. Клоппа, известного своими провельфскими взглядами. Георг V(1819–1878) — ганноверский король, смещенный Бисмарком со своего трона

несколько фронтов. В этом смысле прав проницательный наблюдатель Ривьер, ⁸⁹ называющий нас в своей книге о немцах народом, который принимает решения не по принципу «или—или», а по принципу «как, так и».

Великогерманское решение, осуществленное с демократических позиций, принесло бы нам симпатии всего мира. Оно потерпело неудачу не только по вине Вильгельма IV, но и по вине депутатов в церкви св. Павла. ⁹⁰ Уже там можно видеть все теоретические, доктринарные и мировоззренческие элементы, которые мы наблюдаем и сейчас, и которые, как это случилось после 1918 года, чреваты поворотом в сторону реакции. Вся политика проникнута недовольством тех лиц, которые остались не у дел и которые сохраняют это недовольство даже тогда, когда оказывается, что пробил их час. Пышным цветом расцветают теории, их нездоровый рост происходит за счет практической деятельности.

В таких условиях другие народы выдвигают из своих рядов сильные натуры, которые с помощью левых берут в свои руки бразды правления, людей, подобных Мирабо, Гамбетте, Клемансо, Троцкому — всех не перечтешь, у нас же таких не находится. Они подсказывают генералам, что нужно делать. Они делают это тем охотнее, когда слышат, что новый деятель шутить не любит и что в его глазах национальная история — не какое-то там собрание нелепиц. Они вроде лошадей — опасны только для того, кто не умеет ездить верхом. В этом смысле можно сказать, что наши левые ни разу не сидели в седле.

Буржуазная реакция всегда связана с фашизмом, по крайней мере вначале. Бюргер видит, как в большом государстве идет истребление его класса и что против него в его стране выступают силы, которые это одобряют и подталкивают к таким действиям. Он предвидит уготованную ему судьбу. Он также понимает, что средства правового государства не в состоянии обеспечить его безопасность, и ни правительство, ни народное представительство, ни полиция не в состоянии справиться с этой задачей. Тогда и он тоже покидает правовое поле, и вскоре из жертвы провокации сам переходит в провокаторы. Одновременно он утрачивает симпатии остального мира. Его проступки осуждаются более сурово, они сильнее раздражают мировое общественное мнение, чем чьи-либо еще. Примером могут служить Феррер, Маттеотти. ⁹¹ Белое пугало ничем не лучше красного и точно так же не заслуживает одобрения. Однако его дурная слава сильнее, что, объективно говоря, свидетельствует о том, что он живет не в ладах с мировой тенденцией и ее симпатиями. Нечто подобное сказал однажды Наполеон, примерно так: «Стоит мне спалить одну деревню, как весь мир возмущается. Англичане разоряют целую страну, но об этом никто даже слова не скажет». Этим объясняется и то, что тех же людей, которые осуждают и осуждают наши ужасы, нисколько не волнует тот факт, что они сидят за одним столом с

⁸⁹ Ривьер Жак (1866–1925) — французский писатель, с 1919 г. главный редактор «Nouvelle Revue Francaise». Друг Андре Жида, мнением которого Эрнст Юнгер дорожил. В войну Ривьер был в немецком плену, оставил мемуары «L'Allemande» с подзаголовком «Воспоминания о немецком плене». Именно о них, вероятно, и пишет Юнгер

⁹⁰ Эта церковь во Франкфурте-на-Майне во время революции 1848 г. была местом заседаний общегерманского парламента, стремившегося к установлению единства Германии демократическим путем. Это, как известно, смог сделать только Бисмарк и не демократическими, а авторитарными методами

⁹¹ Феррер Франческо Гуардиа (1859–1908) — испанский анархист и педагог, создатель европейской лиги «интегретского образования» в Брюсселе. Во время анархистского восстания в Барселоне был арестован властями и расстрелян по приговору суда. Восстание было направлено против испанской интервенции в Марокко. Маттеотти Джакомо (1885–1924), итальянский социалист. Выступал с разоблачениями фашистского режима. Убийство Маттеотти фашистами вызвало взрыв возмущения в стране и привело к созданию антифашистского Авентинского блока и к острому кризису фашистского режима.

завзятыми мясниками, расправившимися с отдельными людьми и целыми народами.

Возвращаясь к «Рафаэлю»: я думаю, что, наверное, ни в одной другой армии не наблюдалось, по крайней мере среди ее интеллектуальной верхушки, столь низкой правовой оценки собственной стороны; внутри у нас тоже шла война на два фронта. Такие случаи, когда представители армейского командования занимали, как правило, невыгодную для них, отличную от правительства политическую позицию, бывали во все времена; в качестве примеров можно назвать Валленштейна, Пишегрю, Лукнера, Йорка, Тухачевского.⁹² Здесь же, не говоря уже о моральной дилемме, добавился еще другой момент, который мог появиться лишь как порождение мировой гражданской войны: сознание того, что ты выпал из мирового революционного потока. Это обстоятельство увеличивало трудность личных усилий, расшатывало нравственную опору, вызывало настроение безнадежности.

И вот другая сторона безоговорочной капитуляции: понимание того, что прийти к соглашению в соответствии с положениями Клаузевица стало невозможно. Все сделалось проблематичным также и со стороны внутренних дел; нужно заново разобраться с вытекающими следствиями.

Кирххорст, 24 августа 1945 г.

Разборка рукописей и переписки. Устанавливаю пробелы, возникшие главным образом тогда, когда я, разнервничавшись, сжигал некоторые бумаги. Хотя эти огненные жертвоприношения ничего не прибавляли в смысле безопасности, они все же давали некоторое успокоение. Как ни странно, но оказывается, что дух зла, когда он силен, тоже способен вызывать у нас мучения совести; это говорит о том, что он играет роль заместителя. У меня бывали евреи, которые словно бы извинялись за то, что родились на свет.

Если у моих знакомых бывали из-за меня неприятности, то бывало также и обратное; это влияние было перекрестным. Общение с Никишем, Мюзамом, Отто Штрассером, Гофаккером, Шуленбургом,⁹³ Генрихом фон Штюльпнагелем и другими неблагоприятно отражалось на моей репутации.

С Мюзамом⁹⁴ я познакомился у Эрнста Никиша, у которого я часто бывал. Кажется, в тот вечер там был и Толлер.⁹⁵

⁹² Перечисленные военачальники были в самом деле или их искусственно сделали (как Тухачевского) политически активными фигурами.

⁹³ Шуленбург Фриц-Дитлов граф фон (1902–1944). Из-за несогласия с нацистами в 1940 г. ушел с гражданской службы в вермахт, служил во Франции, где и познакомился с Юнгером. Участник Сопротивления, казнен по приговору «народного суда». Не следует путать с другим участником Сопротивления дипломатом Фридрихом Вернером графом фон Шуленбургом (1875–1944), который также был казнен по делу 20 июля 1944 г. Никиш, Мюзам, Отто Штрассер, Гофакер, Шуленбург, Генрих фон Штюльпнагель — персонажи либо из «консервативной революции», либо из «левой» национал-большевистской оппозиции нацистам.

⁹⁴ Мюзам Эрих (1878–1934) — немецкий писатель-антифашист. Бунтарские сатирические пьесы, публицистика (мемуары «Имена и люди», 1949), стихи, посвященные борьбе рабочего класса (сборники «Горящая земля», 1920; «Революция», 1925). Умер в концлагере.

⁹⁵ Толлер Эрнст (1893–1939), немецкий писатель, один из лидеров экспрессионизма; деятель рабочего движения. В 1919 г. — член правительства Баварской советской республики. С 1933 г. — в эмиграции. Человек и революция — главная тема антивоенных и антифашистских драм Толлера («Человек-масса»), 1921; «Гасить котлы!», 1930; «Пастор Халль», 1939), стихов.

Они были знакомы со времен Баварской Советской республики, провозглашение которой было такой же дурацкой затеей со стороны левых, как капповский путч со стороны правых. Между нами началась оживленная беседа. Мюзам пошел провожать меня домой. Он был представителем богемы вроде Петера Гилле,⁹⁶ анархист, человек не от мира сего, по-детски добродушный и большой путаник; не требовалось особой проницательности, чтобы понять это с первого взгляда. На свою беду он связался с политической практикой, к которой он был совершенно неприспособлен, его считали опасным литератором; его имя как-то приплели к убийствам заложников в Мюнхене. Вот об этом он и разговорился на станции подземки возле поворотного треугольника, пока мы ожидали поезда. Он бурно разглагольствовал, почти кричал, полы его пальто развевались, прохожие оборачивались на эту странную фигуру, напоминавшую большую нескладную птицу. Мы обменялись несколькими письмами, в последний раз незадолго до его ареста, затем просочились слухи об его ужасной судьбе.

Вот эти-то письма у меня и искали. Тогда я познакомился с техникой этих посетителей, которые всегда ходят парой. Был вечер; я сидел один в моей штеглицкой квартире и читал «Венеру и Тангейзера» Бердслея. Раздался звонок, на пороге я увидел двоих полицейских. Они вошли, я спросил у них удостоверения, но они сделали вид, что не слышали. Они стали спрашивать, есть ли у меня в доме оружие, а сами уже открыли ночной столик у меня в спальне. Один запустил руку за обивку кресла, как в сумку, и укололся иголкой. Другой сперва проверил корзину для ненужных бумаг, затем взглянул на книги. «Это вы написали?» — спросил он, указывая на мою книгу «Рабочий». Заголовок показался ему подозрительным.

Наконец они заговорили о деле, по которому пришли, о письмах Мюзам, таких же безобидных, как он сам. Я дал ему мою папку с письмами «Н—М». Они принялись перелистывать и сразу же наткнулись на фамилии, которые тогда высоко котировались, на чем и закончили свои поиски.

Впоследствии я поговорил об этом с Дильсом,⁹⁷ который тогда организовывал государственную полицию и помнил об этом происшествии. Причиной послужил донос одного из жильцов нашего дома, по нему была произведена рутинная проверка представителями районного полицейского участка, который еле справлялся тогда с потоком хлынувших доносов. После переворотов число доносов растет, как грибы после дождя; думаю, что не найдется ни одного человека, которого бы это не коснулось.

Такие происшествия поучительны как в объективном, так и в субъективном плане и, собственно, только поэтому заслуживают упоминания. Объективно они не так уж неблагоприятны. Вступая в новое силовое поле, в новую систему, мы ощущаем на себе его воздействие, нам дают почувствовать, что нас это затрагивает, как это недавно случилось со мной в связи с револьвером американца в риге. Это можно сравнить с уплатой пошлины или прививкой, которой подвергаешься, пересекая границу при переезде в другую страну. Кроме

⁹⁶ Петер Гилле (1854–1904) — писатель, представитель берлинской богемы, беззаботный вагант. Большая часть его работ вследствие его неорганизованности и растерянности была утеряна. Он был мистическим лириком экспрессионизма.

⁹⁷ Дильс Рудольф (1900–1957) — оберфюрер СС, в 1933 г. шеф прусского гестапо, находившегося под руководством Геринга. Пал жертвой борьбы компетенций Геринга и Гиммлера. В 1934 г. был назначен регирунгспрезидентом в Кельн, а в 1940 г. — в Ганновер. В 1943 г. был смещен из-за отказа арестовывать евреев. В 1944 г. был выпущен из тюрьмы по настоянию Геринга.

того, это — указующие, предостерегающие знаки. Если бы вообще ничего не случилось, у нас появилось бы ложное чувство безопасности. Я был склонен считать новых людей случайным явлением, которое появилось временно, за неимением лучшего. Прививка предохраняет нас от заражения, помогает приспособиться к другому климату. Для меня этот случай оказался полезен тем, что мне опротивел Штеглиц, а Берлин показался неблагоприятной почвой. Благодаря ему я решил покинуть дом, на который легла такая метка, и переселиться в Гослар. Я вспомнил об этом в прошлом году, стоя перед руинами, в которые обратился не только этот дом, но и весь квартал. Есть что-то странное и таинственное в путях, которыми мы странствуем в этом мире.

Это была благодетельная прививка, произведя ее, новая власть как бы совершила свой *acte de presence*. (Нанесла визит вежливости (фр.)) Опасность заключалась и в том, чтобы принять это не слишком всерьез. От Марку, который еще оставался в Берлине, я узнал, что неподалеку, в Далеме, приходят посетители не чета моим. Тогда люди еще вызывали выездную полицейскую команду, та приезжала, но увидев, что тут дело политическое, удалялась восвояси. В этих случаях предостережение, вероятно, было уже давно сделано.

Что касается лично моего поведения, то я в этом случае еще раз ощутил то раздвоение душевных способностей, на которое я не раз уже обращал внимание. Ты читаешь, вдруг в дверь звонят, ты открываешь и видишь двух вооруженных людей. Твое сознание еще не успело воспринять происходящее, оно уже оповещено, что надо приготовиться к восприятию. Откуда поступает это оповещение? Часть наблюдательных способностей перемещается тогда вовне, следит за происходящим снаружи, быть может, откуда-то с потолка. Вся картина видится тогда одновременно очень резко и отчужденно, как рассказ, как запротоколированный сон.

Вспоминая такие обстоятельства, я склонен счесть, что это настроение способствует безопасности. Когда опасность грозит со стороны человека, то, похоже, это настроение передается ему, и поскольку в нем нет ничего провоцирующего, оно и не оказывает на него провоцирующего действия. Но мне кажется, что нечто подобное я наблюдал и в связи с чисто механическими процессами, например при обстреле. Сюда относится и то впечатление, которое описывает Гёте в связи с канонадой под Вальми. У нас как бы усиливается состояние рассеянной отстраненности и одновременно чрезвычайной собранности. Мы начинаем действовать, двигаться правильнее, чем при самой напряженной концентрации. Таким образом, можно представить себе дело так, что, расхаживая под огнем, мы делаем это «правильным образом» и тем самым уберігаемся от ранений. То, что мы называем удачей и неудачей, не является чем-то вовсе уж беспричинным, не знающим закономерностей. Всякому знакомы такие примеры. Отстраненность — благоприятное состояние, страх же, напротив, притягивает неприятности.

Так вот, тогда-то я и предпринял первое сожжение или, точнее говоря, побросал большое количество бумаг в мусорные ящики во дворе, среди прочего — дневники начиная с 1919 года, стихотворения, переписку. Я сделал это без сожаления; события имели тенденцию к реализации. Надо было сбросить балласт. Это было даже приятно.

Во дворе было темно; сгущались сумерки. Окна были уже освещены, на самом верху — окно доктора фон Леера, талантливого лингвиста и ярого антисемита, брошюры которого продавались сейчас на улицах. Мне казалось, что вряд ли в этом много приятного. Под ним жил член немецкой национальной партии, не помню, кем он был по профессии, ему, по всей видимости, было не по себе от происходящего. Кстати, это он донес на меня. Вероятно, он внезапно ощутил острую, необоримую потребность совершить поступок, демонстрирующий его лояльность. В таком случае всегда в первую очередь вспоминают того, кто живет этажом

ниже.

Когда я записывал бумаги в ящики и присыпал их золой, во двор вышел наш портъе, социал-демократ, с выражениями сочувствия, которое он, правда, не столько высказывал словами, сколько показывал своим приветливым поведением. В городе уже носились мрачные слухи. Газеты еще печатали такие новости, которые на самом деле уже были табу, но без комментария. Например, можно было прочесть о том, что в каком-то лесочке обнаружены трупы, но при этом не высказывалось никаких предположений, чьих рук это дело. Ни один прокурор уже не интересовался этим вопросом. Среди убитых был один известный ясновидящий — черта символическая.

Попадают в жизни такие промежуточные эпизоды, обыкновенно второстепенного значения, происходившие точно во сне, которые запоминаются лучше и отчетливее, чем отрезки, богатые событиями. Таким для меня навсегда остался этот двор — унылый каменный колодец, окруженный со всех сторон квартирами бургеров средней руки, на котором я хоронил свои бумаги. Теперь всюду сжигали бумагу. Надвигалась гроза, и муравьишки засуетились.

Кирххорст, 25 августа 1945 г.

Продолжал составление таблиц. «Ver-» как приставка магического влияния, медленных и, как правило, незаметных перемен как к лучшему, так и к худшему, является приставкой сокровенного действия. К консервативному и позитивному по своей направленности «er-» тут добавлено «v» в качестве преобразующего, раскачивающего, претворяющего в нечто другое звука. Присоединим мысленно обе приставки к словам:

arbeiten hungern mitteln bohren kaufen setzen gießden klingen steigen graben langen wachsen greifen leben weisen handeln losen wirken hören mieten ziehen

При сравнении выявляется, во-первых, соединяющее, связующее, но также и ослабляющее значение этой приставки. Однако понесенная утрата не является абсолютной. Тут требуется нигилистическое zer-.

Крест человека заключается в том, что человек одновременно есть реальнейшая реальность и абстрактнейшая абстрактность. Вот два лезвия тех ножниц, которыми он удерживается в границах своей меры, на коротком поводке.

Газеты сообщают, что Петэн приговорен к смертной казни. Де Голль заменил ее пожизненным заключением.

Заклучив в 1940 году перемирие, Петэн сделал то, чего от всей души желал его народ, считая это единственно правильным. Ему, воевавшему под Верденом, это наверняка далось нелегко. Я сам видел колонны военнопленных, запрудившие пыльные дороги под палящим июльским солнцем, они выкрикивали его имя как имя своего спасителя.

Окажись бы на его месте какой-нибудь Гамбетта,⁹⁸ Франция лежала бы сегодня в таких же развалинах, как Германия. И от Парижа тоже не осталось бы камня на камне.

⁹⁸ Гамбетта Леон (1838–1882) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг. Лидер левых республиканцев, член «Правительства национальной обороны» (сентябрь 1870—февраль 1871). В 70-х гг. выступал против клерикалов и монархистов. В конце жизни сблизился с правыми буржуазными республиканцами

Продолжение войны привело бы к оккупации всей Франции и Северной Африки и, вероятно, вступлению в войну Испании. Этот народ, которому еще было что терять, проявил верный инстинкт, отказавшись от той славы, которая расцветает на почве дымящихся развалин.

Кроме того, это отчасти было симптоматично. Скорый отказ от сопротивления свидетельствовал о том, что национальные государства старого образца теперь навсегда отошли в прошлое. Благополучный исход войны зависел от удачного стечения обстоятельств, главным образом оттого, что Франция вступила в союз с империями, которые, хоть и неохотно, позволили ей разделить с ними плоды победы. Слабость, связанная с внутренним устройством, по-прежнему остается и вызовет появление новых симптомов, если не лечить основную причину.

Германия проиграла войну по той же причине, с более существенными затратами и без крепких союзников. Подобно тому, как Первую мировую войну она проиграла как монархия, наряду с Россией и Австрией, она проиграла и Вторую в качестве прогрессивного национального государства, наряду с Францией и Италией. Тот факт, что поражение распространилось на участников по обе стороны фронта, подтверждает его неизбежность. Первым долгом требуется осознание этого факта. Попытка продолжить все, опираясь на национальное государство, утверждая свой суверенитет в его рамках, заранее обречена на неудачу. Национальная политика, не желающая выходить на более широкую арену, возможно, мирового уровня, в дальнейшем бесперспективна. Что ни говори, прогресс все-таки есть.

Кирххорст, 26 августа 1945 г.

Год чрезвычайно сырой, по всем признакам — грибной год. Обыкновенно я просыпаюсь около восьми часов и читаю Библию под дождик за окном, затем вожусь с какой-нибудь максимой Ривароля, поворачиваю ее так и сяк, пока Перпетуя не принесет завтрак.

Ривароль принадлежит к тем писателям, по которым можно ощутить вкус западных условий. Он рано созрел, и это привело к тому, что только теперь он стал поддаваться переводу. Это в той же степени относится к его риторике и сопряжению мыслей, как и к языку в целом. Немецкий язык с тех пор перешел в жидкую фазу, и этот процесс еще не закончился. Можно вытягивать предложения, как стекло из плавильного тигля, чтобы увидеть, как легко эта масса стекает каплями.

В нынешнем переводе останется меньше пробелов, меньше пузырьков, чем в прежнее время. К тому же опыт наполнил смыслом наши политические термины. Они подверглись синхронизации. Это одна из причин, почему мы после этой второй, более страшной войны, вероятно, скорее, чем после первой, «поладим по-хорошему» с Францией.

Кирххорст, 27 августа 1945 г.

В саду. Ночи уже становятся холоднее, и капуста по утрам покрывается серебристым налетом, а на заборах жемчужной пеленой повисли сети паутины. Бабочки в ленивой истоме расправляют на солнце крылышки. Я видел, как лисичка распускала пронизанные огнем кирпично-красные крылышки. Это навело меня на мечты, в которых я видел страну, где гамма красок звучнее и дома, озаренные этим пламенем, так и горят среди золотисто-зеленой ивовой листвы, переливающейся как крылышки жука. В нашем туманном, меланхолическом мире все краски звучат приглушенно, лишь самой кромкой погружаясь в мир чувственных ощущений.

Пополудни ходил по грибы на Ольдгорстское торфяное болото. В эти голодные годы приходится тратить больше времени на добывание пищи, пускаться в долгие походы по отдаленным местам. То есть надо увеличить затраты труда. Или нужно специализироваться на неизвестных, редких сортах, которые легко спутать с чем-то другим — способ более элегантный. Это относится к любой конкуренции: приходится напрягать либо мускулы, либо ум. Крайний предел лежит в области акробатики. Либо напряжение выходит за рамки возможного, либо чрезмерным становится риск, как в данном случае, из-за ядовитых грибов.

Кирххорст, 28 августа 1945 г.

Почты все нет. Я видел, что потерял матушку и разыскивал ее на каком-то вокзале. В мире снов вокзалы всегда означают опасность, они символизируют блуждания на земном пути, земные утраты, земные тревоги, упущенные встречи и нескончаемое ожидание во временном плане. Это места, где переживается громадное отчуждение.

В солнечных лучах еще летают ласточки; но они уже собираются в стаи. Мелкие голубые астры стоят в полном цвету. По утрам на их венчиках упиваются первыми лучами солнца оцепеневшие цветочные мушки. Выйдя спозаранку, я нахожу на дорожках две-три желтые груши, нападавшие за ночь. Словно золотая стрелка, движется солнце по цветочно-плодовому циферблату великих часов.

Продолжал Ривароля. Перевод похож на стряпню: как правило, женщины лучше приспособлены для этого занятия. Но для больших блюд и тонких кушаний все-таки приглашают поваров.

Кирххорст, 29 августа 1945 г.

По поручению швейцарских друзей меня навестил Франсуа де Дисбак, дипломат из Берна. Такие посетители приходят в наши дни не столько для того, чтобы тебя проведать и узнать, как ты поживаешь, сколько для того, чтобы удостовериться, что ты вообще еще жив. Как на поле боя.

Кирххорст, 30 августа 1945 г.

Справляясь в связи с моей работой с Вико по поводу отношения языка и тела, я вновь наткнулся там на это прекрасное место:

«Аристократические республики не любят вести войну, чтобы не вызвать воинственных настроений у плебейской массы».

То же самое со времен Агамемнона справедливо и для монархий. В любом случае войны ведут к переменам. После Семилетней войны Фридрих Великий убрал из армии офицеров мещанского происхождения, кроме егерей (лесные стрелки) и артиллерии (техники). На ту же тему слова Вильгельма III, когда перед ним дефилировал строй ландвера: «Вон шагает революция». Пруссаки были последними из тех, кто еще разбирался в этих вещах. Отсюда полное неприятие новых веяний времени, которые все сильнее чувствовались в атмосфере.

Вико — один из немногих писателей Нового времени, кто подобно Гаману безусловно заслуживает этого названия, то есть может быть признан оригинальным автором. Это оценка подразумевает глубину, а не широту охвата. Гёте назвал их имена рядом, что доказывает его

гениальную проницательность.

Вико и Декарт относятся к тому же ряду противоположностей, в который входят Гаман и Кант, Гёте и Ньютон. Сила этих мыслителей основана не на познании, а на откровении, не на логике, а на языке; их родоначальник — Гераклит.

Пополудни приходил Аксель фон дем Буше-Штрейтгорст — молодой майор, тяжело раненный на войне. Он принес с собой список моего трактата о мире. У меня такое впечатление, что из всех моих сочинений эта работа получила известность скорее всех прочих, это произошло за каких-то несколько недель, как сход лавины, хотя нигде в прессе она не была напечатана, ни одно издательство ее не издавало, ни одна газета не рецензировала. Все пошло от нескольких экземпляров, которые я раздал знакомым. К особенностям нашего нынешнего положения относится то, что мы очутились в условиях дотехнического существования. Что может быть поучительнее! Когда у нас отбирают протезы, приходится шевелить ногами и руками. От величин энной степени мы вернулись к корневым числам, от оборотов колеса к его оси.

Когда мы беседовали в саду, пришел Александр и принес письмо от Фридриха Георга, его первое послание за все время оккупации. Радость была тем сильнее, что одновременно это письмо успокоило меня относительно судьбы целого ряда друзей, так например относительно судьбы Ганса Шпейделя. Я очень о нем беспокоился, после того как услышал, что его вместе с Канарисом и другими пленными куда-то увезли в неизвестном направлении. Аксель фон дем Буше сказал также, что Гильшер, который также был арестован в конце войны, находится в Марбурге. День хороших новостей.

Кирххорст, 1 сентября 1945 г.

Разбирая переписку, я дошел до буквы N. Письма Никиша также отсутствуют. Они тоже навлекли на меня посещение полиции.

Эрнст Никиш принадлежит к тем исключительным людям, которые не теряют мужества во время гражданской войны. До начала этих событий я и не думал, что такого рода мужество встречается настолько редко. Литература, включая свидетельства, современников, дает об этом очень неточное представление. Там все уж слишком ориентировано на Плутарха. Когда колосс лежит поверженный на земле, вокруг него начинают роиться мухи; все, кому не лень, начинают рассказывать о том, как они способствовали его падению.

Это человеческая черта; всякому хочется представить себя в выгодной роли. Впридачу это приносит политические дивиденды. Всем известно, что к побежденному окружающие относятся как к зачумленному. Именно по этой причине нам самим довелось наблюдать то ужасное молчание, которое возникает по окончании гражданской войны, когда победитель, захвативший под ликование масс неограниченную власть, только и ждет момента, когда подаст голос кто-то с ним несогласный. Я сам видел, как одиноки люди вроде Никиша, отказывающиеся капитулировать. Вокруг стоит гробовое молчание.

Мужество, проявляемое в гражданской войне, это большая тема; при случае надо будет к ней вернуться. Казалось бы смерть, что тут, что там, везде одинакова. Однако же это не так. По крайней мере в воображении гибель в гражданской войне кажется ужаснее. Поэтому армия становится спасительным пристанищем, местом, где человек ощущает себя в большей безопасности. Мне вспоминается одна ночь во время нашего наступления во Франции в 1940 году; впереди мы слышали артиллерийскую канонаду на Шмен-де-Дам, видели, как сверкали

вспышки. Отчего же меня не волновала опасность, которая грозила оттуда, а все мои мысли были заняты статьей мелкого журналистика, который «клеил» меня в своей газетенке? Тогда, в ночном строю, шагая по белой дороге, я вдруг понял, как же это нелепо, и несколько раз попробовал сам себя одернуть, но мои мысли то и дело возвращались к этому больному месту. Мы сами видели, как такое первостепенное значение внутривосточных условий сохранялось для нас даже среди того ужаса, который приходилось пережить, попав на фронте в котел.

Посетители, двое служащих государственной полиции, объявились у меня, когда я вернулся в отпуск после этой кампании. Я находился в выгодном положении, на мне была военная форма, я вернулся после выигранного блицкрига и на меня не распространялись их полномочия. Я мог бы отказаться отвечать на их вопросы, но решил все-таки согласиться. Никиш в то время давно уже сидел в тюрьме; я подумал, что, может быть, сумею ему как-то помочь. Опасность грозила и другим моим близким знакомым.

На этот раз, очевидно, дело было не личного, а скорее общего свойства, речь шла о поголовной проверке, направленной против «черного фронта». Под этим собирательным термином подразумевались отдельные лица и группы, между которыми было мало общего, кроме того, что они не принадлежали ни к какой партии и слыли «непрозрачными». Подобный разряд есть в зоологической классификации. Полиция обязана следить за ним, как лесничий за порученными ему попечению лесными участками, в которых он регулярно проводит отстрелы. Сейчас шло подобное прочесывание, и предполагаю, что работа велась с размахом. Надежда на то, что военные успехи несколько разрядят внутреннюю обстановку, не оправдалась. Напротив, теперь были сняты последние сдерживающие моменты. Как раз в эти дни был принят ряд злополучных решений.

Мои посетители, как я и ожидал, тотчас же заговорили о Никише и потребовали от меня сказать, что я думаю об этом человеке и о нашем знакомстве. В эти полицейские двойки всегда входит один умный и один физически сильный. Я обратился к умному и стал объяснять, что Никиш — это человек, во-первых, национальных, а во вторых, социальных взглядов, и все обвинения против него, в сущности, основаны на недоразумении, на отличиях терминологии, а его русофильская тенденция также проистекает из национальных, а не большевистских симпатий, а поскольку у нас сейчас заключен с русскими пакт о ненападении, то такой человек, как Никиш, может быть как раз очень полезен.

Умный внимательно выслушал меня; сильный по его знаку время от времени что-то записывал. Когда я закончил, наступила пауза. Затем умный сказал: «Но в своих письмах к господину Никишу вы обыкновенно высказываетесь совершенно иначе». С этими словами он достал из левого нагрудного кармана солидную пачку бумаг, достаточную для того, чтобы в ней уместились все письма, написанные мною Никишу в Саксонию, с тех пор как он приобрел там известность в качестве лидера старых социалистов. Его фамилию тогда называли в одном ряду с Виннингом и говорили, что у левых появились выдающиеся политические головы, мыслящие на государственном уровне.

Впрочем, полицейский сказал это без иронии. И не осуждающе. Тон был объективно констатирующий, возможно, с неуловимым оттенком некоторого сожаления. Для мелкого чиновника местного сельского ведомства он был определенно умным человеком. Если по нему можно было судить о штате государственной полиции в целом, то в ней, по-видимому, сконцентрировалась страшная сила.

Отчего же я так смутился, услышав эти слова и увидев свои письма? Было ли это смущение человека, которому указали, что играя в карты, он вытащил из рукава фальшивую?

Всякий допрос — это тоже игра, своего рода домино. Я сфальшивил, нарисовал такую картину, в которую и сам не верил. К этому добавилась неловкость, которую чувствует человек, очутившийся в сложном, трудно поддающемся описанию положении перед собеседником, который точно знает, чего он хочет, и будучи, может быть, более ограниченным, тем более уверен в себе. Как правило, описывая потом такие встречи, люди изображают их упрощенно, в черно-белом цвете. На самом деле они гораздо интереснее.

Впоследствии я узнал, кажется, от д-ра Дрекслея, как получилось с моими письмами. Я часто просил соблюдать с ними осторожность. И вот, когда события приняли тревожный оборот, они спрятали корреспонденцию, придумав для нее такой, замечательный тайник, что сами сомневались, сумеют ли потом его отыскать. Поэтому они нарисовали план, а тот попал в руки полиции. Немецкая аккуратность! К сожалению, там же были и членские списки или что-то в этом роде. Я об этом мало что знал, да и не был любителем заговоров. Не стоит строить ласточкины гнезда на вулкане или пускать кораблик в плавание по Ниагаре. В этом отношении никакой полицейский не мог бы меня ни в чем упрекнуть. Подозрительные идеи, подозрительные знакомства — это да, причем самых различных направлений. Улов в тот раз получился у них немалый, как я узнал впоследствии, слушая рассказы пострадавших.

За мной оставалась еще одна реплика, хотя приукрашивать особенно было нечего. Но, очевидно, они поняли, что не нашли во мне благодарного объекта. Такое сразу видно. Итак, я сказал:

«Все это старые истории. С тех пор много чего произошло. Вернувшись домой с войны, где ты честно выполнил свой долг, ожидаешь не таких гостей; думаю, в этом вы меня поймете».

По-видимому, это произвело на них впечатление. Они больше не возвращались к моим письмам, чему я, конечно, был рад, а у них, должно быть, и без меня хватало дела. Они собрали свои вещи, попрощались и уехали на своей маленькой легковушке. Я слышал, что они еще заехали к деревенскому старосте, чтобы справиться о моем здешнем поведении. Я собрал письма и книги Никиша, а также еще кое-какие бумаги, и развел в саду костер. На этот раз среди них были вещи, об утрате которых я сожалею больше, чем об экспрессионистских стихах, так, например дневник 1933-го года, который начинался с большого фейерверка на Темпельгофском поле. Я начал его с намерением запечатлеть в нем мимолетные черты исторических событий, которые быстро забываются, и ради этого посетил множество мест и людей. Вот это была утрата.

Кирххорст, 2 сентября 1945 г.

Пополудни с учителем «по грибы», не столько собирать, сколько пополнять свои знания. Одновременно мы вели приятную беседу о растениях, встречающихся на торфяниках, и их местоположении например, о кальмии, багульнике, андромеде, росянке, благовонной восковнице, которой тут целые заросли.

У дамбы я заметил уползающую в заросли тростника змею; когда ее стали преследовать, она свернулась в кольцо у подножия березы и зашипела, когда я ткнул в ее сторону палочкой. Это была бархатно-коричневая гадюка, которая так чарующе двигалась, что духовное впечатление от ее скольжения совершенно затмило физическое. Зрелище такого живого ожерелья сильно поражает сознание.

Учитель хотел казнить это животное; я выпросил ему помилование. В таких переговорах приходится действовать через экономические соображения, как например тут:

она, дескать, отлично ловит мышей.

Кирххорст, 3 сентября 1945 г.

В лесах и карьерах между Ольдгорстом, Веттмаром и Энгезеном царило великолепное, пронизанное солнечным зноем безлюдье. Лес — это великий символ смерти. Во время таких походов всегда пробуждаются древние воспоминания, мотивы из круга кельтских образов: ожидание, любопытство, благоговение, грусть, возможно, ностальгия. Это уже не ветер веет в кронах деревьев. Все птичьи голоса становятся вещими, им нечто ведомо, они пророчат.

Мне пришел на ум Счастливчик Ганс, в котором, по моим представлениям, воплощен тип человека, который не приумножил свою мину серебра. (Евангелие от Луки 19, 12–27.) На самом деле полученный дар надлежит с течением лет обменивать, облагораживать, делать весомее, пока он не превратится в чистое золото. Его-то и нужно держать при себе для последнего обмена — как входную пошлину в те врата, за которыми находится источник всех ценностей.

Воротившись домой, я нашел у себя на письменном столе длинный опросный лист от биржи труда. «Подача ложных сведений преследуется судами военной администрации». Теперь у них есть новый хозяин. Я так и знал, что все это будет сохранено, уж больно удобный инструмент. Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда. Предшественник неизменно оказывается дьяволом; будущее же будет блистательно.

Кирххорст, 5 сентября 1945 г.

Деяния Апостолов 23, 5. Представ перед судом синедриона в качестве обвиняемого, Павел ловко вызвал раздор между фарисеями и саддукеями. Это действия человека, который умеет воспользоваться правым и левым подходом — человек, знающий политические реальности. Для сравнения — слова учителя по поводу динария кесаря: он снимает сомнения своим решением. Так ведет себя тот, кто приходит свыше и проходит сквозь реальные факты. Однако основоположник не может обойтись без священников, дух без рук.

Сон Петра о животных значителен тем, что он идет против естества. Он совершенно противоречит тому простому и понятному характеру этого апостола, каким он описывается в Евангелии. Только внешние детали соответствуют ему, поскольку отражают образный мир рыбака. Мне сразу вспоминаются платки, на которых перед харчевнями приморских городов можно видеть разложенные устрицы и других морских животных.

Этот сон имеет огромное значение не только для истории религии, но и для каждого отдельного человека. Когда мы хотим приблизиться к неприятному для нас человеку, этому должно предшествовать внутреннее усилие. Мы должны преодолеть отвращение, переварить то, что нам противно. Если уж Петр, смолоду приученный к строжайшему соблюдению закона кошерности, преодолевает себя до такой степени, чтобы есть скорпионов, то здесь мы видим чудо. Это не прогресс, не развитие, не акт просвещения, а пример мутации, прыжок, преодолевающий колоссальные пропасти и бездны. Сегодняшний европеец находится в том же положении: и если тогда это была пропасть закона, то теперь это ужасное отчуждение, вызванное ненавистью и стародавним историческим разделением.

Кирххорст, 6 сентября 1945 г.

Подобно тому как, согласно Гераклиту, значение незримой гармонии важнее видимой, так и тайное насилие страшнее открытого.

Подсолнухи, черно-желтые сосуды, из которых сочится чистый нектар. Огненный венец окружает своим полыханием черный кружок, по которому опьянело тычутся туда и сюда пчелы, в то время как вокруг сыплется золотистая пыльца. Их теплое, царственное благоухание доводит до умопомрачения, словно разум растворяется в стихиях. Как третий цвет — цвет облачения — сюда добавляется светлая голубизна осеннего зенита.

Среди почты, количество которой все нарастает, лежит письмо Карло Шмида,⁹⁹ который стал министром по делам церкви Южного Вюртемберга. «Горький хлеб», — как он пишет. Так же, как из каждого такого письма узнаешь заодно о том, кто еще выжил, так и из этого узнал про Гёпеля. Впечатление, как будто постепенно складывается новое общество после землетрясения или чумы.

Продолжал Тальмана де Рео. Ну и черный же юмор был у одного советника счетной палаты, который в своем завещании распорядился, чтобы в его похоронах участвовали монахи нищенствующего ордена, которые должны были идти за гробом с громадными восковыми свечами, заранее купленными для этой цели завещателем. Его желание было исполнено, и во время панихиды эти свечи вдруг взорвались и из них посыпались ракеты и петарды, с таким ужасающим треском разлетевшиеся по церкви, словно черт явился по душу этого доброго человека. Должно быть, он был родоначальником тех нигилистов, которые впоследствии так размножились. В «Идиоте» Достоевского можно найти образчик такого человека в лице студента Ипполита.

А чисто сатанинский характер Тальман нарисовал в образе некоего шевалье д'Андриё. Он похвалялся тем, что уложил на дуэлях семьдесят два противника. Иногда он обещал уже поверженному противнику сохранить ему жизнь, если тот отречется от Бога, а затем убивал. По его словам, он поступал так ради удовольствия одним ударом погубить душу и тело.

Этот Андриё однажды, после взятия какого-то замка, бросился преследовать там девушку, желая изнасиловать. Когда он отрезал ей путь, она выбросилась с башни на двор. Он спустился вниз и удовлетворил свою похоть на трупе. Поскольку он, как наивно замечает Тальман, впридачу был еще и вором, то в один прекрасный день его повесили.

Кирххорст, 9 сентября 1945 г.

Ночь провел с Товарищами Бездонного Болота. Там были и альтнеротцы¹⁰⁰ (Alte

⁹⁹ Шмид Карло (1896–1979) — ученый-правовед, преподавал международное право в 1946–1953 гг. в Тюбингене, политик, член СДПГ. Занимался также переводами с романских языков. Самое большое его достижение — это перевод «Les fleurs du mal» Бодлера.

¹⁰⁰ После того как отец подарил Эрнсту и Фридриху Георгу набор юного энтомолога, они много времени проводили на болотах в поисках редких насекомых. Это занятие Юнгер не оставлял всю жизнь, добившись даже научного признания своих заслуг в энтомологии. В компанию братьев попадали и их друзья (Гуго Фишер, Фридрих Хильшер, другие). Эту компанию Юнгер и называл Товарищи Пустого Болота. Alte Nerother (альтнеротцы) — скорее всего — студенческая корпорация Лейпцигского университета, где учился Юнгер после войны. Alte Herr, так называли друг друга студенты после выпускных экзаменов или после того как приступили к профессиональной деятельности. Часто Alte Herr называли Philister.

Nerother). Мы отправились туда на велосипедах вдвоем со Шмицем, пришлось высадиться в зарослях. Они ждали в старом железнодорожном вагоне, который сами затащили в недоступное место, там собрались бывшие студенты Ганноверской технической школы и Геттингенского университета, которые с тех пор успели повоевать в авиации, на подводных лодках или в других войсках. Умы техников меняются; они начинают мыслить более гибко, уверенно и все опаснее. Тут на ночном торфянике они колобродили, точно «Древние вакханты», ставшие предшественниками старых «Перелетных птиц». Мы пили свекольный шнапс и пели песни из книжки, отпечатанной издательством «Ландскнехт» в Виттингене. И тут на болоте много чего ожило.

Чтение: альбом церковного округа Бухведель «Spezialia über die Gemeinde Kirchhorst». (Отдельные подробности о природе Кирххорста (лат., нем.)) Суперинтендант одолжил мне его почитать.

В 1625 году растет счет за вино для причастия, «потому что так много больных по домам, среди рейтаров (Рейтары — вид тяжелой кавалерии в европейских армиях в XVI–XVII вв) тоже, где есть больные и здоровые». Они принадлежали к вторгшемуся тогда Веймарскому войску.

На следующий год упоминаются императорские войска, эти разграбили церковь и дом священника. В следующем году счет за «колокольную смазку» подскочил вдвое против прежнего, «потому что приходилось много звонить по покойникам» вследствие нападения шведов, которые стояли лагерем под Вольфенбюттелем и Зарштетом; их налеты назывались «шведской охотой». В тот год снова был разграблен дом священника, причем вынесли все до последней кафельной печи.

Но кажется, что округа быстро оправилась после пережитых невзгод, так как в 1651 году происходило освящение нового дома священника при участии французских поваров. Надпись над дверью гласила: «Pestis, bella, fames absint, pax vivida vivat. Ao. Dni. 1651 w. (Да сгинут чума, война, голод, да здравствует мир (Ao. Dni, 1651) (лат.)) И этого дома тоже больше нет.

Французская революция отчасти тожедоплеснулась до деревни, поскольку крестьяне отказались держать у себя и кормить собак и лошадей своего патрона во время его приездов на охоту, что входило в число обложений. Их быстро привели в чувство, и они должны были на коленях просить прощения у господина Крам-ма, обещая, что исправятся, его семье до сих пор принадлежит патронат над деревней.

В конце XVIII—начале XIX века тут побывала супруга геттингенского профессора Шпангенберга, приезжавшая навестить своего брата Томаса Людвиг Вер-са, который был другом Гельти и одним из основателей союза «Хайнбунд». (Гёттингенский кружок поэтов (1772–1774), почитателей Клопштока) Она написала об этом: «Я поразила культуру здешних крестьян. У них есть такие знания, которых я у них не ожидала и которые, однако, не нарушают простоты нравов». К этим годам относятся и красивые надгробия, которыми я часто любовался.

Вот так всегда и жилось людям — то лучше, то хуже. Даже этот захолустный уголок позволяет увидеть, что в развитии культуры, кроме великих периодов, есть малая периодичность. Немножко затишья между ветрами, немножко солнца, и вот уже расцветают цветы и зреют плоды на склонах. Ростки всегда тут как тут. На такие солнечные уголки и часы нужно надеяться, когда климат портится. Для этого требуются таланты ящерицы.

Кирххорст, 12 сентября 1945 г.

За мной зашел Розенкранц, чтобы нам вместе пойти на ботаническую прогулку к Донскому пруду. По дороге мы беседовали о нарккотиках и фармакопее. Странное выражение — «препараты растительного и животного происхождения». Ведь есть понятие «лекарственные растения», но нет «лекарственных животных». Я полагаю, что это соответствует различию между удобрениями растительного и животного происхождения. В природе для роста растений достаточно одного гумуса, но в культурном земледелии необходимо добавление животного удобрения, как более действенного средства, чтобы уравновесить повышенное потребление. Так, горожанину требуются лекарства, добываемые из желез ядовитых змей или отходов скотобойни. У болезни развивается повышенный аппетит. В конце концов сам человек становится лекарством.

Сырьем для фолликулярных препаратов служит моча беременных женщин, которую собирают в родильных домах. Собирают ее медицинские сестры; чтобы поддержать их усердие, им дарят большие бомбоньерки. Тут мы возвращаемся к старинным приворотным зельям, сначала в косметике, так как эти средства должны подтягивать грудь и разглаживать морщины, но кроме того они славятся и тем, что усиливают женские инстинкты. Человек — самое сильное лекарственное средство.

Это напомнило мне старого фельдшера Дица, который оставил после себя превосходные мемуары — настоящий клад всевозможных сведений. Он описывает там поле боя, на котором осталось лежать шесть тысяч убитых турок. Его коллеги собирали тестикулы, из которых «делают наилучшее мумиё». Мумиём назывался один из стимуляторов-афродизиаков. Тогда еще ничего не знали о гормонах, в наше время «гормоны» стало модным словом. Это мероприятие, как и пальба раскаленными ядрами, относилось к числу действий, дозволенных в войне с неверными. Война между атеистами вызывает нечто подобное в более абстрактном плане.

Интерес к человеческим отходам, и не только к ним, требует к себе особого внимания, а вернее сказать, бдительности. Никогда нельзя знать заранее, куда заведут опыты, проводимые сначала на крысах, мышах и жабах. Переливание крови предполагает необходимость в донорстве, а всегда ли оно происходит на добровольных началах? Я слышал о существовании тюрем, в которых у осужденных перед казнью сначала забирали кровь. Вакцина против сыпного тифа была откровенно оплачена ценою человеческих жертв, причем отнюдь не добровольных. Вот мы и очутились в древнем мире фетишей, что означает огромный регресс по сравнению с Гиппократом и его принципом «*nil nocere*», («Не навреди» (лат.)) и целые отрасли промышленности готовы в него вступить. Так что органическая химия, как и любая из наших наук, тоже обнаружила свою темную сторону и, возможно, одну из опаснейших.

Уже наметились признаки, зачатки ученого каннибализма, зачастую весьма откровенные. К этому не может не устремиться всякое чисто экономическое мировоззрение. Это торжество эксплуатации. Затем совершенно внезапно может наступить не ускоренное загнивание, как полагал Буркхардт, а демоническая кристаллизация, которая происходит в условиях резкого понижения температуры.

В качестве техника, духовно-абстрактного существа, человек неизбежно является врагом и эксплуататором естественного и культурного человека. Следовательно, человек должен обезопасить себя от самого себя каким-то способом, который невозможно было предусмотреть ни в те времена, когда принимался акт «*Nabeas corpus*», («Пусть ты имеешь тело» (лат.)) — первые слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским

парламентом в 1079 г.) которым устанавливалось положение о личной неприкосновенности, ни тогда, когда провозглашались права человека. Рабочий должен оградить область своей свободы.

Леон Блуа отмечает в своем дневнике 20-е апреля как радостный день. В этот день до него дошло известие о том, что Кюри, «сатанинский изобретатель радия», погиб в результате несчастного случая. Такие места можно часто встретить у Блуа; создается впечатление — то ли он сумасшедший, то ли провидец, в любом случае это незаурядно.

Кирххорст, 13 сентября 1945 г.

Тринадцатая глава первого послания Павла к Коринфянам представляет собой гениальную кульминацию, причем происходит это за счет величайшей простоты. Там, где свет его ума изливается преломленными лучами, читать его довольно трудно, а тут вдруг такая теплота и легкость. Тут сохранилось что-то от «говорения языками», мастерское владение которыми, как он говорит немного выше, ему дано; потому-то этой главе на всех языках присуща особенная глубина, своеобразная эвфония.

В необычайно важном 12-м стихе происходит взаимопроникновение платонического и христианского мировоззрения. В переводе Лютера: «Wir sehen jetzt durch einen Spiegel in einem dunklen Wort», («Мы видим сейчас как бы сквозь зеркало в темном слове» (нем.) (в библии: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло...»)) — неточно отражает топографию, которая кроется в аблативе.

Мы видим сейчас в зеркале загадочную картину. Зеркало — наше средство; оно — наше чувственное восприятие, на поверхность которого бытие отбрасывает свою тень. И как во всяком зеркале, ему недостает глубинного измерения; оно дает лишь отблеск действительности. Ее не обрешь, вступив внутрь зеркала; из него надо выйти

Пришло первое письмо от матушки и сняло с моей души одну из главных забот. Все эти сообщения более или менее фантастичны. Мы были участниками такой катастрофы, какие нам были знакомы только по старинным хроникам. Жизненная волна качнулась вниз и обрушилась и миллионы людей вместе с нею, барахтаясь в прозрачном кристалле. К этому надо добавить, что разорение постигло такие пространства, где сознание достигло высочайшего развития. Возможно, археологические наклонности, помпейские настроения уже представляли собой увлечение, в котором выразились предчувствия.

Кирххорст, 14 сентября 1945 г.

Дочитав шестой том, я закончил чтение «Анекдотов». Сент-Бёв высказал очень меткое суждение о Тальмане: он говорит, что у него был природный талант к анекдоту, как у Лафонтена к басне. Было бы просто жаль, если бы Тальман собрал воедино свой фрагментарный материал и переработал его, как было первоначально задумано, в историю Регентства. Вся прелесть как раз в преходящих, будничных чертах, в отсутствии строгой последовательности; здесь видно, как складывается история, как сливаются отдельные струйки. Генеалогические заметки подобны семенам; они всходят, образуя побеги, характерные черты и нелепости, украшаясь цветами анекдотов, шуток, кончетти и каприччио, плоды созревают на многообразных полянках. Тут мы попадаем в XVII век, равно удаленный от Средневековья и от национального государства. У свободы еще есть добротный противовес.

Ныне, в особенности после того, как было уничтожено поместное дворянство и стерты

различия между ремеслами, подобный опус уже невозможен. Силой, которая порождает исторический анекдот, являются яркие исключительные случаи. Нужна живая мифотворческая основа, как например та, что была заключена в Старине Фрице,¹⁰¹ в Маленьком Капрале. В них проглядывают архетипы. Величие состоит не в количественном свойстве. Если Карл Краус сказал: «По поводу Гитлера мне ничего не приходит в голову», — это было о том же. То, что можно было услышать там, имеет скорее окраску абсурдности, гротескности, нездешности, не уместается в исторических рамках. В наше время рассказы меняются, что можно наблюдать при встречах бывалых людей. Рассказ теряет характерологический элемент и приобретает больше движения. Вместо персонажей в нем проступают ситуации. Судьбы принимают вид математических кривых, четких испытаний и задач. Любой человек может быть помещен в эти обстоятельства, с тем чтобы справиться с ними или потерпеть неудачу, как это уже намечается в анекдотах Клейста. Особенно наглядно это видно в историях Эдгара По, которые, скорее, похожи на математические выкладки.

Темой является овладение динамическим миром. Оно может быть осуществлено только при опоре на неподвижное, из центра. Поэтому в рассказах всегда присутствует тайный поиск центральной точки, которая соответствует географической устремленности к полюсам. Там располагается кульминационная точка опасности и там ее побеждает смельчак, как это происходит у Эдгара По в «Малыптреме» и у Джозефа Конрада в «Тайфуне».

В этом поиске центральной точки заключается проблематичность, экспериментальный характер нашей литературы и наших условий в целом. Предположим, что будет найден тот центр, из которого можно управлять нашей землей, руководит ею — центр, к которому все отчетливее устремляется наша воля, выраженная в духовно-политических формах и технических феноменах. Это было бы поверхностным, техническим решением, если бы одновременно не разверзалась новая бездна. Новизна означает здесь заново делаемое открытие долговечной, прочной основы во временных рамках земного существования. Лишь это стало бы завершением века открытий, прогресса и его рабочих мастерских. Человек построил себе новый дом.

Полюса представляют собой не только точки на поверхности, в то же время они являются осью, имеющей высоту и глубину. Единство мира в виде чисто поверхностного порядка открывает ужасающие перспективы. Невольно возвращаешься все к тому же: что-то должно произойти в самом человеке, чтобы уравновесить колоссально возросшую силу, своего рода внутренний взрыв, который, правда, не зависит от его воли. И все же есть некоторые предвещающие его признаки — в первую очередь то, что появилось ощущение нехватки, желание ее восполнить. Это неотъемлемая часть христианского наследия, которое обладает длительной силой воздействия, как прививка, оставляющая неизгладимый след.

При чисто античном мировоззрении проблемы были бы проще, но решения вернули бы нас на давно пройденную ступень. Состояние совершенства было бы достигнуто раньше; ведь оно по сути дела основывается на согласии, на довольстве. Между тем нас не удовлетворяют наши характеры, строения, произведения искусства, и это добрый знак. Если бы мы в какой-то момент начали воспринимать нынешние произведения нашего творчества как совершенные, это было бы чревато опасностью преждевременного, несанкционированного завершения. Тогда это творчество сразу стало бы очень красивым, застыв в ледяном великолепии.

¹⁰¹ Der alte Fritz — прозвище прусского короля Фридриха II (1712–1786), героя многочисленных исторических анекдотов

Пополудни копался в земле; грядки уже освобождаются от ранних плодов. Затем на велосипеде в безлюдные леса в окрестностях Ольденгорста. Старые можжевельники особенно настраивают на мечтательный лад. Там расположены охотничьи угодья Германна Лёнса. Сегодня он наверняка тоже залюбовался бы хохлатой синицей, которая чрезвычайно грациозно скакала по веткам соснового бора. За хохолок, венчающий головку этой птички, ее еще называют королевской синицей. В этих стоящих торчком перышках есть какая-то прелестная отвага слабого существа.

На деревенских пастбищах доярки сзывали своих коров: «Muttchen», то есть «матушка» — слово звукоподражательное, но в то же время со смысловым значением, ведь корова и впрямь воплощает в себе мирное материнское царство в противоположность патриархальному коню. Ей соответствуют деревянная утварь и глиняная посуда, коню же — звонкое, жизнерадостное ржание, труба, звон копыт, бряцание оружия и доспехов.

Кирххорст, 15 сентября 1945 г.

В великом состязании между воителями слова и познания Ривароль в сравнении с Вико, Гердером и Гаманом все-таки остается одноруким бойцом: в нем сидит одна вольтеровская половина. Я спотыкаюсь на этом при переводе, как, например, сегодня, дойдя до того места, где он говорит о Национальном собрании. Может быть, лучше перевести его выражение «Les consequences de ses principes» («Результаты этих принципов» (фр.)) как «die Fruchte ihrer Saat»? («Плоды того, что они посеяли» (нем.)) Во всяком переводе есть свой риск, но без риска ничего путного не выйдет. В эту работу нужно добавить фантазии в виде пряности. Здесь проходит граница, за которой уже недостаточно проникновения в текст, а требуется еще и интуиция.

Притом нужно учитывать, что в каждом произведении живет его сокровенный прообраз. Его сущность заключена в том, что не поддается словесному выражению, в его идее, задаче, которая отражается в языке, как в зеркале. Если удастся проникнуть в эту зону, то возможны такие случаи, когда перевод оказывается выше оригинала.

Почтальон принес первую посылку, подарок от Урсулы Лампе,¹⁰² которая обогатила мою библиотеку комментариями Лихтенберга к офортам Хогарта. Кроме того, пришло письмо от д-ра Гёрстеля с замечаниями к трактату о мире.

Размышления о том, возможно ли вообще, чтобы одна из держав-победительниц считала объединение Европы желательным, без сомнения важны, но имеют второстепенное значение, поскольку они зависят от того, как сложатся обстоятельства. Для Германии оно представляет жизненно важный вопрос, для Франции и для маленьких государств также. Как, например, может быть иначе решен польский вопрос или вообще перестать быть вопросом? Либо все найдут пути сближения, либо погибнут.

Кирххорст, 16 сентября 1945 г.

Есть два пути, чтобы победить движение человеческих умов к нулевой точке. Можно ограничиться сообщением рациональных правил навигации, которые помогут выйти из ледяной зоны, а можно показать картину изобилия, царящего в южных широтах. Тогда

¹⁰² Лампе Урсула — дочь крупного немецкого библиофила и писателя Фридо Лампе, по недоразумению расстрелянного советскими солдатами 2 мая 1945 г.

нужно продемонстрировать плоды. К их числу принадлежит стих. Слово дает образчики того, что можно найти в Новых мирах, приносит с собой ароматы и семена растений, произрастающих на южных островах. В этом смысле в нем есть пророческая половина, которая соответствует этимологической составляющей. Оно обладает не только исторической, но и творческой силой. Поэтому одним из признаков упадка служит вымирание поэтов.

Зачатие есть воспоминание о великом зачатии, и способность к зачатию — наш бенефиций, которым мы облечены в земной жизни, земной символ созидательной силы и знак посвящения. Пол — облачение священного сана.

Женщина для зачинающего то же, что земля и космос для творца. Соединение есть воссоединение, есть воспоминание о доначальном бытии. Акт сотворения производит великое разделение. Мужской ритм определяется светом и солнцем, женский — землей и луной. В каждой зачатии сочетаются солярные и теллурические силы, познавая единство, лежащее в основе мироздания. Это проявляется всюду, где происходит встреча полов: увидев мужчину, женщина опускает глаза долу, мужчина же поднимает взор. Это — формы поклонения.

В состоянии экстаза растет оборот, но не капитал. Он выражается в увеличении показателя степени, но не корня. Поэтому можно сказать: экстаз умножает, но у него отсутствует высшая способность сложения, которая прибавляет что-то новое и иное и которая свойственна эросу.

Опять потеплело. Каждое утро я проверяю, как поживают турецкие бобы, которые я посадил слишком поздно. Однако нам милее всего те плоды, которые с трудом удается вырастить в нашем климате, горох, который мы рискуем посадить в феврале, и бобы, которые мы сажаем в междурядья земляничных грядок, после того как уберем землянику.

Иоганн Тимотеус Гермес, автор «Путешествия Софии из Мемеля в Саксонию», умерший в 1821 г. в звании профессора теологии в Бреслау, (Немецкое название польского города Вроцлав) считается незначительным подражателем Ричардсона.¹⁰³ Мне хочется поставить ему небольшой памятник, хотя или потому что знаю его только по одной церковной песне, которая начинается так:

Ich hab von ferne,
Herr, Deinen Thron erblickt
Und hätte gerne
Mein Herz vorausgeschickt,
Und hatte gem mein mudes Leben,
Schöpfer der Geister, Dir hingegeben.

(Издали,/Господи, я узрел твой престол/И рад бы послать туда мое сердце,/И вручить тебе, творец духа,/Мою усталую жизнь (нем))

В пяти строфах этого стихотворения разворачивается необычное для начала XIX века подлинное видение, вероятно, связанное со смертельным заболеванием, которое обнажило дух, сняв с него почти все телесные покровы. В его языке слышится какое-то элевсинское

¹⁰³ Ричардсон Сэмюэль (1689–1761), английский писатель. Создатель европейского семейно-бытового романа в эпистолярном жанре. Связанное с просветительским реализмом творчество Ричардсона вместе с тем близко сентиментализму.

звучание,¹⁰⁴ которое невозможно просто придумать.

Хуже всего — это оказаться в роли обидчика по отношению к негодьям. Тогда они принимаются читать тебе мораль, и нет более неумолимого судьи, чем тот, который, во-первых, прав, а во-вторых, негодяй. Шейлок дает об этом только слабое представление.

А уж *non plus ultra* (Верх искусства, непревзойденная вершина (лат.)) в этом смысле — это суд, составленный из убийц и пуритан. Это значит, что нож, которым орудует мясник, получил моральную рукоятку.

Хорошо заметил старый криминалист Фейербах,¹⁰⁵ что «если преступник решился на убийство из корыстных побуждений, это еще не значит, что он убил только ради корысти. Почему грабитель зачастую старается сперва раздражить свою жертву мелкими оскорблениями и вызвать ее на споры и перебранку? Потому что в гневе ему нужен ревностный помощник».

Вот этой услуги и не следует им оказывать. Какое ликование поднимается, когда противник той партии, которая в ходе гражданской войны готова перейти к нападению, совершает проступок, а ведь в таких условиях все засчитывается как вина. В этом состоит опасность покушений; тем самым оказывается услуга противнику. Часто он сам же и подбивает заговорщиков на этот шаг.

Каждой крупной массовой расправе предшествует литература, толкующая о подлости противника. Сначала у него отнимают достоинство, а затем и жизнь.

Образ Разумихина в «Раскольникове» Достоевского. Это материал, из которого затем делаются большевики. Этот образ сродни позитивистскому герою тургеневских «Отцов и детей». Этому типу совершенно недоступно ничто высшее и духовное, трудно даже понять, на чем основано его чувство превосходства. Однако у него доброе сердце, и он очень надежен в дружбе. Поэтому можно надеяться, что он когда-нибудь созреет.

Изображая Разумихина и показывая его ограниченность, Достоевский говорит о нем с симпатией. Это признак широкого подхода, при котором персонажи не стеснены слишком узкими рамками.

Кирххорст, 19 сентября 1945 г.

К вопросу о медицине. Это только кажется, что действие одних средств снимается другими, противоположными, поскольку боль при этом только затаивается. Точно так же взаимно уничтожается действие веса и противовеса на весах: стрелки весов ничего не показывают, однако на весы действует двойная нагрузка, они ее выдерживают, пока не сломается коромысло.

В наши дни каждый встречал среди круга своих знакомых тип перегруженного человека, который подхлестывает свою работоспособность стимуляторами и не может

¹⁰⁴ Элевсин — город в Аттике, недалеко от Афин, в нем происходили так называемые элевсинские мистерии в честь богини Деметры и ее дочери Персефоны.

¹⁰⁵ Фейербах Пауль фон (1775–1833) известный немецкий юрист и мыслитель, отец философа-материалиста Людвиг Фейербаха

заснуть без снотворных. Происходит незаметный износ организма. Оборот растет за счет капитала, того основного резерва, который исчерпывается без остатка. И вдруг бац — бамбук треснул. Мы спрашиваем себя, как же это могло случиться с человеком, которого мы еще вчера видели таким бодрым и энергичным. Ось не выдержала, коромысло весов надломилось.

Надо ли бороться с благородством ребенка, предвидя в нем угрозу его будущей безопасности?

Та частичная слепота, которую у людей принято называть зрением.

Что было бы странно, не будь того, что принято считать нормой?

Кирххорст, 20 сентября 1945 г.

Готовность матерей обречь на смерть одного сына ради того, чтобы другой тем более укрепил свое могущество — черта очень древняя, позволяющая сделать определенное заключение о первых дочерях, их родственной близости к прамати. Как знать, не было ли сговора между Евой и Каином? На ранних этапах существования любовь обращается на дерзких и сильных, ведь и земля рождает, следуя демократическому принципу, в распределении же действует согласно аристократическому.

К этому типу относилась Парисатис, мать Артаксеркса Второго; вообще нижний этаж человеческой истории удобно изучать на примере персидского дома. Там он долго продержался и благодаря Геродоту перешел в историю как не исчезнувший при пробуждении сон.

Впрочем, там, где земная мать выступает как мать-земля, всякий становится сыном, и всякое убийство — братоубийством, независимо от того, было ли это убийство отца, совершенное сыном, или убийство супруга, совершенное любовником. В этих глубинах происходит страшное упрощение.

Парисатис вступила в брак со своим братом Дарием Вторым.¹⁰⁶ О ее значительности можно догадаться хотя бы по тому, что после победы Артаксеркса она сама смогла отомстить за любимого сына. Подобно Клитемнестре и Медее, а также Алтее, убившей своего сына Мелеагра, она входит в сонм фурий. От образа фурий сохранился один только реверс, то есть их страшная сторона, между тем они обладали могучей колдовской силой и всей полнотой средств, свойственных их полу.

Невозможно устоять против материнского призыва к кровопролитию, когда в братской распре мать зовет сыновей на баррикады, призывает во время войны на битву. Тут она может обрести блистательное величие фурии, указывающей путь своим сыновьям, когда она, обнаженная, ведет их вперед, как это можно видеть на изображениях, украшающих триумфальные арки.

Как знак того, что Клеарх¹⁰⁷ и его офицеры убиты, над шатром сатрапа

¹⁰⁶ При Дарии II (424–404 до н. э.) центральная власть вследствие интриг в гареме ослабла, что привело к росту самостоятельности отдельных сатрапов Ахеменидской державы. При Дарии III (336–330 до н. э.) Александр Македонский завоевал Ахеменидскую державу

¹⁰⁷ Спартанский полководец, участвовавший в войне Кира младшего против Артаксеркса, павший жертвой

Тиссаферна,¹⁰⁸ взмывает алый флаг. Можно сказать, что его пламенный цвет возникает из мифической тьмы как сигнал, вновь и вновь повторяясь в истории, причем люди зачастую не понимают его смысла. Сродни ему и красный ковер, который расстилает перед Агамемноном Клитемнестра, когда тот при своем возвращении вступает в микенский дворец. А баня уже натоплена, сеть сплетена и наточен кинжал, которым поразит его убийца во имя подземного Плутона.

«Общеизвестно» значит то же самое, что «известно почти всем». Когда говорится: «общепризнано», это одновременно подразумевает и наличие некоторых исключений. Неточность языка особенно четко проступает при различной градации. «Я это знаю; я это определенно знаю; я это знаю совершенно определенно» — такого рода степени усиления логически совершенно излишни, однако как существа, наделенные страстью, мы без них не можем обойтись.

Кирххорст, 21 сентября 1945 г.

Как-то на окраине города, на пустыре, разбил свои палатки цирк Белли; я повел туда детей. Для них, только проснувшихся в военное время, это было откровением. Присутствовать при этом было большим наслаждением.

Глядя на их восторг, я понял, что появление такого предприятия среди мира, лежащего в развалинах, приносит с собой не просто развлечение. Его развевающиеся флажки означают восход звериного круга и новых божественных знаков.

Вырвавшись из-под власти воинственного Марса, ты попадаешь в другую ауру, в более тонкую и легкую атмосферу. Тут властвуют Нептун и Меркурий, Стрелец и Весы, знаки огня и воды. Образы часто напоминают военные, но они настроены в другом ключе. Различия наблюдаются в области силы тяготения, которую военный человек рассматривает как средство к достижению победы, в то время как гимнаст и фокусник хотят преодолеть ее власть. Крылья, с точки зрения военного, — это масса, которая поражает цель, чтобы ее разрушить, в то время как здесь проблема ставится иначе — как взлететь, не имея крыл.

Это сказывается во всем, вплоть до мелочей. Музыка в этих шатрах не маршевая. Она должна вызывать не напряжение, а настроение радостного ожидания. Выездка лошадей имеет скорее танцевальный, чем военный стиль; на них не скачут вооруженные люди, а скорее лошади сами подлаживают свои движения к движениям красивых женщин, которые парят над их спинами. Тоненькое, бесполезное существо, это присоединяется к действию эквилибристика. Стрельба здесь тоже становится фокусом; искусные стрелки не стремятся попасть в напарника, а метят так, чтобы выстрелы ложились вокруг него по контуру, и в роли такого напарника часто выступает женщина. Никто никого не стремится убить, как во враждующих армиях; смерть, как и сила тяготения, выступает как сущность, через которую человек перескакивает, над которой он одерживает изящную победу. В этом состоит смысл прирученных львов, канатоходцев и воздушных гимнастов, а также шквалов безудержного смеха, сменяющихся оцепенелым молчанием. Это приносит с собой огромное чувство освобождения.

Характер Меркурия носит блестящая канитель, номера фокусников, внезапное,

вероломства персов.

¹⁰⁸ персидский сатрап Лидии, в 413 г. до н. э. заключил союз со Спартой, после битвы при Кунаксе в 401 г. до н. э. приказал убить вождей греческих наемников

происходящее точно по мановению волшебной палочки, сворачивание шатров, персонал бродячей труппы — это пестрое сборище людей всех национальностей. Торговая сторона Меркурия отступает здесь на задний план, ведь в конце концов плата, взимаемая за вход, имеет здесь такое же второстепенное значение, как для воина его солдатское жалование. Здесь чувствуется участие волшебных преобразующих сил. Сквозь наслоения просвечивают древние истоки фокусничества. Возможно, фокусник начал странствовать по свету раньше, чем торговец, и странствовал увереннее.

Превосходна была одна группа акробатов на трапеции в лазурно-голубых трико с серебряным кантом. Цвета неба и воздуха лучше всего идут к такому роду представлений. То же самое относится и к воздухоплаванию: в этих цветах должны быть выдержаны аэропорты и дирижабли, аэропланы и костюмы летчиков. Сюда встраивается, наряду с другими свойствами алюминия, и его цвет: алюминий — икарый металл.

Кирххорст, 22 сентября 1945 г.

... незнакомые с древними языками, греческими мифами, римским правом, Библией и христианской этикой, французскими моралистами, немецкой метафизикой, всемирной литературой. Карлики в том, что касается истинной жизни, голиафы техники, а потому исполины в области критики, разрушения, в котором, неведомо для них, заключается их истинное предназначение. Обладающие невероятной ясностью и отчетливостью зрения во всем, что относится к области механических причин; жалкие, недоразвитые уродцы, близорукие во всем, что касается красоты и любви. Одноглазые титаны, темные умы. Эти враги всех творческих сил, отвергающие их существование, которые, даже объединив свои усилия, не способны и за миллионы лет создать нечто такое, что могло бы стать наравне хотя бы с единой травинкой, пшеничным зернышком, крылышком комара. Чуждые стихам, вину, мечте, играм и безнадежно запутавшиеся в лжеучениях недалеких, высокомерных наставников. Но и у них есть свое предназначение.

Кирххорст, 23 сентября 1945 г.

Ich bin nur ein Gast auf Erden,
Oben ist mein Vaterland;
Wird die Welt zerstört werden,
So geht an mein Ehrenstand.

Johann Jakob Rambach (1693–1735)

Вот те христиане, которых нам нехватало.

((Я лишь гость на земле, /В вышине моя отчизна, /Когда земля погибнет, /Я пребуду во славе. Иоганн Якоб Рамбах))

На торфяном болоте снова цветет розмарин. Неужели прошел всего лишь год с тех пор, как мы смотрели на него с Эрнстелем? И, как всегда, остается все-таки великий вопрос, который неизменно встает, когда исчезает человек: куда он ушел? От этого зависит все остальное; и наше жизненное поведение тоже.

Вечером заходил доктор Дейтельмозер. Мы беседовали в библиотеке, в первую очередь о различии слов segnen и weihen, stiften и gründen, feien и heiligen. (Segnen — благословлять; weihen — освящать, посвящать; feien — делать неуязвимым; heiligen — освящать, святить (нем.))

Я узнал от него, что Фридрих Хильшер обосновался в Марбурге. Кружки националистов напоминают мне сейчас сидящих вокруг костра людей, готовых пуститься в путь. Это было истинное их место; берлинские мансарды и гамбургские погребки представляли только дань стилю той эпохи. Утром все разбредалось в разные стороны, чтобы испытать себя в деле, как говорится в сагах. Кому повезло, пал на поле сражения. Другим пришлось бежать за границу, на них шла облава, их убивали, казнили, пытали, иные от безысходности предпочитали покончить самоубийством. Они становились командующими, шефами полиции, штатгальтерами, (Штатгальтер — наместник (нем.)) мятежниками, каторжниками, а под конец лишились всех этих значений, как набор игральных карт, которые после игры складываются в колоду.

Отчего же многие из этих вечеров все еще так живо сохраняются в памяти? Верно оттого, что все это уже в них содержалось, но до поры еще мантически, в более возвышенном и общедуховном плане, еще не огрубленное, не суженное до однолинейности, не обернувшееся бесповоротным фактом, после того как перешло в действие. Поэтому в воспоминаниях установилось своего рода перемирие между встречавшимися друг с другом представителями враждебных лагерей. Иногда в периоды кризисов у меня бывало такое ощущение, что в события тем или иным способом вмешиваются люди такого умонастроения: может быть, останавливая какие-то судебные процессы, уничтожая какой-нибудь документ или в нужный момент держа наготове самолет. Бидергорн — прототип такого человека.

Возвращение в историческое время мифических фигур: как светло становится, как радостно. Очевидно, Ницше пережил что-то подобное в Турине. У исторического человека есть предзнание, которое радуется узнаванию.

Они вступают к нам сквозь замурованные, забытые двери. Это — живая вода, пьянящее вино. Все остроумнейшие выкладки, объясняющие побудительные причины истории, теряют тогда свою силу, превращаются в уловку образа, (Здесь автор употребляет слово Gestalt, т. е. образ.) в шнурки, которыми поднимается завеса.

Кирххорст, 24 сентября 1945 г.

Разборка бумаг подходит к концу. На Ш я с сожалением отметил отсутствие писем Штюльпнагеля,¹⁰⁹ не осталось ничего, кроме нескольких листочков с ботаническими замечаниями, которые я, очевидно, счел безобидными. У него были неожиданные увлечения, так, его интересовали византийская история и пасленовые растения. В то время я иногда наведывался на большие мусорные свалки на краю Булонского леса со стороны Сюрена. Там, кроме других видов пасленовых, цвели перуанская ядовитая ягода никандра, багряник, дурман. Это становилось темой многих вечерних бесед. Порой наутро ему приходила по этому поводу еще какая-нибудь мысль; тогда он присылал одну из этих записок.

В его папке лежали письма других Штюльпнагелей; они составляют очень разветвленное семейство. «Нагель» восходит к вендскому слову, которое означает что-то вроде «начальника»; это были штольпские Нагели. С первым я познакомился в 1916 году в валансьенском госпитале. Две недели мы там под дождичек играли в карты. Мне

¹⁰⁹ Речь о Карле-Хейнце Штюльпнагеле (1886–1944), генерале, в 1942–1944 гг. — он был главнокомандующим немецкими войсками во Франции. Деятель Сопротивления, одним из первых присоединился к заговору 20 июля 1944 г., за что и был казнен нацистами. Его брат, Отто фон Штюльпнагель, был с 1940 по 1942 гг. главнокомандующим немецкими войсками во Франции. Будучи противником нацизма, тем не менее остро переживал поражение Германии, покончил собой в плену в 1948 г.

приходилось мешать за него карты, потому что у него была прострелена кисть. Другой был моим командиром в Ганновере, третий занимался в двадцатые годы в министерстве рейхсвера изучением испанского народного восстания против Наполеона. У него можно было по вечерам застать множество родственников. Возможно, это был Отто фон Штюльпнагель, «черный» Штюльпнагель, которого я встретил в Париже, он был предшественником своего двоюродного брата Штюльпнагеля «рыжего». Типичны для этого семейства крупные белокурые jovialные мужчины, чрезвычайно положительные; все они служили в армии. Иногда среди них встречаются мусические натуры. Из таких семейств выходят сплошь генералы, как из других врачи или священники.

Для Генриха оказался неблагоприятным тот факт, что в Париже у него был предшественник, его тезка. Для парижан это имя было вроде марки «mille boeufs» (Букв.: «тысячи быков» (фр.)), стоявшей под распоряжениями и объявлениями командующего. Почти никто не заметил смены лиц, хотя это был совершенно другой характер.

Отто был совершенно не тот человек, чтобы при сложившемся положении справиться с трудностями. Чуть больше дипломатии, и можно было бы многого избежать, хотя можно ли было представить себе, чтобы человек с чувством ответственности справился в этих условиях? Он выступал важно, как испанский гранд, в лаковых сапогах с высокими голенищами и с золотыми пуговицами; в остром на язычок «Рафаэле» он заслужил себе прозвище «Король Щелкунчик». Он отличался любезностью, был нервным и его окружала атмосфера какой-то меланхолии.

Должность военного начальника, проконсула в оккупированной Франции вовсе не давала такой самодержавной власти, как представляли себе парижане. Это была административная должность, доставлявшая много забот и мало славы. По-настоящему вся военная власть находилась в руках главнокомандующего Западного направления, которым тогда был Рундштед, а после него Клюге — «умный Ганс», который отравился после 20 июля.

Административное управление завоеванной страной тем проще, чем культурнее, цивилизованнее эта страна. Этим объясняется успех Александра в Персидской империи, неудача Наполеона в России и Испании. Устройство административного штаба во всех деталях повторяет организацию оккупированного государства; оно паразитически накладывается на существующие условия и оказывается тем эффективнее, чем незаметнее и даже неощутимее протекает его деятельность. Это предполагает, что эксплуатация происходит в разумных границах. В пределах этих границ можно рассчитывать на поддержку побежденной стороны, которая также заинтересована в том, чтобы не допустить анархию, грабежи, разрушения, насилие и голод среди населения.

Это конкретная задача. Отто фон Штюльпнагель, конечно, также не был заинтересован в волнениях. Повод для них могла дать не столько деятельность военного начальника, сколько идеологические меры, принимаемые теми силами, которые вопреки воле военной администрации внедрили в оккупированной области сначала отдельными щупальцами, затем широким фронтом.

Кроме начальника военной администрации и главнокомандующего западным направлением, во Франции работали германское посольство и служба безопасности, не говоря уже о других более или менее самостоятельных силах вроде военно-морского ведомства, абвера и отдела пропаганды. Их интересы постоянно пересекались и даже вступали в противоречие друг с другом. Вследствие этого возникла система офицеров связи, переговоров и согласований, зачастую также и уступок.

В особенности служба безопасности развертывала все более угрожающую деятельность. Между ней и «Мажестиком»¹¹⁰ завязалась упорная борьба за власть, сначала по поводу того, кому должно принадлежать право посылать наверх доклады о положении дел, затем о полицейских функциях, которая спустя четыре года закончилась ликвидацией начальника военной администрации и ряда его сотрудников.

Подковерные происки службы безопасности были несовместимы с упорядоченной работой администрации. Не говоря уже об их неприемлемости с точки зрения морали, в них просто не было здравого смысла. Аресты и отправление в лагеря евреев, масонов, коммунистов, красных испанцев и националистов происходили ежедневно и вызывали волнения в стране. Евреев заставили носить желтую звезду и отмечать специальными знаками свои лавки. Это привлекало к ним симпатии общественности, еще больше этому способствовали сцены, разыгрывавшиеся при арестах. Попавшие в безвыходное положение люди выбрасывались из окон или травились. Однажды была взорвана синагога. В этих безобразиях участвовал тот бродильный слой, который всегда образуется во всякой побежденной стране. Здесь мне снова особенно бросилось в глаза то же самое, что меня так неприятно поражало в Германии: власть, получившая в свои руки все средства управления, тем не менее боялась отказаться от преступных методов, прибегала к подпольным средствам.

Начальник военной администрации не мог ничего с этим поделать. У него в руках было короткое плечо рычага, и в Берлине его не слушали. Затем стали происходить покушения и посыпались грозные запросы, какие приняты ответные меры. Кейтель и Гитлер по телефону срочно требовали рубить побольше голов. Это приводило к такому парадоксальному результату, когда, например, администрация в своих отчетах старалась по возможности скрыть факт покушения. Скрыть гибель коменданта Нанта, убитого неустановленными лицами, было, разумеется, невозможно, и из Берлина пришло требование казнить за это двести заложников. Тогда началась торговля за головы; сперва начальнику администрации удалось снизить требуемое количество до ста человек, затем он попытался подсунуть в их число преступников, уже осужденных на смертную казнь, в некоторых случаях по приговорам французских судов. Он походил на должника, осаждаемого ужасными кредиторами, который пытается наскрести столько, сколько получится. Что касается преступников, то это предложение не было утверждено. Их не признали за удовлетворительных заложников. Это, к сожалению, имело под собой основание: настоящий заложник — невинный человек. И власть предержавшие всегда это понимали.

Вследствие всего этого имя Отто появилось под объявлениями, после которых температура человеческой атмосферы упала до нуля. Этого и добивались те, кто производил покушения; было даже подозрение, что комендант Нанта погиб в результате операции, проведенной спецотрядом, который прибыл морем или был сброшен на самолете.

При таком положении можно подать в отставку по той причине, что терпеть его значило бы для вас идти против своей совести. Но как быть с совестью, если вы тем самым уступаете место такому преемнику, которому неведомы подобные соображения? Своим уходом вы ничего не измените, скорее напротив. Однако в таких условиях, когда, как ни поступи, все равно будешь чувствовать себя виноватым, это оказывается для вас спасительным выходом.

¹¹⁰ Немецкая военная комендатура располагалась в Париже в отеле «Majestic» на авеню Клебер. Там работал до лета 1944 г. и Юнгер

Отто фон Штюльпнагель сначала пытался сопротивляться, т. е. он вступил в переговоры, выторговывая головы. Но вскоре он почувствовал, что это ему не по силам, и ему пришлось решиться уйти. В последние недели создавалось такое впечатление, что у него окончательно сдали нервы и что он действительно уже не способен продолжать военную службу. Я имел возможность составить об этом свое суждение, так как незадолго до его отставки был однажды вызван к нему. Он жил в мраморном дворце, ради которого разорился Бони де Кастеллан.¹¹¹ Я застал его возбужденным, он курил сигареты, временами вскакивал и быстро расхаживал среди мраморного великолепия.

Шпейдель, его начальник штаба, положил начало моей работе в «Мажестике», заведя два официальных документа, которые, в сущности, имели смысл только в случае ожидаемых политических перемен. Один назывался: «Борьба за власть во Франции между партией и вермахтом», — и в нем описывалась последовательность шахматных ходов, при помощи которых начальник военной администрации был лишен власти или вытеснен на задний план. Второй назывался: «К вопросу о заложниках. Описание имевших место случаев и их последствий». Там подробно описывались разногласия с верховным командованием и политическим руководством. Именно по поводу этого документа я был вызван генералом; он касался самой сути того, что его тревожило. Мне довелось наблюдать изнутри такое безнадежное стечение обстоятельств, при котором возможно было только ошибочное решение, независимо от того, выбрал ты действие или бездействие. «Могучий рок, легший на слабые плечи». Никакой суд, кроме поэтического, не может примирить и разрешить этот клубок противоречий. Это одна из великих задач искусства. Само существование этих и других письменных документов внушало мне все больше тревоги; уже тогда, когда я уезжал на Кавказ, мне было очень неприятно, что они там остаются. Конечно, тут были сейфы, были часовые у ворот и дежурные перед входом в служебные помещения, и круг надежных людей в «Рафаэле». Но все больше чувствовалось, что надежность эта внешняя и обманчивая. Разумеется, общение с людьми, которые воспринимали все иначе, думали иначе, чем политические деятели, было приятно, это был оазис в условиях того времени. Но было очевидно, что у них недостаточно воли. Дурным знаком казалось то, что главной движущей силой для них было ощущение этического дискомфорта. «Тут мало надеть белый жилет», — такая мысль то и дело невольно приходила на ум. Гитлер рассматривал их просто как компанию людей с устаревшими предрассудками. Как только бы в них отпала надобность, их бы убрали со сцены. Они и впрямь принадлежали к отмирающему виду. Наглядное подтверждение дало 20 июля 1944 года; тут уже нельзя было обойтись без пролития крови, будь то кровь противника или своя собственная. Возможно, эта попытка так и так закончилась бы неудачей, но кто знает, какие силы пробудила бы эта кровь? По крайней мере я сам слышал на другой день, как простые люди говорили: «Что же этот генерал о нас не вспомнил? Мы ведь тоже есть на свете». Один танковый командир сказал: «Жаль он меня не позвал, я бы их всех передал». Очень удачно получилось, что вскоре после этого дня армия оставила город, и парижский штаб был распущен. Иначе ему бы не избежать более тщательной проверки, чем та, что была проведена. В то время как имущество уже грузили на машины, над городом просыпался пепельный дождь. Во всех котельных жгли документы. Я воспользовался случаем, чтобы в третий раз пересмотреть свои бумаги; множество писем, среди прочих и письма Генриха фон Штюльпнагеля, две вышеупомянутые работы и другие были тогда отправлены в печку. В какой-то момент я чуть было не решил отправить туда же мое эссе о мире. Однажды начав жечь, постепенно входишь во вкус.

Между тем здесь, в Кирххорсте, в ту же ночь 20 июля были спрятаны в надежное место

¹¹¹ Кастеллан Бони де (1867–1932) — сын маршала Франции Бонифация Кастеллана, был женат на богатой американке, жил в столице на широкую ногу, пока не развелся с женой и не потерпел финансовый крах.

мои бумаги. Известие о покушении и парижских событиях отозвалось всюду, как разорвавшаяся бомба. Можно было предвидеть, что за этим последует большое кровопускание, как это и произошло в действительности, к сожалению, даже в тюрьмах. Те, кто стоял у власти, стали подумывать, что ей скоро придет конец, и отдавали приказы казнить заключенных, которых они долгое время придерживали. Наши домашние пережили тогда беспокойную ночь, они трудились, не покладая рук, сновали в промежутках между воздушными тревогами туда и сюда, зато к утру в доме не осталось ни одного письма.

Таким образом, сохранилось, как я вижу теперь, сочинение о заложниках, причем остался экземпляр с пометками Отто фон Штюльпнагеля. Так получилось, что именно сейчас генерал очутился поблизости, он лежит в госпитале и прислал ко мне доверенного человека спросить, сохранилась ли у меня эта рукопись и может ли она пригодиться ему для защиты, он как раз готовит для этого материал. В связи с этим я еще раз перечитал ее и думаю, что вряд ли кто-то из противников способен поставить себя на его место, да и вряд ли у них есть такое желание. Когда-нибудь, через много лет, это положение, возможно, переменится.

Это чтение произвело на меня глубокое впечатление по особой причине. К своему тексту я присовокупил тогда в виде приложения переводы прощальных предсмертных писем погибших заложников Нанта к своим близким. Они показывают, какого величия может достичь человек, когда он уже отказался от своей воли и уже ни на что не надеется. Тут проступают совсем другие сигналы. Тут люди забывают о страхе и ненависти; и предстает незамутненный человеческий образ. Мир убийц, яростных мстителей, слепых масс и префектур канул во тьму; а впереди уже показался первый отблеск великого света.

Кирххорст, 25 сентября 1945 г.

Ночи становятся прохладнее; листья и плоды уже не подернуты серебристым слоем росы, она ложится на них крупными бусинками. Кормовая капуста наливаясь силой; она кудрявится словно тина на дне туманного мира. У этого растения особая красота подводного мира, и оно дает представление о богатствах полярного круга. Я открыл на письменном столе книгу со стихотворением Броккеса, (Брокес Бартольд Генрих (1680–1747) — немецкий барочный поэт, в своем творчестве много внимания уделял формированию ясных и простых представлений о природе и человеке. Юнгер цитирует стихотворение из его сборника «*Irdische Vergnugungen in Gott*» (1721–1748).), которое он посвятил ей в своих «Божьих радостях на земле»:

Was bey dem braunen Kohl noch mein Bewundern häuft,
Ist, daß, wie ich anjetzt in dieser Pflanz entdecke,
In ihr recht was besonders stecke,
Da sie, durch Wärme nicht, nur durch die Kälte, reift.

(Все больше я дивлюсь на кормовую капусту,/ Потому что, как я заметил теперь,/ В ней таится нечто особенное, /Ибо созревает она не от тепла, а от холода.)

Гусеницы на листьях впадают в глубокое оцепенение; солнце их чудесно оживляет. Очарование осени проявляется в контрасте студеных ночей и полуденных часов, смерти и света, облеченных в золотую меланхолию. А ко всему еще и листопад, и созревание плодов, грибной народец возле гнилого пня и большой паук, ткущий в лесу паутинные сети. Путник проходит сквозь них, не замечая в сизой тени. Про некоторые вина и некоторые характеры мне часто думалось: вот это пришло из страны, где осени нет.

Закончил: «О происхождении языка» Якоба Гримма. Это сочинение занимает место

между Гердером и Дарвином в срединной низине, толкуя язык как человеческое изобретение.

Пользуясь применяемыми здесь средствами, невозможно понять божественные и животные истоки языка как высшее единство, объединяющее эти противоречия, так же как нельзя таким образом понять единство свободы и предопределенности или смерти и бессмертия. Человеку даны эти противоречия, чтобы он их примирил, и тем самым он примирит себя с миром. Они — те скалы, у которых его ожидает благосклонное эхо, они — зеркало, в котором проявляется его духовный облик.

Вот так нужно читать книги: нужно видеть автора.

Далее: «*Une Conquête Méthodique*» (Победивший метод (фр.)) Валери.¹¹² Перед войной Герберт Штейнер¹¹³ обратил мое внимание на это сочинение, вышедшее в «*New Review*» по инициативе Уильяма Генли.¹¹⁴

Значение этой работы состоит в том, что она представляет собой раннее прозорливое предостережение об опасности технических методов, которые сейчас заполнили мир, и слепого репродуцирования, которое грозит задушить высшее творческое начало в жизни. Хороша его мысль о том, что образование современного национального государства тем более способствует развитию чистой методики, чем позднее оно осуществлено: совершенно так же, как рост появляющихся на голом месте городов основывается на геометрических планах. В числе таких наций Валери в 1896 году называет Германию, Италию, Японию и полагает, что к ним могла бы относиться и Россия, если бы этому не препятствовала громадная протяженность ее просторов. Таким образом, тут он уступает в проникательности Токвилю. Разумеется, он подходит к вопросу с позиций эстетика, а не политика.

В качестве прототипа планомерно действующего завоевателя, который все успешнее противопоставляет интуиции — время, гениальной одаренности — упорную посредственность, у Валери выступает прусский генштаб, олицетворением которого является Мольтке. Тем самым он ограничивает свои наблюдения слишком узкой областью и ставит под угрозу пропорциональность общей картины.

Потому что, несмотря на всю точность описания надвигающейся угрозы, в своем полемическом применении оно явно неудовлетворительно. Автор ставит себя в такое положение, когда против него могут обратить его же оружие, поскольку рациональное упрощение жизни, которое так пугает нас в немцах, несомненно, первоначально исходило из Франции. Там берут свое начало ценностные установки XIX века. Один из его признаков представляет собой победное шествие десятичной системы, сопровождавшее продвижение наполеоновской армии. В Германии еще сохранялось то, что выросло естественным путем, это, в частности, было замечено французскими романтиками. Великое падение ценностей наступает лишь со второй половины XIX века. Вопрос же о том, господствовала ли в

¹¹² Валери Поль (1871–1945) — французский поэт. Основные темы философской лирики — размышления о бессилии разума адекватно воспринять реальность и о природе творчества. Эссе о С. Малларме, Ш. Бодлере и др. *Философические* (в форме дневниковых записей) «Тетради» (т. 1—29, 1894–1945; изданы 1957–1961)

¹¹³ Штейнер Герберт (1892–1966) — австрийский литературовед, был близко знаком со Стефаном Георге, Хуго фон Гофман-шталем. Совместно с Мартином Бодмером издавал литературный журнал «*Sojona*».

¹¹⁴ Генли Уильям (1849–1903) — английский литератор и ученый филолог. С 1878 г. — редактор влиятельного и солидного «*Scotch (later) National Observer*»

Берлине времен Вильгельма I и Мольтке меньшая степень органической ответственности, чем в Париже времен Золя и Наполеона III, вряд ли можно считать решенным, особенно если не смотреть на вещи с чисто западноевропейской точки зрения. Ведь тут еще оставалось так много несделанного. Можно также задаться вопросом, не был ли первый раздел Польши началом той *conquête méthodique*, о которой говорит Валери, став первым толчком к разрушению мира. В этом Мария Терезия доказала, что она как государыня и как мать мыслит более здраво и справедливо, чем Кауниц и Фридрих.

Примечательным остается и то, что мощный акт нормирования, произведенный в 1789 году и затем продолженный Наполеоном в европейском масштабе, затронул во Франции область частной жизни гораздо меньше, чем в Германии, а потом, под влиянием немецких социалистов, и в России. Точно так же и в Англии революция оставила нетронутым очень многое из давно существующего, включая даже смешные пережитки. В этих странах есть противовесы, которые противостоят нормированию и его политическим последствиям, в Германии же их нет. Поэтому в Германии часто оказывает разрушительное действие то, что в этих странах способствует благоденствию.

Пополудни приходил капитан Томас и передал привет от Стюарда Худа. Последний работал у англичан в том ведомстве, которое у нас называется Ис, он навестил меня сразу же после начале оккупации. Сейчас он снова вернулся в Шотландию и работает там над переводом «Мраморных скал». Таким образом, встреча оказалась плодотворной, да и в остальном мне в общем и целом не приходится жаловаться на моих оккупантов.

Томас привез мне куски перевода. Худ предлагает переводить «Oberförster» (Старший лесничий (нем.)) как «Chief Ranger». Немецкое слово должно было выражать представление об иерархическом порядке, которое приобретает мистический оттенок, как у Гофмана его тайные советники.

Мы вступили в такие времена, когда собственность следует уже называть не ворованной, а самоубийственной. Несчетное число людей поплатились жизнью за то, что вовремя от нее не отказались. Одна часть человечества живет за счет другой, которая этого еще не поняла. Так будет продолжаться еще некоторое время; затем отчуждение коснется и той собственности, от которой люди избавляются в последнюю очередь, то есть тела, а следовательно дело кончится рабством или каннибализмом. Или же образуется новая собственность.

Кирххорст, 27 сентября 1945 г.

В маленькой часовенке, где воздух был полон индивидуализирующей силы. Стены, колонны и церковная утварь прорастали лицами. Там были и другие посетители, и я видел, как у них из груди, изо лба и щек распускающимися бутонами появлялись лица. Воздух был наполнен семенами жизни.

За дверью, на улице, тоже, как грибы, выростали лица из каждого булыжника. На минутку заглянул Фридрих Георг, закутанный в лабораторный халат.

Вскоре этот процесс сделался совершенно невыносимым; я чувствовал, как могучая энергия жизнетворения порождает силы, мучительностью своей намного превосходящие силы уничтожения.

Кирххорст, 28 сентября 1945 г.

Племянник Герд, приехавший из Лейснига через зеленую границу, привез оттуда приветы, а также, к сожалению, известие, что его брат Курт пал еще в последние дни войны под Штеттином — один из неисчислимого множества молодых, которым пришлось умереть, хотя давно уже было видно, каким будет исход. Я вспомнил сон, который рассказала мне его мать. Она дважды просыпалась ночью, услышав голос: «Одного из двоих тебе придется отдать». В этой войне я потерял сына, племянника и шурина; все трое пали на самом переднем крае.

Матушка осталась в Лейсниге, и, вероятно, так лучше всего. Еще важнее, чем дома, земля и достояние, наверное, могилы, их покидают в самую последнюю очередь.

Способность установить связь между *humanitas* и *humare* (*Humanitas* — человечество, человечность, гуманность; Штате — погребать, хоронить (лат.)) доказывает гениальную прозорливость Вико.

Все культуры, достойные такого наименования, основываются на почитании могил. Как я представляю это себе, древние кочующие охотники постоянно возвращались к могилам, как мы это сегодня наблюдаем у цыган. Могилы великих вождей, конечно же, объединяли их, в них была сила, действие которой простиралось далее семейственных связей родства и свойства. Люди там собирались, приносили жертвы, заключали союзы, получали мантические советы.

Утрата стала опять ощутимой сейчас, когда нет рядом могил.

Чтение: Штенгель, «Греческие культурные древности». Там есть такое место: «Почти все очищается кровью согласно закону, и без кровопролития не получить прощения».

Кирххорст, 30 сентября 1945 г.

Герд принес также известие, что Никиш живым выбрался из тюрьмы, где уже начиналась расправа над заключенными. Говорят, он ослеп и полупарализован и занимается в Берлине восстановлением своего издательства.

Остеология. Замшелые кости, которые встречаешь в лесах и на краю свалок: лобные кости, челюсти, позвонки, лопатки — все они производят таинственное впечатление, в них есть что-то колдовское. Во-первых, причина в том, что они представляют собой символы смерти. Кроме того, в них скрыта конструктивная схема, вызывающая мысли о какой-то мастерской, словно ты нечаянно наткнулся на прометеевы модели, на таинственный станок демиургического разума.

Иногда меня охватывает такое ощущение, что я увидел какой-то фантом, как будто передо мной сделанная впопыхах работа, беглый наметок, выполненный горячей иглой. Мысль: «Стоило ли это того, чтобы покрывать его плотью; слишком уж оно оказалось недолговечным». Сюда добавляется ощущение табуированности, словно это надо во что бы то ни стало скрывать от «взрослых», ибо это переносит меня в комбинации раннего детства и первого младенчества, которые редко когда еще проступают с такой отчетливостью, как это бывает при виде замшелой ключицы в осеннем лесу, когда по макушкам деревьев проносится ветер.

Кирххорст, 2 октября 1945 г.

Чтение: Оскар Гольдберг, «Маймонид».¹¹⁵ У него получается, что Маймон в «Море Невухим» полагает возможным только негативное определение духа. В таком случае это равнозначно отрицанию высших знамений в еврейских текстах и представляло бы собой объективный вариант тертуллианова «Credo quia absurdum».

Я верю в то, чего не знаю; сомневаюсь в том, что знаю. Это позиция метафизика. Она противоположна позиции позитивиста. Позитивист сомневается в том, чего не знает, и верит в то, что он знает. Это высказывание также можно воспринимать как дефиницию упомянутых двух глаголов, так как незнание соотносится с верой так же, как сомнение со знанием.

Совершенно неожиданно я наткнулся на идею, которой не ожидал найти в этой книге, Гольдберг высказывает ее под конец: земля, говорит он, в наше время стала слишком мала и потому нужно спустить на землю космос. Для этого необходимо откровение. Для его восприятия необходимо состояние, достигаемое ритуальными средствами, в которых следует полагать единственную надежду на преодоление мирового разрушения.

Так вот, значит, в чем состоит антитеза тому предприятию, к осуществлению которого дух нашего времени ведет такие колоссальные приготовления, антитеза полетам в космическое пространство.

Что касается меня, то я склонен предполагать и давно уже полагал, что это предприятие не может не иметь своего противовеса. И это возвращает нас к вопросу о том, таит ли в себе образ рабочего теологические качества.

Кирххорст, 3 октября 1945 г.

Прекрасный синоним слова *schicken* (дарить) представляет собой *sich entäußern* (отказываться от чего-либо) — отдавая другим свое достояние, я на самом деле не несу урона; кажущаяся утрата оборачивается для меня внутренним приобретением.

Заканчиваю второе перечитывание Библии, начатое 14 декабря 1944 года.

Кирххорст, 4 октября 1945 г.

Чтение: «Эфиопика» Гелиодора.¹¹⁶ Смешение анархии и порядка, которое там царит, напоминает наши нынешние условия; так, например, влюбленная пара на морском берегу, усеянном покойниками и умирающими.

О Дельфах: «Город, целиком преданный божественному и священному служению, казался мне подходящим местом, чтобы там остановиться».

¹¹⁵ Goldberg Oskar. Maimonides. Kritik der jüdischen Glaubenslehre. Wien, 1935. Маймонид, по прозвищу Рамбам, т. е. рабби Моисей бен Маймон (1135–1204) — еврейский философ, талмудист, врач. Главное произведение — «Путеводитель колеблющихся». Родился в Испании, с 1165 г. жил в Египте, придворный врач Салах-ад-дина. Стремился синтезировать библейское откровение и арабский аристотелизм. Оказал влияние на схоластику XIII–XIV вв. (особенно Альберта Великого и Фому Аквинского)

¹¹⁶ Гелиодор (III или IV в.) — древнегреческий писатель, автор «Эфиопской повести» (Эфиопики) — одного из главных образцов античного романа. В нем речь идет о любви эфиопской царевны Хариклии и фессалийского юноши Феагена. Любовно-авантюрный сюжет соединял с религиозно-философскими мотивами. В Европе известен с 1535 г. и повлиял на западноевропейскую «галантную» литературу XVII–XVIII вв.

И о судьбе: «Предвидеть неотвратимые решения Мойр возможно, но уклониться от них нельзя». Это высказывание дает руководство к оценке пророчеств оракулов и предсказаний.

Теологический роман предлагает третье решение старого спора о том, что ценнее — роман развития или социальный роман. Он дает возможность проследить движение высших сил, управляющих судьбой человеческих групп и отдельной личности. С этой точки зрения существуют только два литературных лагеря, их разделение определяется тем, признает ли художник главенствующее значение этих сил или не признает.

Среди прочей почты — письмо от Фридриха Георга, который, попав на берегу Боденского озера под Юберлингеном в положение жителя оккупированной страны, дружно делит кров с компанией, состоящей из банковского служащего Бельмена и трех магометан: Мелоди, Джилали и Мучу: «...вакуум, образовавшийся в центре Европы, в который устремились все силы, преобразуясь на новый лад».

Магический характер ландшафта. Его задний план иногда влияет так сильно, что становится страшно поддаться его действию, «хорошенько всмотреться», опасаясь исчезнуть в нем, как исчезли в горе Копперберг гамельнские дети. Ведь тут накладываются одно на другое самые разные измерения; какой-то дом, лесок, садик, может быть, занесены в такие кадастры, о каких мы даже не подозреваем. Сюда же относятся привидения, ясновидение и тому подобное. Различные наслоения смешаны. Подобное случается редко лишь потому, что в большинстве случаев они надежно изолированы.

В этом же заключаются опасности духовных странствий и открытий. Ты проникаешь в пространства, из которых потом трудно выбраться.

Кирххорст, 6 октября 1945 г.

Из Берлина по-прежнему поступают страшные вести. Рассказывают о целых кварталах, в которых прокопаны подземные ходы, и женщины прячутся там, как кролики, когда по улицам рыскает солдатня.

Рассказавший об этом беженец сидел в железнодорожном вагоне, когда на каком-то полустанке одну женщину оторвали от мужа и уволокли в неизвестном направлении. Все это происходило на глазах других пассажиров, они молча смотрели на это и ничего не делали, как мыши, когда змея утаскивает их подружку. Я впервые услышал тогда выражение, что уж лучше атомная бомба, чем такое.

Впрочем, в тех же городках, где происходят такие вещи, устраиваются культурные мероприятия, которые должны воспитывать население в демократическом духе.

Кирххорст, 10 октября 1945 г.

Чтение: Тертуллиан,¹¹⁷ «Об игрищах». Это сочинение превосходно описывает то наваждение, те каиновы чары, которые ослепляли собравшиеся в цирке массы.

Наверняка, Флобер черпал оттуда для своего «Искушения святого Антония».

¹¹⁷ Тертуллиан Квинт Септимий (160–200) — христианский богослов и писатель. Мышление Тертуллиана было отмечено тягой к парадоксам. Он всячески стремился подчеркнуть пропасть между верой и разумом. Господствующее настроение у Тертуллиана — тоска по эсхатологическому концу истории.

Арена — это песок, бесплодная почва, земля, которая пьет. Если память меня не обманывает, то Шулер¹¹⁸ называет ее женским лоном, которое осеменяется кровью. Такая мысль, будучи высказана, может повлечь за собой чудовищные последствия.

Затем: Купер, «Красный пират», прочитав его, я заполнил пробел, оставшийся с детских лет. Отец часто о нем рассказывал. Сейчас я нашел эту книжку в маленькой библиотечке, оставшейся после Эрнстеля.

Два героя, Уайлдер и Красный пират, олицетворяют легитимного и нелегитимного сыновей власти. Хорошо выписано различие между легитимной властью и тиранией, царящей на пиратских кораблях. Здесь также должна быть своя легитимность, которая в первую очередь проявляется в голосе, «зычном, повелительном басы» красного флибустьера. Красный флаг, поднятый на мачте, выступает как соперник королевского флага. Эвелин Лейси, когда ей пришлось выбирать между военным кораблем и пиратским парусником, говорит, что представительницы ее пола могут рассчитывать на надежную защиту только там, где царят право и закон.

Мне тем более пришлось по душе эта книга, что довелось повидать на своем веку крупные державы, где царила, да и сейчас продолжает царить, такая же дисциплина, как на пиратских кораблях. Не говоря уже о любви к красному цвету и знаку черепа, а также о том, что там неизменно стоят у власти краснобаи с «зычным, повелительным» голосом, их всегда можно узнать по трем признакам, которые служат безошибочными опознавательными знаками, это провозглашение атеизма, отмена свободы и насилие над беззащитными.

Среди почты письмо Софии Доротеи Подевилльс, которая, побывав в Пльзене в тюрьме, выбралась в Баварию.

«То, что происходило в немецкой и венгерской области Чехословакии, по своему трагизму сравнимо только с тем, что пришлось испытать здесь евреям».

Ее муж сейчас в английском плену. Клаус Валентинер до сих пор еще не подал о себе вестей, как и многие другие. Катастрофическое окончание войны подобно кораблекрушению, при котором без вести пропало несчетное множество людей. Возможно, они нашли плот и спаслись. Но для их близких, которые ожидают в полной неизвестности, это ужасно.

Кирххорст, 12 октября 1945 г.

Когда ты так хорошо расписался, как, например, я в последние недели, работая над различными темами, это чревато опасностью излишне самоуверенного письма, так как в нас всегда должно жить некоторое сомнение в своих способностях, в истинности своего призвания. Борьба за форму никогда не должна прекращаться. Мы никогда не должны забывать о том, что мы хранители того, что нам вверено.

Цельзус однажды говорил мне в Норвегии, что всегда перед тем, как ему приходилось публично исполнить какую-нибудь песню, его охватывал страх и смущение, и затем звук вылетал на волю, преодолевая это сопротивление, как сквозь мембрану или тонкую решетку.

¹¹⁸ Шулер Альфред (1865–1923) — археолог и исследователь мистерий. Занимался культовыми мистериями языческой античности. Одно время был близок (что характерно) кружку Стефана Георге.

Когда он слышал громкие благодарные аплодисменты, эта неуверенность спадала с его плеч. Тогда он в полный голос разражался плоским *da caro*,¹¹⁹ словно какой-нибудь южный тенор.

Вот в чем автор должен усматривать задачу критики и в первую очередь критики, суровой, несправедливой и даже злобной. Ей дано держать его творческий дар на коротком поводке, не позволять ему слишком разрастаться вширь, подрезая все, кроме необходимых ветвей, которые дадут зрелые плоды. Большой талант с его буйным неуправляемым ростом требует такого противовеса. Поэтому долгое пребывание в кронпринцах является благоприятным условием или проигранное сражение в начале пути.

Приравнение военного человека к преступнику вызывает, кроме желаемого следствия, которое состоит в дискриминации военного, еще и другое, неожиданное. Второе следствие заключается в том, что в той же степени происходит возвышение преступника, возрастание его авторитета. Убийство становится средством политики, патриотическим подвигом. Убийца подменяет собой судью, начальника полиции. В конце концов дело может дойти до такого состояния, которое царит в китайских провинциях, где авторитет власти принадлежит разбойничьим бандам. Там это уравнение приведено к окончательному виду; главарь шайки там генерал.

Кирххорст, 14 октября 1945 г.

Еще раз возвращаюсь к замечанию, сделанному несколько дней тому назад в связи с увиденными в лесу костями; о мимолетности, которую отмерил нам демиург.

Она нескрываемо проступает и в половом устройстве. Его гадкая сторона, чрезмерная ограниченность отмечались достаточно часто, в особенности та непристойная экономичность, которая проявляется в комбинировании половых органов с органами экскреции. Чудо соприкосновения даже у животных идет от духа, от причастности к высшей творческой силе, проявляющейся в зачатии. Это как солнечный луч, освещающий и согревающий все, на что бы он ни упал. И утешительна надежда, что однажды мы освободимся от материи и перейдем в сияющие лучи, которые целиком принадлежат солнцу, любви. Как же хорошо и все сильнее я понимаю теперь то, что однажды во время одной из наших прогулок сказал мне Эрнстель: порой кажется, что ты так ждешь этого, что уже сил нет дольше ждать.

Как отец я в эти годы слишком редко видел мальчика, но когда я толковал с ним о таких вещах, он отзывался как кремень на удар стали.

Что касается демиурга, то, вероятно, для многих неприятие низшего подручного творящей силы связано с персонификацией. В топографическом плане местонахождение этой силы должно предполагаться на кромке творения, на самой кайме наряда, где белый свет проявляется в цветовых свойствах. Белый здесь служит описательным обозначением невидимого. Там, где нетленное предстает в тленном образе, должно иметься некое средство.

Кирхгорост, 15 октября 1945 г.

О ботанике. Посвящается голубой астре, цветущей сейчас в саду.

¹¹⁹ В нотном письме *da caro* — знак, предписывающий повторить пьесу с начала.

Какой прок в лупах и микроскопах: истинные увеличительные стекла — это сами цветы. Нужно созерцать их, пока они не станут прозрачны, как линзы, тогда в фокусе расходящихся пучком лучей мы разглядим за ними сияние: отблеск духовного семени, не имеющего протяженности. Это истинное прарастение.

Когда мир потрясается на наших глазах, вид цветка способен восстановить порядок.

Пассажи моей работы, при которых я, как сегодня, ворочаю словари, пишутся за счет Киссы, чей сон у меня на коленях часто прерывается. Так малому зверьку открывается та истина, что покой можно найти только в себе.

Гольцминден, 17 октября 1945 г.

Спозаранку отъезд на юг, чтобы навестить брата Георга. Это первая большая поездка за время оккупации.

Мы остановились на ночлег у Бурбанков в Гольцминдене. Среди книг, которые показал нам хозяин дома, была одна редкая: опубликованные под псевдонимом большие бульварные романы Карла Мая, такие как «Капитан Нободи» и «Лесная розочка, или погоня вокруг земного шара». Вид деревянных гравюр живо напомнил мне, с каким увлечением я читал эти книжки в шестнадцать лет. Библиотечарша в гамельнской библиотеке не включала их в инвентарные списки и тайком выдавала их мне из-под прилавка. Наверняка они сильно повлияли на мое решение поступить в иностранный легион.

Мы делили спальню с доктором Крафтом. В темноте мы беседовали. Слушая его, я старался представить себе его лицо. Подобно тому, как бывают великаны в физическом мире, так и в мире деловой активности встречаются натуры, наделенные необычайной деятельной энергией. По большей части они бывают еще и умны, причем это свойство так и хочется назвать следствием их сильной воли, которая неустанно вырабатывает решения, как тяжелый штамп штампует монеты. Таким натурам нравится испытывать себя в решении трудных задач. Их встречаешь среди капитанов, предпринимателей, руководителей партий и профсоюзов — короче говоря, среди начальников.

Корни нашего знакомства уходят в Первую мировую войну; он стрелял из своих крупнокалиберных пушек из Адинферского леса¹²⁰ перед Monchybogen, где находились позиции моей части в 1916 году. Совсем еще молодым человеком он стал прокурором и представлял обвинение в громких процессах против растратчиков и финансистов, выступая часто один против десятка опытейших защитников. Уйдя с этой должности, он с той же витальностью выступал в качестве адвоката, управляющего имуществом, основателя промышленных предприятий.

Нетрудно представить себе, что такие характеры любят штормы и рифы, и он сдал экзамены на капитана и штурмана, чтобы самому водить в плавание свои корабли. Так же заманчивы опасности, которые приходится преодолевать на охоте, поэтому он в море занимался ловлей крупной рыбы, в Карпатах охотился на оленей и глухарей, летал в Найроби на слоновью охоту. Так он отдыхал.

Охотники принадлежат к одному из древних типов, у которых богато представлены

¹²⁰ Позиции воинской части Эрнста Юнгера во французской исторической области Артуа между Пикардией и Фландрией перед населенным пунктом Монши, бои в которой Юнгер описал «В стальных грозах».

архаические черты. К ним относится страсть к добыванию трофеев ради повышения своей магической силы. Охотничьи комнаты — это волшебные хранилища, где вместе с черепами, костями, шкурами животных хранятся жизненные силы, носителями которых были эти звери. Они помогают охотнику присваивать эти силы, причем такие действия, как, например, поедание дичи и в особенности сердца, укрепляют его не только физически. Настоящий охотник всегда держит при себе части убитых животных, он любит одеваться в шкуры и кожу своей добычи. *J'aurai ta peau.* (Я добуду твою шкуру (фр.))² Среди снаряжения Крафта мне особенно понравился дорожный несессер из страусиной кожи. После выделки она стала бархатной и была украшена узором из перьев, составленных из пушистых шариков величиной с лесной орех.

Сквозь дрему я слушал подробный рассказ о том, как он уложил матерого слона. Как только убивают слона, со всех сторон сразу набегает толпа негров. Шкуру так трудно разрезать, что обычно ограничиваются тем, что пробивают в ней дырку, через которую один из бушменов залезает внутрь трупа и достает оттуда куски мяса, передавая их ожидающим снаружи. Вид мясника, с ног до головы измазанного кровью и экскрементами, по словам рассказчика, совершенно ужасен.

Беспокойный сон, как это часто бывает в незнакомом помещении. Сначала я был с Йоганной Риттер в салоне какого-то корабля, затем в бурлящем мельничном ручье под плотиной, где я наблюдал, как борются с течением отливающие стальным блеском лазоревые ужи. Это было дивное купание — я наплавался точно в живой воде.

Эттлинген, 18 октября 1945 г.

Мы ехали через разоренную страну. В Брухзале, оказывается, разрушен замок. Маульбронн, к моей великой радости, остался в целостности и сохранности. Чудное, серебристое пение лилось из-за закрытых дверей церкви.

Мы остановились в Эттлингене. Там я снова попал в то же место, где побывал вчера ночью. Может быть, дни наши это лишь секунды по сравнению с ночами на кромке вечности. Мы живем на цепочке островов, поднимающихся из морских глубин, или как стая летучих рыб, которая после короткого перелета в лучах солнца вновь то и дело погружается в кристальную бездну. Жизнь возможна, она поддерживается только благодаря этим погружениям. И сама она лишь островок в вечности.

Мне снова пришла в голову мысль: чудесно все или ничего. Суждение зависит от той глубины, на которую мы погружаемся. Тут есть границы, за которыми меркнут все различия. Золото, драгоценные камни, шедевры, холст, на котором они написаны, пергамент, на котором записаны, — все это чудесно и едино в глубинной сущности. В материальном отношении это можно выразить таким образом, что в конечном счете все сводится к атомам, и атомы представляют собой чудо творения. Это тот золотой фон, на котором вспыхивают и возвращаются во времени мимолетные картины этого мира.

«Монады», может быть, лучше, чем модное словечко «атомы». Даже самые малые частицы, открытые нами, всего лишь наложения, представления, остающиеся пробным камнем. Одна тема царит в искусстве всех времен и народов, и если отклониться от нее, искусство теряет свой смысл.

Прогулка по неразрушенному городу, древность которого засвидетельствована каменной плитой с изображением Нептуна — покровителя римской гильдии судовладельцев, на средства которых она была поставлена. К ногам бога, держащего в правой руке рыбу, а в

левой трезубец, жметя фантастический зверь. Работа говорит о хорошем вкусе и о средствах, которые имели простые люди. Она удачно включилась в кладку старой ратуши, возведенной из того же красного камня на тысячу лет позднее.

Совсем рядом, тоже возле ратуши, установлен рельеф в память погибших в Первой мировой войне. Смерть с косой едет по земле, изображенной в виде змеи, на гигантском вороном коне. Под красными копытами пригнулись крошечные солдаты и беженцы — крестьяне с женами, детьми и скотиной. Это изображение, на котором запечатлелась память о несказанном ужасе, выделяется своей значительностью на фоне пошлой условности почти всех воинских памятников. Здесь показано великое бедствие этих лет, но и его роковая неизбежность.

Юберлинген, 20 октября 1945 г.

На ночлег остановились в Оффенбурге у семейства Бурда,¹²¹ они борются за сохранение своего издательства. Как и в старину, сейчас возможно путешествовать только в том случае, если у вас есть знакомые, у которых вы можете остановиться. Висевший на стене зимний пейзаж неизвестного мне художника Нагеля, напомнил мне о прогулках у Западного вала, который находился совсем поблизости. Черный ручей, протянувшийся через заснеженные луга и березовые рощи: суровая стужа светится в белых, голубых и серебряных оттенках. Впечатление усиливалось тем, что высохшие краски лежали плоскими кристаллами, похожими на морозные разводы. Я задумался над тем, допустимо ли это, не получается ли так, что форму тут подменяет субстанция. Художник должен соблюдать пределы формы, в этом состоит его ограниченность, но также и задача, то есть искусство. Пока я размышлял над этим во время беседы за баденским вином, мне пришло в голову множество доводов за и против, которые я вскоре забыл.

На следующее утро мы ехали через Шварцвальд, сначала стоял легкий туман, затем ярко светило солнце. Тополя, клены, листва вишневых деревьев горели всеми цветами от бледно-коричневого до чистого золота, от *rouge passé* до темно-пурпурного. Дрок уже облетел, так что его заросли торчали на склонах лакированными зелеными метелками. Но отдельные цветки еще горели прозрачной, выцветшей желтизной. *Jeunesse dorée* (Золотая молодежь (фр.)) старческого возраста, где она богаче и реже встречается. Надо бы, чтобы вот так же цело и творчество, эрос.

И вот наконец-то я в доме на озере, у Фридриха Георга, которого застал в окружении швейцарских гостей в южной комнате Циты. При таких встречах мы воочию видим, что достигнуто, каковы плоды трудных лет.

Поздоровавшись, мы перешли наверх в кабинет, откуда из окна открывается чудеснейший вид на озеро и его берега. Глаз отдыхает. На столе лежала «Одиссея» и перевод ее первой песни. Мы беседовали о последних периодах войны, которая для Фридриха Георга закончилась трехдневным заключением в скверном лагере, в который после прихода победителей согнали все мужское население города. Я увидел, что пережитое сделало его сильнее.

Оберхеммерсбах, 21 октября 1945 г.

¹²¹ Издательская фирма, основанная в 1908 г. Наибольшего процветания достигла при Франце Бурде (1903–1986).

Утром мы знакомой дорогой поднялись к Юберлингенскому дому на винограднике, оттуда к хижине живодеpa, которая была открыта. Впервые мы вошли в нее. Мы увидели бойню, крючья на стенах, яму для отбросов, окруженную засохшими лужами крови. В соседнем помещении до потолка громоздились тысячи выцветших черепов.

Совсем поблизости находится островок торфяника, на котором семь лет тому назад играл маленький Эрнстель. Как это любят делать дети, он построил в этом уголке свой замок. Брат проводил меня туда и показал темный земляной вал, сохранившийся до сегодняшнего дня. И снова я почувствовал, как гнетет меня неразгаданная тайна этой смерти.

Приехав на озеро, мы не могли там долго задерживаться; поездка была сопряжена с риском в первую очередь из-за того, что на дорогах неспокойно. В саду Георг Фридрих дал мне отросток руты и луковицы большой леопардовой лилии (Pardellilie), которую он у себя разводит. Затем я распрощался в надежде, что теперь злые чары рассеялись и мы вскорости опять свидимся уже на севере.

Мы заночевали в Оберхеммерсбахе, нас приютило в своем загородном доме семейства Бурда. Крафт развлекал нас разговорами, он рассказывал об охоте на львов, китов и слонов, о морских путешествиях, военных походах, судебных процессах, основании предприятий. Видно было, что никакие масштабы его не пугают. Так, например:

«...когда я высунулся из бункера и увидел, что квартал, в котором я живу, исчез...»

Мы спали в «Солнце», где все было полно старинного шварцвальдского уюта, который посреди разрушений показался нам просто чудом.

Бюль, 22 октября 1945 г.

Из-за всяческих аварий мы сегодня добрались только до Бюля. Так как нигде не удалось найти ночлега, мы нашли пристанище в одном из временных приютов Красного Креста. Ложе было жесткое, однако это было поучительно, поскольку тут мы изнутри увидели то разливанное море беды, которое потоком хлынуло по всем дорогам. В то время как вид немцев в дни их торжества часто настраивал меня на печальный лад, в несчастье они сейчас вызывают у меня глубочайшее уважение.

Пфорцгейм, 23 октября 1945 г.

Мы ехали дальше через разрушенные города, душераздирающее зрелище. Хуже всего разорен Пфорцгейм; дорога вела между сплошных развалин. На руинах виднелись белые кресты и цветы в память погибших под завалами. Порой они светились среди раскинувшихся развалин как лампы над гробом покойника.

На окраине города у нас случилась очередная авария, поломку невозможно было исправить к утру. Поэтому мы разделились, пустившись на поиски пристанища. Я отправился в близлежащий Эттинген и попросился, чтобы нас приютили на ночь в общежитии Красного Креста. Там я спал в китайской тесноте среди мужчин, женщин и детей в подвальном помещении. Перед тем как ложиться, мы за общим столом пили солодовый кофе, ели каждый, что у кого было.

Я послушал, о чем говорят люди; хорошо, что судьба привела меня в это место. Иначе мы слишком легко уклоняемся от созерцания чудовищных страданий, как отворачиваемся при виде раны, чувствуя, что не в силах на это смотреть.

Я оказался среди группы беженцев, которая пробилась из Восточной Пруссии и Померании на запад, там были сорокалетняя мать со своей дочерью, двое мужчин и мальчик, разыскивавший своих родителей.

Эти люди рассказывали, как во время странствий останавливались в больших сараях, в которые каждую ночь являлись с обыском русские. Они описывали подробности: так, например, ощущение резкого озноба в момент, когда ударами прикладов и ружейными выстрелами солдаты выбивали задвижки, на которые беженцы закрывались изнутри. Женщины зарывались в солому, но по большей части их там находили, так как пришедшие протыкали связки соломы вилами. Или пользовались детишками, чтобы те показали, где женщины. Мать рассказала об одной сцене, когда она грудью бросилась защищать свою дочь и дала себя изнасиловать вместо нее.

«Меня изнасиловали пять раз, прежде чем я перебралась через Эльбу».

На что один из мужчин, производивший впечатление гимназического учителя или чиновника средней руки, откликнулся:

«Мою жену трижды изнасиловали, прежде чем я ее потерял».

Эта беседа привела меня в ужас, причем не столько своим содержанием, сколько тем спокойствием, с каким все это говорилось. У меня было такое впечатление, словно я сижу за столом среди умерших духов, повествующих о том, что они пережили при жизни. В то же время меня угнетало ощущение ужасной опасности, которая здесь зреет, эта угроза страшнее всех средств уничтожения, какие способен изобрести техник. Рушатся последние табу.

Ансбах, 24 октября 1945 г

Ночлег у Фермана, который собирается эмигрировать в Рио и сейчас очень осмотрительно ведет необходимые приготовления.

Перед сном я просматривал старые номера «Симплициссимуса»,¹²² начиная с 1906 года. Просмотр вызывает жуткое ощущение. Создается такое впечатление, что тогдашние остряки сами еще не понимали, в чем соль их шуток; они рисовали на завесе.

В ходе процессов, сметающих все старое, критические умы обретают значение благодаря предмету, о котором пишут. Когда предмет исчезает со сцены, они теряют значение, как игральные фишки после окончания партии. В этом трагизм всех Бомарше, Максимилианов Гарденов¹²³ и прочих, коим несть числа.

Этот род политических острот предполагает наличие либерального противника. С исчезновением последнего карикатура, если только она не санкционирована государством, превращается в средство самоубийства. В противном случае автор превращается в подручного палача.

¹²² «Симплициссимус» — сатирический журнал, издававшийся в 1896–1942 гг. в Мюнхене

¹²³ Гарден Максимилиан (1861–1927) — берлинский журналист, издатель журнала «Zukunft». Знаток и крупный ценитель современного театра, помощник Макса Рейхгардта. Вел полемику в защиту уволенного Вильгельмом II в отставку Бисмарка и против влиятельных новых советников кайзера фон Мольтке и Филиппа фон Эйленбурга

Кирххорст, 25 октября 1945 г.

После того, как к нам присоединился д-р Лилье, мы через Вюрцбург, Фульду и Гёттинген вернулись домой. Вечером я был уже в Кирххорсте.

Кирххорст, 28 октября 1945 г.

Визит капитана Томаса и майора Гуда. Томас передал мне привет от Никиша, с которым он в Берлине имел долгую беседу. Когда русские подошли к Берлину, Никиш сидел в Бранденбургской тюрьме и в отношении него собирались принять «чрезвычайные меры», т. е. его должны были убить, как и бесчисленное множество других заключенных. Его спасло то, что директор раз за разом записывал его как «нетранспортабельного». Помесь бюрократии и зверства порождает такие парадоксы, примеры которых еще не раз встретятся в документах.

С Гудом мы после обеда просмотрели его перевод «Мраморных скал». В английский текст в качестве подмалевка добавлены гэльские слова, придающие ему архаизированный оттенок, как, например, слово the squaitch — котелок.

Кирххорст, 31 октября 1945 г.

Хризантемы стоят в полном цвету. Весь день держалась тонкая голубоватая дымка, в которой дрожали золотые цветы.

Приходил Лэнэ (Laine), он под вымышленным именем работает сейчас со своими бретонцами, (Бритты — кельтское племя, бежавшее из Британии под напором германских англо-саксонцев. В этом регионе долго сохранялось свое самосознание. Бретань довольно поздно (в XVI в.) стала частью Франции, и там время от времени пробуждались сепаратистские настроения. Об одном из таких эксцессов, инициатором которого был Лэнэ, и пишет Юнгер, которого всегда привлекали подобные явления. Бретонский партикуляризм имел причиной хроническую слаборазвитость региона, которую местные жители относили на счет французского централизма.) в Вестфалии. Еще в Париже мне случилось им однажды помочь. К сожалению, некоторые из них, как я услышал, были расстреляны. Лэнэ производит приятное впечатление человека, совершенно убежденного в правоте своего дела; он требует от своих товарищей честной работы, запрещает им заниматься спекуляцией на черном рынке. Они готовятся к тому, чтобы эмигрировать в Ирландию. У кельтов еще сохранилась взаимовыручка.

Он считает, что такие средства, как атомная бомба, на практике отменяют демократию, делая ее иллюзорной, поскольку аккумулируют огромную власть в руках немногих людей, можно сказать, единиц. Было бы, однако, хорошо, если бы они, подобно друидам, обладали особым непрофанным знанием. Тогда их физическая власть управлялась бы высшей, духовной.

Я в этом что-то сильно сомневаюсь и скорее склонен предположить, что техника уничтожения связана с появлением больших унифицированных масс и их избранников. Да и на самолетах ведь летают не сверхчеловеки, а какой-нибудь майор Аткинс или капитан Филиппович, предварительно хорошо позавтракав, возможно, с таблетками на десерт.

Воспользовавшись случаем, я порасспрашивал для своей работы о языке про этимологию слов «дольмен» и «менгир».

Кирххорст, 1 ноября 1945 г.

Что может позаимствовать индивид от своего вида, например в области удовольствий. Очевидно, это должны быть только проценты, комиссионные и чаевые Меркурия за услуги рассыльного, так как иначе под угрозой окажется вид.

С этой точки зрения меня удивляет существование кукушки, которое, по-видимому, целиком отдано наслаждению, за что в старину эту птицу называли дурной (Gauch) и относили к нехорошим животным. Невольно спрашиваешь себя, за что кукушке такая особая милость от природы и не существует ли где-то особый счет, на котором записаны ее долги. Мне это животное, чей голос я не раз слушал в лесу и на опушке, кажется таинственным и даже призрачным. Да и пение его лишь по-видимости благодушно. Возможно, тут проходит один из швов в наряде творения.

Мысль, пришедшая в голову, когда я, гуляя в поле, перескочил через ограду: В то время как мы, ни о чем не думая, мечтательно разгуливаем по полям, нас, может быть, подстерегает смерть. Не успеет ли что-то сообразить и осознать, что случилось, как нас внезапно скосит сердечный приступ или падение. Ведь падая от пули, мы не слышим выстрела, который нас уложил. Можно даже представить себе, что мы продолжим прогулку, не догадываясь, что уже умерли.

Кирххорст, 2 ноября 1945 г.

О странности встреч в сновидениях. Так, нынче ночью я повстречал в Рио в маленьком баре одного эльзасца, чиновника интендантства, который в продолжительном разговоре объяснял мне различия между немецкой и французской системами управления армейским хозяйством. Я познакомился с ним, потому что, расплачиваясь с официантом, никак не мог разобраться в мильрейсах, (Мильрейс (португ.) — 1000 реалов, основная денежная единица Бразилии до 1942 г.) и тут он мне объяснил обменный курс.

Кто бы поверил, что подобное возникает как вольная фантазия сонного ума? А если это так, то почему дневная жизнь не может быть такой же фантазией? Может быть, когда-то мы продолжим совершаемые во сне прогулки, как ту прогулку, о которой я вспомнил вчера. Может быть, как раз те сны, которые выражают наши желания, носят зачаточный, эмбриональный характер, мы вынашиваем их в иных звездных мирах, где они созреют во всем своем великолепии. В таком случае качество снов необычайно ценно. Эта мысль в прежние времена была людям гораздо ближе и привычней.

Зачастую мне начинает казаться, что во сне мир оказывается гораздо продуманней, богаче оттенками, художественней, знание — сильнее. Бор увидел модель атома во сне. Пока еще открываются эти врата, чистая техника, обыкновенная рутинная не могут окончательно возобладать.

Для искусства есть два пути, которые выводят из абстракции. Оно может погрузиться в ночь и в поток ночных образов, как это делали романтики, как делал Новалис. Сегодня пример такого рода дает Бекман.¹²⁴ Или же оно может нащупать сновидческие элементы в дневной действительности, тонкие оттенки тьмы, разбросанные среди света. Это более

¹²⁴ Бекман Макс (1884–1950) — немецкий живописец и график. Учился в Художественной школе в Веймаре, а также в Париже и Женеве (1903–1904). С 1937 г. жил в эмиграции. Был близок к экспрессионизму, хотя и с претензией на реализм.

дерзкая попытка. Чудесное улавливается не в прошлом и не в утопиях, а в действительности.

Эксперименты, которыми на наших глазах занимается искусство, в конечном счете, по-видимому, направлены на то, чтобы нащупать новое, стабильное соотношение между сознательным и бессознательным.

Кирххорст, 4 ноября 1945 г

Чтение: трехтомное сочинение Густава Германа Клетке «Африка», собрание рассказов о путешествиях. В нем есть хорошие замечания об исламе.

«Когда Барт в числе других европейских институтов рассказал шейху о том, что у христиан принято страховать свое имущество на море и на суше, включая даже будущий урожай да и собственную жизнь, тот не мог не согласиться, что для земных забот это умная мера предосторожности. Но как верующий мусульманин он высказал мнение, что такой путь ставит под угрозу спасение души в ином мире».

Кирххорст, 5 ноября 1945 г.

Продолжал Ривароля. Порой у меня возникает такое впечатление, что все беды нашего времени начались с казни Людовика XVI. Такое можно часто обнаружить в истории: публичная жертва, которая, словно выступив из часов судьбы, выводит за собой остальную вереницу. Так смерть графа Гельфенштейна предшествовала крестьянской войне, принесшей Германии ужасные бедствия, и так убийство габсбургской четы повлекло за собой Первую мировую войну. В нашем мрачном мире такая кровь подобна жертвенному возлиянию, на которое жадно слетается сонм духов мщения.

1789 год представляет собой один из главных поворотных пунктов. Будущие археологи могут обозначить его как конец «Среднего царства». Что скажет по этому поводу великая бухгалтерия? Не окажется ли в конце концов, что рост свободы отмечен для французов в графе убытков. Даже немецкий национализм времен Освободительных войн формировался по тем же моделям, по которым впоследствии развивалась русская революция. Ростки большевизма поднялись, оплетая ствол якобинства, опираясь на него как опосредованно через Гегеля, так и непосредственно. Один из их военных кораблей называется «Марат». Никто бы и не подумал, что этот кровопийца может оказаться в почете не только в узких анархистских кругах. Но нас ждут еще другие сюрпризы.

Ad notam, (К заметке (лат.)) написанной в аувальдской хижине от 7 апреля 1940 года:

В сосудах масло кажется мутным, непрозрачным, тусклым. Но если его капля попадет на мостовую, то на влажной поверхности растекается дивная палитра красок. По сравнению с ней все другие краски кажутся грубыми и плотскими. Такую игру можно видеть на тончайших пленках, переходящих в Ничто. Материя показывает, что она приблизилась к состоянию тайны и готова в него перейти.

То же самое возможно и со временем: там, где темное течение становится прозрачным, где от него остается лишь угасающее мерцание, наложенное на основу вечности. Там доли секунды могут равняться тысячелетиям.

Если разрезать время на тонкие слои, то содержание видится неподвижным, как на моментальной фотографии. С применением бесконечно более тонких методов мы были бы поражены новой неожиданностью. Содержание в каждом слое стало бы еще более

застывшим, но его форма, различия отдельных слоев исчезли бы из поля зрения, и мы увидели бы монады времени. Мы приблизились бы к источнику иллюзий. Сюда относится сон Магомета.

Кирххорст, 6 ноября 1945 г.

Неожиданно приехал Фридрих Гильпер, в котором я отметил прежнюю уверенность, хотя и с новым оттенком. Он утратил жилище, мебель, переписку, библиотеку, но рукописи его жена сумела сберечь: они в Марбурге, где он сейчас поселился.

После 20 июля он был арестован и брошен в Моабитскую тюрьму. Там во время допроса, который у них не заладился, его отвели в подвал, чтобы допросить хорошенько, то есть чтобы избить плетью, избивание продолжалось час. Один палач бил его, другой зачитывал пункты опросного листа и записывал ответы. Оба при этом курили сигареты. Бого считает, что самой трудной была молниеносная прикидка комбинаций, которая требовалась в ходе этого процесса: во-первых, для того чтобы не впасть в противоречие, а во-вторых, чтобы не путать имена, еще не всплывавшие в ходе следствия. В таких случаях обычно стараются свалить все предъявляемые обвинения на тех, кого уже нет в живых. Этот факт тоже приходится учитывать в таких комбинациях.

Когда его выпускали из тюрьмы, он еще раз встретился со своими палачами: эти двое служили в регистратуре — два чиновника, ведающие документацией, каких можно видеть в любом учреждении.

Кирххорст, 7 ноября 1945 г.

Окончил: Хронику рода Циммернов.¹²⁵ Она принадлежит к тем книгам, которые можно перечитывать ежегодно.

В одной из первых глав упоминается чистилище святого Патрика. Оно находится в одной пещере в Ирландии, где можно видеть мучения грешников. Туда отправился супруг некоей Анны фон Циммерн, Ганс фон Герольсэк. Вернувшись оттуда, он потом всю жизнь оставался печальным и тихим, мало говорил и вскоре после того умер.

Подобное можно услышать и сегодня про людей, которым пришлось несколько дней провести в заключении в нехорошем месте и которые затем, воротившись, умирают или кончают самоубийством. Есть такие аспекты инфернального, от которых у человека мутится разум и гаснут жизненные силы, с ним тогда случается то же, что с человеком, заглянувшим на нехорошую кухню, после чего он отставляет от себя тарелку.

Кирххорст, 13 ноября 1945 г.

Хризантемы цветут назло дождям и туману. Пополудни я был в саду и ворошил компост. Удивительно, какая четкая аура сознания окружает столь простое занятие, как бросание рыхлой земли. Ее сопровождают представления из многих дисциплин. Ум выстраивает наглядную картину тонких особенностей ее химических, механических процессов, ее биологии. Неужели поэтому мы сильнее былых садовников? Во всяком случае,

¹²⁵ «Хроника рода Циммернов» — история семьи швабского графа фон Циммерна (1564–1566), составленная графом Тробеном Кристофером фон Циммерном (умер в 1567 г.) и его секретарем Хансом Мюллером. В языковом отношении текст грубоват и прямолинеен, но весьма богат точными наблюдениями из народной жизни. Издавалось в 1869 и 1931 гг., оба раза в 4-х томах.

я думаю, что мы не слабее их. Это наш стиль.

Задача автора в той мере, в какой она имеет смысл для других, состоит в создании духовной родины, духовной среды обитания. Это может быть скромная ниша с каким-то изображением, скамейка у ворот, сельский домик, дворец, но может быть и лесной простор, и горные цепи или космическое пространство. Поэзия овладевает миром гораздо более глубоко, и власть ее долговечнее всякой науки, всякой политики. Она и по сей день вводит нас в стены Трои, во дворец Агамемнона. Подобно тому, как от героя зависит безопасность места, в котором обосновался человек, его пригодность для проживания, так от поэта зависит придать ему узнаваемость, чтобы люди его запомнили: чтобы оно стало для них родным.

Поэты дарят нам большое жилье, большой кров. Поэтому там, где поэтов нет, тотчас же наступает царство ужасного запустения. Эти селения еще пригодны для обитания, однако они становятся неприютными, неосмысленными, внутренне неопознанными.

Спускаясь все ниже. О жертвах прошедших лет, в каких бы страшных застенках не угадала их жизнь, всеж-таки вспоминали по другую сторону земного шара с любовью и состраданием. У них нашлись заступники. Но за тех бесчисленных и безымянных страдальцев, которые ныне претерпевают то же самое, никто не замолвил слово. Они испускают последний вздох в ужасающем одиночестве. А там, куда вопреки всем попыткам утаивания, все же долетают отзвуки их страданий, они воспринимаются с демоническим чувством удовлетворения.

Среди прочей почты письмо, из которого я узнал, что погиб и наш добрый Гумм. Во время ковровых бомбардировок, разрушивших Вюрцбург, этот ковер накрыл и его вместе со всей семьей, а, значит, и младшенького, рождение которого мы еще недавно праздновали в «Рафаэле».

Пока я читал эту весть, перед глазами у меня точно живое ярко возникло это тонкое лицо и белоснежные волосы. Смерть таких людей, от которых исходит ощущение надежности, нам особенно трудно постичь.

Постепенно становится очевидно, что в наш парижский круг словно угодила бомба. Это началось еще 20 июля 1944 г. с удушения Штюльпнагеля, Гофакера и Линстова, а в эти весенние месяцы достигло своего апогея. Немало и самоубийств, один из примеров Гартог, который скончался в своем силезском имении при жутких обстоятельствах. Пр., по слухам, был изрублен в Померании в своем имении и брошен на съедение свиньям. Вообще нет таких ужасов древних и новых времен, которые бы не повторились снова. Некоторые, как Лео, сгинули в русских лагерях уничтожения, в которых продолжаются те же кошмары, причем порой в тех же самых местах, о которых сейчас читаешь, узнавая чудовищную правду. Тут комментировать нечего. Еще другие, как Кроме и Косман, находятся в Сибири. По сравнению со всем этим можно назвать счастливыми тех, кто, как Грюнгер, пали в бою.

В те годы у меня порой было такое ощущение, что я нахожусь в кругу обреченных, в каюте затонувшего корабля, в иллюминаторе которой видны проплывающие тени. Своего рода вариация на тему кавалеров из Экебю.¹²⁶

Кирххорст, 15 ноября 1945 г.

¹²⁶ Здесь речь идет о персонажах романа шведской писательницы Сельмы Лагерлеф «Сага о Ёсте Берлинге»

Утром в Бургдорфе. Как всегда при виде Бейнгорна, почувствовал особенную близость Эрнстея. Там царят его маны в лесу и на болоте, и подле дубов, растущих перед усадьбами.

Разговорился с владельцем. Этот крестьянин потерял под Сталинградом единственного сына. «У нас тут вон сколько леса растет, а для нашего сына не нашлось даже на гроб».

Кирххорст, 20 ноября 1945 г.

Меланхолия. Как часто при таком настроении, меня несколько отвлекло разглядывание альбомов с живописью. Например, картин Пьера Боннара, Брака, Ут-рилло, Фотрье. У Боннара отчетливо проступает та сторона или задача импрессионизма, которую можно обозначить как овладение молекулой через сознательную уверенность. Настроение переводится в осознание. Еще сильнее этим наслаждаешься в работах его современника Анри Лебака, чьи интерьеры и садовые сцены пронизаны токами счастья и покоя. Живопись представляет также историю в деталях, например, историческую зарисовку ясного весеннего утра 1910 года во всех его неопределенных деталях, которые не может запечатлеть со всей полнотой ни одно описание.

В одном из своих манифестов Монтгомери высказывает ввиду опасности эпидемий надежду на то, что «зима будет суровая». Однако те, у кого на кухне и в погребе пусто, лучше предпочли бы грипп, чем смерть от голода и холода. Зато, конечно, обморожение не заразно.

«Freunde in der Not gehen tausend auf em Lot». (Хоть друзей в беде и тьма — да грош им цена (нем.)) Да, но зато один стоит целой тысячи. Одного человека бывает достаточно, чтобы заменить сколько угодно других; число тут не имеет значения. Такое отвеивание половины благотворно во всех отношениях.

Антигерманизм, похоже, входит наряду с антисемитизмом в основу тех настроений, которые господствуют в мире; для него не требуется доказательств. Сейчас, открывая газету, то и дело видишь, что все ему предаются с упоением, даже соотечественники, прямо какая-то оргия. Перебивают все до последней косточки и все охаивают, это относится даже к таким людям, которых ты считал независимыми или по крайней мере порядочными людьми.

Кирххорст, 24 ноября 1945 г.

В такие периоды жизни, когда нас одолевает серая муть, ненависть, царящая в мире, сон становится утешением, это дворец, полный картин, куда мы уходим, как в подполье.

При таких условиях проснуться — значит испытать болезненные ощущения. Переход к сознательному состоянию происходит так, словно ты втискиваешься в щель между острых шарниров. Но жаловаться не стоит, так как бывает и больнее. Так в письме Мерка к Гёте от 18 октября 1788 года я читаю следующее:

«...и когда на меня нападает сон, это становится верхом блаженства, но зато просыпаться — это самый злосчастный миг. Я просыпаюсь, словно разбуженный пушечным выстрелом, и тут же чувствую, точно в меня со всех сторон вонзаются тысячи копий».

Впрочем, вскоре это и кончилось самоубийством.

Ганновер, 26 ноября 1945 г.

Жилище тестя и тещи принадлежит к числу тех немногих в районе Штефансплатца, которые не были стерты с лица земли. Окна заменены прозрачной бумагой, двери еле держатся на своих петлях, потолок гостиной поврежден зажигательной бомбой. Печь топят щепками, собранными на развалинах. Я спал на диване и читал дневники Геббеля¹²⁷ — это испытанное тонизирующее средство.

Днем выходил в город, к его виду я все еще никак не могу привыкнуть. По нему всюду бродят призраки былого бюргерского благополучия. Мотивы для Кубина: так, например, на одной стене сохранился единственный балкон, который прилепился там наподобие ласточкина гнезда, а к нему опять-таки ведет висящая в пустоте лестница. Какой-то пустынножитель замуровался в нем; дым из печной трубы доказывает его существование. Иногда вдруг видишь, как люди, бродящие по бескрайним развалинам, внезапно исчезают: без сомнения, в какой-то дыре, ведущей в подвалы. В садах тоже торчат дымящиеся трубы. Кажется, что ты бродишь в каком-то безумном сне и мечтаешь, как бы поскорей проснуться.

Сейчас мы можем ознакомиться с оборотной стороной святотатственной надменной гордыни, с молниями возмездия, которыми, как нам мнится, поражает нас человеческая рука. Однако снова безвинно страдают миллионы, а другие миллионы страдают сверх заслуженной меры.

Но это зрелище иначе воспринимает тот, кто в страдании и горе способен разглядеть истинный капитал нашего времени. Когда-нибудь в будущем немцы снова могут решиться на то, чтобы взять этот капитал, накапливающийся в тысячах тысяч еще неведомых мест, хранящих память об ужасных событиях, и перечекавить его в звонкую монету возмездия — тогда капитал этот будет пущен по ветру ради утоления страсти. Но они могут и положить его на хранение под проценты, и получать с него прибыль, то есть пожинать плоды страдания, которые зреют в тиши, превращаясь в мудрость, любовь, духовную силу, умение радоваться жизни, а это затишье всегда наступает после того урока, который дают нам удары судьбы.

Кирххорст, 28 ноября 1945 г.

Вечером закончил работу о языке и физическом строении тела.

Среди трудностей, связанных с решением такой задачи, самая главная заключается в том, что можно, пожалуй, обозначить как сохранение автором оригинальности. Сегодня под подозрение ставится любое утверждение, высказываемое неспециалистом, то есть сделанное независимо от последних достижений научных исследований. А между тем в независимости и заключается главная ценность наблюдения.

Недоверие к тому, кто подходит к своему предмету без соответствующего аппарата, является одним из характерных признаков технического века и его прогрессирующего развития. Подозрительным, например, становится тот, кто решается сделать какое-то замечание в связи с чтением Библии, не будучи профессором богословия, причем и

¹²⁷ Геббель Фридрих (1813–1863) — немецкий поэт, теоретик драмы и драматург. Смог подняться из самых низов общества, упорно занимался самообразованием и много путешествовал. Исходя из пессимистически-метафизического понимания истории, абсолютизировал в своих трагедиях противоречия буржуазной действительности, изображая «извечную» борьбу гуманистического героя с миром («Мария Магдалина», 1844; «Ирод и Мариам-на», 1850; «Нибелунги», 1861).

богословы еще подразделяются на специалистов по Ветхому и Новому завету.

Но это означает переворачивать вещи с ног на голову, ибо такого рода специализация в области знаний является одной из причин, исключающих возможность познания оригинала во всей его полноте. Моисей и Христос обращались в своей проповеди к людям совершенно иного умственного склада и обращаются к ним по сей день. Какой-нибудь портной, садовник, крестьянин, рыбак могут гораздо ближе подойти к содержанию текста и нащупать в нем более глубокие источники, хотя, конечно, не на основе своей профессии, а благодаря своей непредвзятости. Тогда они вычитают в нем нечто новое, зачерпнут живой воды, и это новое будет в то же время и старым, священным архитектуром, который открывается в Слове. По сравнению с этим сизифов труд ученых библеистов, который все более изощренными путями ведет в никуда, пропадает втуне.

Кирххорст, 29 ноября 1945 г.

Первого мая будет годовщина гибели Эрнстеля. Пока все еще приходят письма друзей из Залема и Хаубинды,¹²⁸ спрашивающих не хочет ли он вместе с ними готовиться к выпускному экзамену. Они опоздали, так как он давно уже выдержал свой экзамен на аттестат зрелости.

Кирххорст, 6 декабря 1945 г.

Поездка в Бургдорф к зубному врачу при сильном встречном ветре. Там, среди прочих объявлений на стенах, я прочел распоряжение об уничтожении спаржевых огородов и запрете на разведении новых плодовых садов. Немца посадят на картошку, как это было сделано с ирландцами в лучшие времена Англии.

У зубного врача я встретил мелкого чиновника, которому нужно вставить мост, так как у него выпали зубы. Для этого он должен получить официальное разрешение офицера своего штаба, который будет решать, есть ли смысл это делать. Этому человеку уже за шестьдесят лет. Его случай заинтересовал меня той зверской серьезностью, с которой ему приходится иметь дело, ведя переговоры, в ходе которых он старается доказать, что он действительно заслуживает того, чтобы ему вставили мост, вместо того чтобы без долгих слов заявить, что этому балбесу надо дать по шее. Нет, немцы неисправимы!

Быть может, в оккупационных войсках найдется духовный наследник Свифта, собирающий курьезные случаи, в которых воистину нет недостатка.

Кирххорст, 12 декабря 1945 г.

Пополудни приходил Радемахер, который подумывает о второй поездке в Юберлинген. Он привез новости о разных знакомых, так, например, о Гертнере, (По всей видимости речь идет о подрывной деятельности нацистов в Ирландии где к английским властям относились довольно критически. Этим нацисты и воспользовались для ведения подрывной деятельности.) который участвовал в том, чтобы поднять мятеж среди кельтских народов, и попал в плен. Там его пичкали наркотиками, чтобы узнать имена; кажется, речь шла о соединениях атропина, которые разбрызгивали в камере. Известно, что они обостряют

¹²⁸ Залей — город на Боденском озере, земля Баден-Вюртемберг. Там находится гимназия «Schloß Salem», которая была основана в 1920 г. принцем Максом Баденским. Эта известная гимназия сохраняется до сих пор. Хаубинда — старинная школа-интернат в Тюрингии, ныне не существует. Во времена ГДР была ликвидирована.

сознание и одновременно вызывают эйфорию, которая ослабляет волю, так что у человека прекрасно работает память и он выбалтывает именно то, что хотел бы скрыть. Две попытки самоубийства, один раз пытался повеситься в камере, а затем выбросился из окна кабинета, в котором велся допрос.

Кирххорст, 13 декабря 1945 г.

Так как из-за холода почти невозможно держать в руках книги, я вечером сооружаю себе из двух одеял что-то вроде юрты, куда при помощи длинного шнура провожу электрическую лампу.

В таких условиях я с невероятным удовольствием перечитываю «Тысячу и одну ночь» в издании «Инзель». Какая удача, что я сберег среди моих книг это сокровище. Как раз сейчас можно наслаждаться в ней тем, что сказал о ней Стендаль, а затем повторил в своем предисловии Гуго фон Гофмансталь: «Книжка, которая превращает тюрьму в счастливую обитель».

В этом предисловии Гофмансталь, говоря о Востоке, попал в самую точку: это одна из областей нашей души, наш поэтический Восток.

В качестве «симметрического заключения» я бы назвал попытку определить нечто неизвестное путем его архитектурного или зеркального соотнесения с другим, уже известным явлением. Сюда относится вопрос о метафизическом соответствии наших технических усилий — о неизвестной составляющей нашего мира. Одним из возможных заключений, очевидно, является" следующее:

Во все времена люди предполагали, что делимость материи имеет свой предел и что поиск бесконечно малого где-то должен иметь конец. Теперь это подтверждается экспериментально. Когда мы, достигнув предела, продолжаем деление, происходит резкое качественное изменение разделяемых единиц, сопровождающееся колоссальным выбросом энергии.

В таком случае согласно симметрическому заключению нечто соответствующее должно наблюдаться и при поисках бесконечно большого. Мы должны представить себе такую степень пространственной протяженности, при которой бесконечно большое исчезает, уступая место некоей новой, мощной манифестации. Эта идея, по-видимому, соответствует тем астрономическим теориям, которые постулируют существование громадной, но ограниченной вселенной. Это неординарное предположение указывает на такое скачкообразное изменение восприятия, которое было немыслимо в прошлом веке, на конец фаустовского мышления и на то, что начинает складываться фиксированная картина мира.

Что же происходит, когда мы достигаем верхнего предела пространства и перешагиваем за эту границу? Можно предположить, что там происходит уничтожение времени подобно тому, как за пределами нижней границы уничтожается пространство. Бесконечно большое переживает свой судный день; оно переходит в высшее качество, в вечность.

Те представления о бесконечном, которые мы еще недавно питали и которые до сих пор господствуют в мире, теперь отходят в область истории, становятся одним из аспектов странствования через пустыню. Они становятся в один ряд с формами религиозного культа, с историей религии, с апокрифами материализма. Несмотря на то, что вершина горы уснащалась обсерваториями, она по-прежнему сохраняла свое родство с Синаем.

Астрономические обсерватории, сменяя друг друга, строились, начиная с древнейших времен, и всегда люди приходили там к одному и тому же пределу — к той точке, подойдя к которой, капитулирует научное знание.

Кирххорст, 15 декабря 1945 г.

Продолжил «Тысячу и одну ночь». Сказка о носильщике и трех знатных дамах — одна из жемчужных нитей, вплетенных в эту книгу. В ее композиции есть произвольность, но вместе с тем замечательное чувство меры. Так танцовщик произвольно наполняет пространство своими фигурами, но притом всегда, следуя порядку, предписанному музыкой. На прекрасном теле наряд, в который оно облечено, ложится красивыми складками.

Исцеление так трудно происходит потому, что большинство больных, желая избавиться от болезни, не стремятся к здоровью.

Задача состоит в том, чтобы подвести больного к тому, чтобы он сам захотел выздороветь.

Врач — не буксирный пароход; он — лоцман, которого берут на борт корабля.

В медицине тактика тоже изменчива, неизменна стратегия.

Подвижная рука ухаживает, исцеляет покоящаяся рука.

Гамбург, 20 декабря 1945 г.

Поездка к гамбургским друзьям. Перед Бергенской церковью шофер показал мне сохранившийся вместе с цепью позорный столб. На миг я не мог понять, что это такое — реликт Средневековья или же память недавнего прошлого.

Пребывание в разрушенном до основания городе действовало угнетающе, напомнив мне о том чувстве разочарованности, которое я испытал в Киеве и Сталино. Тень Востока надвинулась и сюда. В облике людей есть что-то искалеченное даже тогда, когда у них целы руки и ноги. Их можно было видеть среди развалин, где они рылись в поисках деревянных обломков и мусора, или в садиках, где они возились над роскошными старыми деревьями, которые лежали поваленными. Все высокое обречено быть поверженным, это черта нашего времени.

Я остановился у Циглера,¹²⁹ он, как и все, бьется с навалившимися со всех сторон неприятностями. Среди знакомых, которых я навестил, были Герхард Гюнтер и Вильгельм Штапель,¹³⁰ который принял меня в своем кабинете. Мы сидели там, точно в леднике; дыхание вырывалось изо рта паром. Я узнал подробности о самоубийстве Вальтера Франка, (Франк Вальтер — довольно плодовитый историк и публицист. Среди его публикаций — брошюры о деле Дрейфуса, о Панамском скандале, об Адольфе Штекере, очерки истории национал-социализма, которые переиздавались несколько раз) который

¹²⁹ Циглер Леопольд (1881–1958) — философ, находился под влиянием Эдуарда Гартмана (сторонника панпсихизма, последователя Шопенгауэра) и развивал идеалистическую концепцию истории искусства и культуры. Автор известных в свое время «Wesen der Kultur» (1903 г.) и «Menschenwerdung» (1948).

¹³⁰ Герхард Гюнтер, Вильгельм Штапель, Герберт Бланк — коллеги Юнгера по «консервативной революции» в период его пребывания в Берлина в 1920-е гг.

застрелился в объятиях жены. Штапель прочел мне прощальные письма, которые, по-моему, написаны с большим достоинством. Среди громадного числа самоубийств многие, кажется, состоялись после известия о смерти Гитлера, которое не только послужило для них сигналом, но и дало внутренне обоснование этому решению; так было и здесь. «Мир сделался для меня бессмысленным, когда не стало этого человека». Этот историк был одним из самых острых умов среди сторонников Гитлера. Была целая череда дней, через которые каждому пришлось пройти, словно через смертельную решетку, эти роковые вехи запомнятся нам, как, пожалуй, не запомнилось ни одно другое событие в нашей истории. Это подтвердилось и на примере Герхарда Гюнтера, который рассказал мне, какую ужасную ночь он пережил, когда бежал от наступающих русских. Убежав из помещицкого дома в Померании, они прятались в яме посреди сосновых насаждений. Вокруг шла стрельба, как во время охотничьей облавы, со стороны поместья доносились женские вопли и видно было зарево пожара. Хозяйка имения, молодая тридцатилетняя женщина, убила свою многочисленную семью — пожилого отца и своих детей — сделав им уколы морфия, а затем застрелилась сама. Эти места останутся безмянными, потому что таких у нас были тысячи.

Гюнтер рассказал мне также, что встретил Герберта Бланка — старого участника наших берлинских вечеров. Он пережил войну в концентрационном лагере, причем вместе с женой, которая там родила ему сына. Гиммлер использовал его как специалиста, ему было поручено изучение материалов, связанных с процессами над ведьмами, которым так же, как истории инквизиции, придавалось особое значение в предполагаемой пропагандистской кампании, направленной против церкви.

Лежа в постели, я читал эссе Карла Петерса об Англии и англичанах. В завещании Сесила Родса¹³¹ меня заинтересовало его высказывание о том, что пока Германия, Англия и Америка вместе, мир во всем мире будет нерушимым. Теперь оно подтверждено *ex negativo*. (С точностью до наоборот (лат.))

В связи с этим я вспомнил Вильгельма II, ведь он занимал центральное место, пользовался огромными симпатиями, вспомнил все то богатство, которое ныне, как в этом большом городе, подверглось разрухе. Начав с этого, нетрудно перейти к рассуждению о том, что было бы, не заболел Фридрих III¹³² смертельным раком гортани, а проживи бы он подольше. Человек не случаен. Люди, как стрелки часов, показывают, какое нынче пришло время. Заменяв одного на другого, нельзя изменить его ход.

Кирххорст, 24 декабря 1945 г.

Идя по нашим сельским дорогам, можно повстречать невиданные прежде фигуры. Это возвращенцы, окруженные серой аурой крайнего страдания. Им причинили все, что только может причинить человек человеку, отняли все, что может отнять человек. Они посланцы тех мест, где не счесть замученных до смерти, погибших от голода, замерзших, изнасилованных.

¹³¹ Родс Сесил Джон (1853–1902) — убежденный империалист, организатор захвата англичанами на рубеже 1880—1890-х гг. территорий в Южной и Центральной Африке, часть которых составила колонию Родезия. В 1890–1896 премьер-министр Капской колонии, один из главных инициаторов англо-бурской войны 1899–1902 гг.

¹³² После кайзера Вильгельма I первым в очереди на германский трон был либерал по убеждениям кронпринц Фридрих III, но он умер в 1888 г. от рака, и кайзером стал Вильгельм II, который, как и царь Николай II, совершенно не соответствовал по масштабам личности тем задачам, которые стояли перед Германией и Россией.

Одного из них я сегодня повстречал близ Бейнгорна; ему оставили только парусиновую куртку, продуваемую северным ветром. Должно быть, он шел издалека, он прошел мимо как тень, не взглянув в мою сторону.

Отчего же так вышло, что сегодня, в рождественский день, я не смог с ним заговорить, как мне не раз случалось заговаривать с другими? Неужели он был так чудовищно далек от меня?

1946

Кирххорст, 2 января 1946 г.

После долгого перерыва я опять немножко поработал в саду с первым сознанием наступившего нового года, когда дела идут на подъем. Зимний солнцеворот остался позади.

Продолжал «Тысячу и одну ночь». Чудесная лампа доступна не магу, несмотря на все его знания, она предназначена для ребенка, для мальчика, для бездельника, только он один может достать ее из подземных садов, в которых деревья цветут самоцветами.

Интересно, почему лампу нужно не зажечь, а потерять? Зажженная лампа была бы олицетворением интеллекта, а так она пробуждает гения материи, огромную силу, которая дремлет в непробужденной субстанции.

Тот, кто использует эту лампу для того, чтобы освещать свою комнатную лампу, как делает неразумная мать Алладина, подобен человеку, который жжет в своей печке уголь, не подозревая о той силе, которая дремлет внутри него, а будучи вызвана, словно дух, может осветить, но может и сжигать города. Сказка знала об этом давно, с изначальных времен.

Кирххорст, 4 января 1946 г.

Был гость — приезжал из Берлина Зибен и передал мне привет от Никиша. Он, кажется, целиком переориентировался на Восток. В таком случае ему уже не найти своей исходной точки, но после всего того, что ему довелось пережить, меня это не удивляет: никто дважды не входит в одну и ту же реку.

Здравый политический смысл, способность судить о политическом весе и равновесии в области политики встречается так же редко, как настоящее понимание трагического конфликта. Поэтому хорошая драма такая же редкость, как настоящая политическая концепция.

То, что Ривьер ставит в упрек немцам, а именно что их характер выражается не формулой «или—или», а «как то, так и другое», является следствием их срединного положения в окружении могущественных соседей, это для них единственно возможный вариант. Середина может иметь связующее значение, она определяет посредническую роль, и в этом заключаются большие преимущества. Выбор в пользу «как то, так и другое» неизбежен для того, чтобы избежать войны на два фронта; Бисмарк сравнивал свою дипломатическую задачу с номером жонглера, который жонглирует одновременно несколькими мячами. Для полководца это облегчает ведение операций на «внутренней линии». Даже если бы случилась катастрофа, которой Клаузевиц советовал не допускать ни при каких условиях, это не привело бы к вторжению одного победителя, а в страну вступила

бы коалиция, а это очень большая разница по сравнению с таким окраинным положением, какое, например, занимал Карфаген.

Среди почты письмо Ганса Мёллера, секретаря ордена Pour la Mérite. (Орден «За заслуги» (фр.) учрежден в 1740 г. Фридрихом II как воинская награда. Впоследствии стал присуждаться за заслуги в области искусства и науки) В него была вложена записка от генерала фон Вицлебена, (Вицлебен Эрвин фон (1881–1944). Был зверски убит нацистами 8 августа 1944 г. по делу о заговоре против Гитлера во дворе берлинской тюрьмы Плетцензее — привязан резиновыми шлангами к кресту и медленно задушен.) председателя этого ордена, и, очевидно, брата того Вицлебена, который был повешен после 20 июля 1944 года. Имение у него экспроприировали, и живет он, кажется, в чердачной каморке своего замка, где ему еще позволяют остаться. Его сын, подполковник фон Вицлебен, выступил в тот день 20 июля с обращением к своей части, которое стоило ему головы. Дочь тогда же, в июле, посадили в концентрационный лагерь Равенсбрюк, там она заболела, ее отправили в газовую камеру и сожгли.

«Так доживает свой век старик Вицлебен. Молча разделите с ним его горе».

Кирххорст, 5 января 1946 г.

Катание на коньках на берегу Лоны, по затопленным лугам. Удивительное зрелище представляли собой выросшие кучками большие грибы, видневшиеся подо льдом. Скользя над ними, казалось, что ты проносишься над другим временем года, которое словно зачарованное сохранилось под хрустальным покровом.

Читаю дневник английского путешественника, который Марвиц написал в 1815 году. Трезвый, практичный разум бранденбургского помещика изображает описываемые вещи менее элегантно, но столь же метко, как Ривароль. Имена помещиков он сравнивает с деревьями, у которых на топливо подрезают ветки; если же срубить дерево под корень, то не будет ни ренты, ни средств на общественное вспомоществование. Это справедливо для многих случаев экспроприации.

В газете опубликовано завещание Гитлера, оно производит впечатление подлинного. В своем завещании он рекомендует продолжать расовую борьбу, то есть как раз то, что главным образом и привело его к гибели. Судя по всему, он не улавливал грань между национальным государством и империей, а в области внутренней политики между государством и партией.

Кирххорст, 9 января 1946 г.

Сегодня, в день смерти моего отца, я был в лесу, меня сопровождал старый Гаустейн; мы с ним помечали деревья.

Беседы с ним всегда поучительны; его воззрения, основанные на большом жизненном опыте, отражают взгляды простого человека, зарабатывающего на жизнь наполовину крестьянским, наполовину ремесленным трудом. Между прочим мы поговорили о старости, эта тема часто занимала меня у деревенских людей. Тут можно бы провести некоторые наблюдения относительно продолжительности жизни, так как, с одной стороны, многие мужчины умирают в среднем возрасте, но с другой — некоторые доживают до глубокой старости. Так, например, у нас тут есть постоянно собирающаяся за скатом (Распространенная в Германии карточная игра) компания, все участники которой еще помнят вступление пруссаков в Лангензальцу, а с тех пор как-никак прошло уже восемьдесят

лет.

Гауштейну еще только исполнился семьдесят один год, но он надеется, прожить еще десятка два, он поделился со мной несколькими золотыми правилами, которым он следует. В основном они сводятся к тому, чтобы ежедневно приносить добродетельную жертву нимфе Клоацине, раз в неделю Афродите и раз в месяц — Дионису, в чем он, сам того не ведая, солидарен со знаменитым доктором Безансоном из Парижа:

Jeden Morgen aufs Häuschen,
Jede Woche aufs Mäuschen,
Jeden Monat ein Räus'chen.

(Каждое утро — на горшок, /Каждую неделю — на милашку, /Каждый месяц — на пьянку (нем.))

На что я ему: «Ну, Гауштейн, уж одну-то из лошадок вы не будете помногу гонять!»

А он в ответ: «Да ведь и водки-то нынче не стало».

Вот это я понимаю — богатырь старинной закваски; в добрые старые времена они просиживали в пивной с субботнего вечера до самого понедельника, и как ни в чем не бывало. Он опять рассказывал, как при вступлении американцев отстоял свой окорок, героическая песнь да и только!

Кирххорст, 10 января 1946 г.

Чтение: Стендаль, «Анри Брюлар» — одна из книг, которые оказали на меня вредоносное влияние. Легко впасть в суховатую искусственность, усвоив себе манеру испанской школы в изображении характеров, чем он так гордится. Всеобщий характер этой опасности хорошо виден на примере Ницше и таких заядлых стэндалистов, как Леото.¹³³ Следы этого влияния заметны и у Монтерлана.¹³⁴

Впрочем, в двадцать шестой главе он наряду с обычными эксцентричностями высказывает одну превосходную идею. Он рассказывает о том, как в детстве он не раз задавался вопросом, а вдруг он сын могущественного государя и вся революция — это спектакль, разыгранный перед ним ради его поучения. И тут он затрагивает самую суть педагогического устройства мира.

Кирххорст, 30 января 1946 г.

Вернулся домой после второй поездки к Фридриху Георгу. Юберлинген произвел на меня странное впечатление. В этом городе нашли себе прибежище около ста интеллектуальных и по большей части праздных личностей, что в сочетании с древней каменной основой пористых молассов порождает всепроникающие излучения.

¹³³ Леото Пауль (1871–1956) — французский писатель, испытывавший симпатии к Германии даже во время Второй мировой войны. Юнгер с ним довольно много общался и после войны, перевел на немецкий язык мемуары Леото «In memoiam», 1905 г. Леото идеально знал литературный Париж. Его творчество отмечено скептицизмом и иронией, что импонировало Юнгеру.

¹³⁴ Монтерлан Генри (1896–1972) — французский писатель. Творчество было отмечено сильным влиянием Ницше. В годы нацистской оккупации Парижа был на стороне коллаборационистов. После войны не поменял своих воззрений, оставаясь сторонником сильной власти, писал драмы на христианские темы. Монтерлан испытывал устойчивый интерес и уважение к немецкой культуре.

Вероятно, этому способствует и то, что во французской зоне сильно голодают. В числе промелькнувших картин в памяти остался наподобие моментального снимка вид бледных, чахлах людей, скопившихся у перекрестка, в середине которого, направляя движение транспорта, стоял чудовищно толстый французский полицейский. В его мундир влезло бы трое таких, как они. Случались там, к сожалению, и расстрелы без суда и следствия, в которых особенно часто участвовали эльзасцы. Из домов, к счастью, разрушен был только один.

Среди знакомых, которых я там навестил, был и Леопольд Циглер. Мы поговорили о Гуго Фишере, которого он хорошо охарактеризовал, затем о Бадере¹³⁵ и его значении для нашего времени. К сожалению, обширное наследие Бадера, как и многое другое, сгорело дотла в одном из бушевавших городских пожаров. Как утверждают, то же произошло и с литературным наследием Гамана, но оно, к счастью, было в полном объеме — вплоть до последней бумажонки — фотокопировано по инициативе Надлера. Таким образом, здесь мы видим пример того, за что Буркхардт в свое время приветствовал появление фотографии, видя в ней сохраняющую силу.

Кстати, на ближайшее время это останется последним таким путешествием. Слишком уж ненадежны пока дороги. Страна, точно в Средние века, разделена на отдельные территории, границы которых сложно, а зачастую опасно пересекать.

Мы ехали в требующем ремонта автомобиле, который раздобыл для нас Радемахер, и в таком обществе, какое может собраться в растревоженном муравейнике. Банкир Ферманн настойчиво разыскивается рядом оккупационных властей. Кажется, он особенно насолил англичанам, помешав им перед войной в заключении ряда военных контрактов по поставке оружия в экзотические страны. Интересуются им и французы. При помощи фальшивых паспортов и взяток он подготавливает свое бегство за границу; ближайшая его цель — Лиссабон. Время от времени он упоминает о своих сделках; они дают представление о том уровне, на котором все упрощается и делается почти играючи, по крайней мере для посвященного, который владеет волшебным ключиком, Крупные денежные потоки текут в определенном направлении, у них есть свои ответвления, плотины и шлюзы и свои техники. Есть люди, которые все время зарабатывают деньги, даже когда катаются верхом или завтракают.

Гамбургский коммерсант фон ден Штейнен, занимающийся экспортом, тоже ехал на юг по делам. Он искал новых партнеров. На пути туда к нам присоединился д-р Лилье. Я имел случай с восхищением наблюдать его гениальное владение древними и новыми языками. Как говорится: знание нескольких языков во столько же раз увеличивает твою человеческую ценность, что и подтвердилось сейчас к нашей вящей пользе. Английские, американские, французские постовые, подходя к нашей машине, чувствовали в нас чуть ли не земляков и лишь мельком просматривали наши сомнительные бумаги. Он спрашивал дорогу на диалекте той местности, по которой мы ехали, спрашивал на нижнесаксонском, тюрингском, швабском наречии, иногда, чтобы нас позабавить, говорил как коммивояжер из Лейпцига. Это Божий дар.

Радемахер,¹³⁶ знакомый мне по парижскому Абверу, собрал эту компанию. Он

¹³⁵ Бадер Карл (1905—?) — немецкий юрист, профессор Фрейбургского университета, основал в 1946 г. «Deutsche Rechtszeitschrift»

¹³⁶ Радемахер Вилли (1897–1971) — немецкий политик и предприниматель. Занимался бизнесом, связанным

обладает другим даром: держит в голове обширный список адресов, который в необходимом случае оказывается очень полезен. Его память работает как коммутатор, в котором всегда находится нужное соединение. Останавливаемся в каком-нибудь захолустье — нужно найти пристанище, раздобыть удостоверение личности, продуктовые карточки или запасные части, и тут Радемахер, как по волшебству, извлекает из своей памяти имя человека, который может помочь.

Машина была одолженная, и чувствовалось, что годы войны не прошли для нее даром. Поездку до места назначения она еще кое-как выдержала. Но обратное путешествие началось с того, что у нас отвалилась выхлопная труба; затем отказали тормоза, по счастью, это случилось в таком месте, где на обочине не было канавы, так что мы благополучно выехали на луг.

На подъезде к Штуттгарту пришлось возле Леонберга преодолевать длинный подъем. Я сидел сзади и читал рукопись, которую мне дал с собой Фридрих Георг, как вдруг случилось что-то странное. Я почувствовал себя точно оглушенным, моя душа отделилась от тела и взмыла к небесам. Затем она спустилась оттуда и вернулась на прежнее место. Я услышал женские крики на дороге, ощутил удар и увидел, что сижу под открытым небом.

Что это было? Какой-то польский грузовик, ехавший навстречу, не послушался руля на обледенелом повороте и срезал наш закрытый верх. Его тяжелый кузов, не задев нас, промчался над нашими головами, но разрушил наш автомобиль. Мое пальто было усеяно стеклянными осколками.

Мы вылезли и увидели, как вытекает масло из разломанного маслопровода, зеленея на снегу. У самой обочины начинался крутой откос. Заметно было, что мы еще удачно отделались и можем только радоваться, что все так легко обошлось.

Самым удивительным в этом событии для меня было то, что, погруженный в чтение, я тем не менее в самый последний момент, очевидно, заметил опасность; я разглядел ее откуда-то из другого измерения. Нерушимая часть нашего существа удаляется при этом из нашего тела и затем приближается к нему извне, ощупывая его, как инструмент, и проверяя все ли в нем цело. В этот самый момент Перпетуя стояла в Кирххорсте у окна, она сказала Александру: «Сейчас отец попал в аварию». Земля невелика.

Поляки проехали, даже не оглянувшись. Мы бросили машину на произвол судьбы и пешком добрались до конечной остановки штуттартского трамвая. Я позвонил в Тюбинген Карло Шмиду, и он нашел нам в городе хорошее пристанище. На следующее утро Радемахер волшебным образом извлек из своей памяти адрес человека, который мог бы нам помочь. Адрес был хороший — самого начальника полиции, который одолжил нам другую машину. В такое время, когда почти невозможно добиться хотя бы стоячего места в поезде, а по дорогам разъезжают одни лишь иностранцы, это было невероятное достижение.

Новая машина оказалась лучше старой, так что мы совершили удачную мену. Банкир расстался с нами, и правильно сделал. Я продолжал поездку с фон Штейне-ном и Радемахером, который сидел за рулем. У самой границы русской зоны, под Герсфельдом, мы подъехали к одному из многочисленных шлагбаумов, которые по-средневековому разделили страну. Пришлось остановиться в туннеле под железной дорогой.

Маленький чернявый американец подошел к машине и потребовал наши паспорта.

с перевозкой грузов. После Первой мировой войны был одним из сооснователей СвДП.

Из-за замены номер машины не соответствовал тому, что было написано в документах. Вот где мы почувствовали, как нам нехватает д-ра Лилье с его превосходным английским и духовным облачением.

Когда ты недостаточно владеешь каким-то языком, то начинаешь говорить с людьми громче, как с тугоухими; то же самое было и с Радемахером при попытке объяснить, как получилось, что мы сменили машину. Мне показалось, что это не самый удачный тон. Бывает иногда, что главное не в том, прав ты или не прав, а гораздо важнее выпутаться из создавшегося положения. Именно такой случай был и здесь. Туннельный переезд был подозрительным местом. У него были все признаки ловушки.

Диалог уже шел на повышенных тонах и достиг того момента, когда постовой прервал переговоры. Теперь он смотрел на нас с усмешкой, которая не предвещала ничего хорошего. Нам было велено выйти из машины и показать багаж. У меня было при себе белье, несколько саженцев, немного хлеба, у фон Штейнена вещей было не больше, чем у меня. У Радемахера обнаружилось несколько пачек сигарет — подарок полицейского начальника. Тут-то мы и попались. Постовой торжествующим тоном воскликнул: «Blackmarketers», т. е. «спекулянты». Другие сбежали на подмогу.

Я подивился их негодованию, тому глубокому возмущению, которое они выражали по отношению к нам. Но на пороховом складе достаточно одной искры, стоит только чиркнуть спичкой. Нам было приказано стать к стене. Атмосфера стала угрожающей — в духе встречи новичков в концентрационном лагере. Гигантского роста сержант с лицом шелкунчика из театра «Гранд Гиньоль» расхаживал перед нами взад и вперед. С каждой секундой его гнев распался все больше. Теперь уже не имело значения, какой проступок мы совершили. Кажется, он был в сильном подпитии, хотя дело было еще утром. Вдруг я увидел, что он достал пистолет и послал в магазин пулю, с сухим щелчком она встала на место. Этот звук, казалось, еще больше разжег его злость; на щеках у него заходили желваки, как у быка, перемалывающего жвачку.

Я стоял у стенки между Радемахером и фон Штейненом. Поразительно, как быстро события приняли роковой оборот, почти без перехода и повода, точно во сне. «Хотел бы я знать, как мы отсюда выберемся». Вот-вот что-то должно было произойти. Сердце зажило своей независимой жизнью, начало быстро и громко стучать. Это было неприятно, но не зависело от моей воли.

Вдруг на дороге показался направляющийся к нам пешеход в синем пальто. Он еще издали старался обратить на себя внимание: «I am the first person in this place». (Я первое лицо местного управления (англ.)) Это был местный ландрат. (Начальник окружной администрации в Германии) С его машиной случилась авария, но он сказал, что шофер сейчас с нею подъедет. Может быть, это и будет появлением Deus ex machina. (Букв.: бог из машины (лат.). Развязка вследствие непредвиденного обстоятельства.) Но не тут-то было: «Shut up! Молчать! А ну к стенке! Снять шляпу!» Пришлось ему встать рядом с нами, не в добрый час, видно, его сюда занесло, однако это все же означало некоторую паузу и немного отвлекло.

Спектакль продолжался; другие солдаты тоже вынули пистолеты и принялись ими махать. Было очевидно, что искушение привести их в действие очень велико; достаточно было неосторожно шевельнуть рукой. Возможно, и этого уже не требовалось; если прозвучит выстрел, это будет означать, что мы оказывали сопротивление, это не вызовет ни малейших сомнений. Бывают такие положения, когда самый факт существования является сопротивлением.

Я взглянул налево и направо. Немцы неподвижно стояли у стены; прохожие приближались и отворачивали голову, торопясь поскорей пройти мимо. Взглянув на фон Штейнена, я увидел, как тот побледнел, покачнулся и упал ничком. Сердечный приступ. Должно быть, и у него колотилось сердце. Мы подняли его и усадили на камень. Это происшествие в чем-то пошло нам на пользу; оно как бы означало, что жертва принесена, и это дало разбушевавшимся людям чувство удовлетворения, утолив их ярость. Они убрали пистолеты. Чернявый коротышка даже сам стал отпаивать сердечника. Затем они взяли под стражу «спекулянта» Радемахера и увезли его на машине, оставив нас дожидаться в тоннеле. У нас было такое чувство, что нам, как и при столкновении, в очередной раз повезло и мы опять легко отделались.

Я отвел фон Штейнена в город, и нам удалось найти номер в маленькой гостинице, битком набитой солдатами, девицами и беженцами. Из комнат доносился шум и гам. В вестибюле я столкнулся с пьяненьким негром, который вцепился в мой лацкан, с доверительной настойчивостью бормоча: «Lokos?» (Искаженное Lokus — уборная (разг. нем.)) Я показал ему дверь искомого помещения; он ее открыл, и попытался втащить меня за собой. К счастью, мимо проходила немецкая девица, она знала его и разрешила это недоразумение, объяснив ему его заблуждение. Оказалось, что он поджидал спекулянта по имени Лукас, с которым у него была назначена встреча. Гостиница была подозрительным местом, словно нарочно созданным для пера Петрония, там бурлила та лихорадочная, паразитическая жизнь, какая обыкновенно заваривается за счет побежденной стороны при участии местной закваски. Слава богу, фон Штейнен понемногу оправился; мы ушли в свой номер и заперлись на ключ.

Наутро я разыскал контору ландрата. Здесь тоже царила суматоха; коридоры были забиты беженцами из русской зоны. Секретарша заявила, что ни в коем случае не пропустит нас к ландрату; у него и без того дел по горло. Я передал ей маленькую записочку: «Участник вчерашнего неприятного происшествия». Меня тотчас же пригласили войти, он встретил меня как товарища по несчастью и спросил, что мне нужно. Я узнал, что Радемахер вместе с машиной был сдан на руки немецкой полиции. Двух-трех телефонных звонков было достаточно, чтобы развязать этот узел. Мне разрешили забрать Радемахера из переполненной тюрьмы, где он провел тяжелую ночь, конфискованная машина также была нам возвращена. Можно было продолжить путешествие с новыми удостоверениями.

В окрестностях Касселя, на границе английской зоны, у нас опять было несколько неприятностей. Повод обычно бывает самый пустяковый, но часто он чреват опасностью самых неожиданных последствий, вплоть до длительного заключения. Поэтому я до поры ограничусь своим садом, а свои поездки — такими местами, куда можно добраться на велосипеде.

Кирххорст, 7 февраля 1946 г.

Канне говорит по поводу одного испытания, что чувствует, когда молитва «доходит». В таких случаях с молитвой должно быть связано определенное состояние и давать силу молящемуся, подобно тому как правда, сказанная под присягой, придает свидетелю несокрушимую твердость. Иначе текст присяги или молитвы останется пустой формальностью.

Возможно, это состояние — страх, который служит основой и углубляет сближение. При достаточной силе этого страха он способен, как указывает, например, апостол Павел, достичь желанной цели и без помощи текста.

Можно предположить, что в условиях приумножения страха на земле в то же время возрастает и количество молитв. Это действует как отдушина, дающая отток нагнетаемому напряжению и давлению земных сил.

Какая же это величественная мысль, что человек слабый и преследуемый, забившись в своей комнатенке, в какой-нибудь норе, где он прячется, или сидя в тюремной камере, может в одиночку сопротивляться Левиафану и даже заставить того предстать перед судом, и что эта сила дается ему именно через страх — благодаря тому, что он ведет себя как страдающий человек.

Кирххорст, 21 февраля 1946 г.

Поскольку мы не можем быть свободны от заблуждений, остается только пожелать, чтобы они сменялись не слишком часто. Так попросим же себе длинноволновых заблуждений. На их гребне корабли безопаснее достигнут гавани: церковные — на тысячелетних, государства — на вековых, отдельные индивиды — на семидесяти- и десятилетних.

С субботы на воскресенье у нас был капитан Коэн, военный врач английской армии. После так называемой «хрустальной ночи» брат Физикус¹³⁷ прятал его в своей берлинской квартире. Он принес нам множество вкусных вещей для нашего оскудевшего стола. Что бы ни говорили про евреев, но их нельзя обвинить в неблагодарности.

Этот гость — очень хороший чтец, благодаря ему я впервые получил представление о Дейблере¹³⁸ и его мире. В «Северном сиянии» мне особенно понравилось явление ночи в Венеции в образе мавританской царицы — искрящаяся песнь, проникнутая токами космических лучей, как темным свечением.

Коэн дал мне также неопубликованную рукопись этого автора под названием «Возвращение племен на родину», посвященную звездной судьбе народов. У Дейблера ощущается какое-то шестое чувство: как будто рождается новый орган, таинственно связующий растения, животных, человека с космосом, это как новый глаз, который открылся и обрел зрение.

Кирххорст, 2 марта 1946 г.

Скудные карточные нормы с каждым месяцем урезаются еще наполовину. Это смертный приговор для многих, кто раньше кое-как перебивался, особенно для детей, стариков и беженцев. Судя по газетам, многие в мире встретили этот голодный мор одобрительно. Одна коммунистическая газета во Франции придерживается такого мнения, что мы еще слишком хорошо живем, и выражает недоумение по поводу того, что наши дети еще ходят обутые.

Это на худой конец еще терпимо и приемлемо для разума, когда ты смирился с тем

¹³⁷ У Эрнста Юнгера было пять братьев и одна сестра (Ханна). Два брата умерли в детстве, Фридрих-Георг, как и Эрнст стал писателем, а младший брат Ханс Отто — физиком.

¹³⁸ Дейблер Теодор (1876–1934) — австрийский писатель и теоретик искусства. В космогонической поэме «Северное сияние» проповедовал религиозные идеи.

фактом, что мы проиграли войну и нужно платить долги. Менее приятны те соотечественники, которые воображают, будто они причастны к победе, хотя тут они на самом деле роковым образом заблуждаются.

Разговоры с такими посетителями напоминают мне времена единомыслия, когда они велись с обратным знаком. Тип уличаемого проходит через все системы, а вместе с ним и тип преследователя; взаимозаменяясь, они зачастую оказываются представленными в одном и том же лице. Если сегодня сюда придут русские, к чему многие уже готовятся, произойдет перераспределение ролей; на этой почве развивается мир политики.

Кирххорст, 16 март 1946 г.

В полночный час я сидел, расположившись за письменным столом, на котором лежала рукопись, в комнате деревенского дома, выходящей окнами в сад, и тут ко мне вошла стройная женщина, одетая в гимнастическое трико, чтобы посмотреть, как горит камин.

И вот я мучительно думаю, где же мог быть этот дом, этот сад и эта комната? Кто такая была женщина, подходившая к камину? Что это была за рукопись, которой я был занят?

И вновь мне приходит мысль, вдруг то, чем мы занимаемся в этих посторонних пространствах, важнее всех трудов при свете дня?

Кирххорст, 18 мая 1946 г.

Чтение: Дневники Гонкуров.¹³⁹ Здесь в записи от 9 апреля 1869 года можно найти предсказание химика Бертелло, которое гласит, что через сто лет человек будет знать, что такое атом, и, владея этим знанием, сможет регулировать солнечное излучение так, как сейчас регулирует свет электрической лампочки. Гонкуры делают по этому поводу замечание, что в этот момент, возможно, на землю явится Господь Бог и, как на выставке, объявит человечеству, что она закрывается.

Там же — возможно, что в первый раз — встречается выражение «ликвидация» в значении революционного термина. Его возникновение связывают с влиянием биржи, а слово «революция» — с астрономией.

Далее — о всеобщем выборном праве: «После стольких столетий воспитания человеческого рода и преодоления дикости оно вновь возвращается к варварству цифири и к торжеству глупости, свойственному слепой массе».

Кирххорст, 25 марта 1946 г.

Спал тревожно из-за прививки от тифа, вакцина творила со мной, что хотела. Принудительные мероприятия теперь проводятся в связи с выдачей продовольственных карточек; кто не подчинится, не будет допущен к кормушке. Голод оказался таким удобным кнутом, что, боюсь, государство не захочет отказаться от этого средства даже тогда, когда пища будет вдоволь.

Прививку я считаю грубейшим вмешательством в здоровье человека. Она начинает

¹³⁹ Братья Гонкуры Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) — французские писатели. Их знаменитый «Дневник» полностью был опубликован только в 1956–1958 гг.

по-своему распоряжаться капиталом целительных сил, причем таким образом, каким это сочтут нужным вездесущие в наше время специалисты, т. е. умники, составившие себе имя на своей ограниченности и каждые пять лет выдвигающие новую теорию.

Мне этот процесс представляется приблизительно так, как если бы я для предотвращения возможных пожаров держал в подвале запас воды. Вдруг туда без спросу залезает комиссия и для каких-то особых целей откачивает у меня одну или две тонны, уменьшая потенциал, о назначении которого она не имеет ни малейшего представления. Поскольку этим людям неведома власть провидения, все расходуется на страховку. А там, глядишь, и настал большой пожар. Между тем человеческий род на земле живет не то чтобы больной, но и не здоровый.

Кирххорст, 27 марта 1946 г.

Все еще температура, однако тропический климат споспешествовал моему писанию. Пополудни в саду. Распределял грядки под горох, кресс-салат, шпинат, редиску, морковь, конские бобы и петрушку. Для садовода — это абстрактное удовольствие. Ему предшествует чтение каталогов, доставляющее радость воображению.

Можно, например, насаждать сорняки, сорта, которые легче будет полоть. Это значит, выбрать из двух зол меньшее; такой выбор существует и в социальной, политической и моральной сфере, а также в лекарском искусстве, где, например, можно заменить одно стимулирующее средство другим, менее опасным. Расчет может и не оправдаться, как это случилось с попыткой лечить от морфинизма кокаином.

Но есть также и такое тайное средство, которое никогда не обманет, оно заключается в облагораживании почвы. Из чистой садовой земли без труда выдергиваются сныть, пырей, желтушник и прочие враги огородника. В этом теория среды обнаруживает свою положительную сторону.

Кирххорст, 28 март 1946 г.

Провоцирующий вызов и ответная реплика. Их чередование, как взмах маятника, входит в число главных мотивов истории; за каждым взмахом следует обратное движение, за всяким нарушением меры — корректирующая поправка.

После 1918 года Германия оказалась в роли провоцируемой стороны, и Гитлер присвоил себе должность ее защитника, взял себе право сделать ответную реплику. По свойству своего характера он, начав с ответа, перешел к безудержной провокации, напрашиваясь этим вызовом на весомую ответную реакцию. Его наследие — это то положение, в котором мы оказались. Хорошие исходные условия превратились в свою противоположность. Нечто подобное случается в шахматной игре, когда игрок слишком быстро развивает сильные фигуры; воля игрока сильнее его соображений, она одерживает верх над его рассудком, оценкой возможностей. В шахматы нужно играть, крепко сев на свои ладони. Надо бы, как в России, обучать этой игре в школах.

Гитлер как-то похвалялся тем, что делает «политику с ледяной холодностью», это была его иллюзия. В начале своего пути он лучше себя понимал, тогда он назвался «барабанщиком». Я слишком плохо знаю его историю, чтобы определить, когда он начал претендовать на ведущее положение. Вероятно, это произошло уже в крепости, после Мюнхенского путча. Но тут, очевидно, сыграли роль и объективные обстоятельства — отсутствие политических сил, которые могли бы ему противостоять или руководить его

деятельностью, поскольку ни справа, ни слева, ни среди своих сторонников, ни в правительстве он не встретил превосходящей его воли.

Сегодня он неизбежно считается чистой воды провокатором. Это суждение со временем войдет в соответствующие границы. Спор о нем приведет к его истокам. Его успех был бы необъясним без той ответной реплики, которая прозвучала благодаря ему и была одобрена большей частью народа.

Я почти не знал этого имени, когда впервые увидел его во время одного из ранних выступлений в мюнхенском цирке. У барабанщика обязательно должен быть генерал. Примерно тогда же или немного позднее я, кажется, навещал Людендорфа в одном из пригородов Мюнхена. Я уже читал его воспоминания и многого ожидал от этой встречи. Его имя было связано с последними значительными попытками 1918-го года повернуть ход судьбоносных событий в нашу пользу, с нашими упованиями. Тогда я думал, что поражение произошло из-за того, что нам не удалось дотянуть несколько жалких километров, которые еще отделяли нас от Кале. Сегодня, после завоевания и сдачи огромных территорий, я понимаю, что я заблуждался и только понапрасну растравлял себя ненужным самобичеванием.

Пригород Мюнхена назывался Зольн. Судя по тому, как мне вспоминаются эти события, я прихожу к заключению, что я помню их уже как сон. Это была одна из тех встреч, какие потом не раз повторялись: тебе кажется, что ты знаешь или по крайней мере можешь предполагать на основании исторических примеров, как должен выглядеть монарх, демократ, революционер, консерватор, полководец, поэт, а при виде вошедшего испытываешь разочарование. В этом случае я представлял себе фигуру хотя бы вроде Мак-Магона. (Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари-Эдм-Патрис-Морис — французский маршал 1808–1893, в 1873–1879 гг. — президент Французской Республики) Как личность он произвел на меня приятное впечатление, в нем чувствовалось достоинство. Но он тотчас же завел разговор о масонах и уже не сворачивал с этой темы, он процитировал слова Гёте в связи со сражением при Вальми о том, что отныне мировая история меняла свое содержание. Они служат примером удивительной прозорливости, гениального суждения, которое по первым росткам уже угадывает габитус будущего растения. Людендорф же объяснял это иначе: «Откуда он это узнал? Он знал это, потому что был масоном. Он узнал это от Робеспьера и других масонов, которые засели в Париже». Вероятно, я посмотрел на него с удивлением, потому что он сказал: «Вы, может быть, считаете, что я помешан на масонах. Но когда вы поглубже вникните в эти вещи, то поймете их подоплеку».

Нечто подобное я пережил и с добровольческим движением,¹⁴⁰ о котором я имел идеализированное представление. Отечество было повержено, как после 1806 года. В те времена в добровольческие отряды стекалась восторженная молодежь, готовая вопреки бессильному правительству бороться с превосходящей силой противника, под властью которого тогда находилась Европа. Тогда хватило нескольких лет, чтобы освободиться. При сравнении наше положение было лучше, чем тогда. Я обратился к Росбаху, который после возвращения из Прибалтики руководил таким незаконным объединением. Я жил в Лейпциге, и мне сразу же было поручено возглавить Саксонское отделение. Там оказалась группа,

¹⁴⁰ После Первой мировой войны в разных частях Германии было довольно много так называемых «фрайкоров» (добровольческих корпусов), которые взяли на себя задачи борьбы с большевистской опасностью. Добровольцев организовывали наиболее энергичные командиры рейхсвера и кригсмарине. В среде добровольцев были не только авантюристы и ландскнехты, но и много политических идеалистов, среди них оказался и Юнгер. После 1923 г. добровольческое движение постепенно сошло на нет под влиянием республиканских властей.

собиравшаяся в комнате, расположенной за табачной лавкой. Никакого воодушевления там не чувствовались, дела сразу же приняли неприятный оборот. Я работал в Зоологическом институте; иногда, когда я анатомировал спрута, ко мне заглядывал педель (Школьный сторож.) и вызывал меня в коридор. Там меня поджидал Росбах,¹⁴¹ у которого вышли общественные деньги. Мне приходилось выручать его, разумеется, из собственного кармана. Эти люди что-то не очень походили на охотников Лютцова¹⁴² или тугендбундовцев,¹⁴³ — общество, образованное в 1808 г., ставившее себе целью воспитание юношества в духе немецкого патриотизма) даже Занда, убившего Коцебу, представляешь себе несколько иначе. Один был замешан в политическом убийстве по распоряжению тайного судилища; другой участвовал в террористической деятельности, взрывая дома в Верхней Силезии, третий работал в Бреслау (Вроцлав — город в Силезии) редактором националистического еженедельника, участвовал в каких-то темных делах и сейчас скрывался от полиции. Через месяц я добился того, что Росбах освободил меня от этой должности, и я наконец-то свободно вздохнул. Кажется, ему и самому все это было не по душе, так как он распустил военное добровольческое объединение и основал объединение наподобие «Вандерфогеля», («Перелетные птицы» (нем. Wandervogel) — организованное в 1901 г. Карлом Фишером объединение любителей природы, туристических походов и народных песен.) вместе они ходили в туристские походы.

Однако этот опыт был небесполезен. Достоевский еще в 1870 году описал классические типы в кружке заговорщиков-нигилистов; уж ему-то они, конечно, были хорошо знакомы по личному опыту. Теперь я мог это подтвердить. Угнетающее впечатление производит сугубо технический оттенок всего происходящего, отсутствие людей более высокого склада — такого, как, например, среди декабристов или революционных романтиков. Убийство Шатова по решению тайного судилища представляет собой кульминационный момент. Его зачинщик Петр Степанович — сугубый техник. В пролитой крови он видит средство для достижения господства и в качестве жертвы выбирает ни в чем не повинного человека. Симпатичным представляется один лишь несчастный прапорщик Эркель, которого злодейское убийство приводит в ужас, однако он думает, что Петр делает то, «что необходимо для общего дела». Он кончает Сибирью.

Кирххорст, 29 марта 1946 г.

Провокационный вызов и ответная реплика. Очень скоро Гитлер стал отчетливо выделяться на фоне различных националистических сект. Его рост напоминает растение, которое на дряной почве вырастает до огромной величины, напитываясь ее силой. В то время его имя еще упоминалось в одном ряду с темными партнерами. Можно сказать, что он прошел через ряд триумфиров.

Когда я его слушал, то у меня создалось от него впечатление бледного восторженного человека, который не столько высказывал новые мысли, сколько высвобождал новые силы. Казалось, что не столько он владеет словом, сколько слово владеет им. Таким представляешь себе медиума, снedaемого овладевающими им силами. В его гороскопе должна была присутствовать луна; Муссолини, в отличие от него, принадлежал к солярному типу, он был

¹⁴¹ Росбах Герхард — один из самых известных командиров фрайкоров

¹⁴² Егери Лютцова (Lützowsche Jäger) — добровольческий отряд, участвовавший в освободительной войне против Наполеона в 1813–1814 гг., названный по имени его командира, прусского офицера Адольфа Лютцова (1782–1834)

¹⁴³ Тугендбунд (нем. «Союз добродетели»)

гораздо ясней и прозрачней, а также более предсказуем. Как раз умники-то и просчитались в оценке Гитлера. У него было бледное, неопределенное лицо медиума. Его питала силой неопределенность, он фокусировал ее излучения и отражал, словно вогнутое зеркало; он был сновидцем. Впоследствии я увидел портрет его матери; он многое объясняет. Такие образы наводят на мысль о другой стороне, о потаенной демонической истории, которая никогда не будет написана. Очевидно, юность он провел в мечтаниях. Кубин сказал мне, указывая на близко расположенный Браунау: «Там, внизу, живет много людей, которые его знали. Но они не замечали в нем ничего особенного».

Мюнхен был благоприятной почвой для его первых шагов, более благоприятной, чем Берлин. Его население импульсивнее, и у них был опыт Советской республики. Я видел рабочих, уволенных солдат в серых суконных мундирах, ребят с теми лицами, какие писал Лейбль.¹⁴⁴ В город приходили люди, жившие в горах. Они внимали ему как зачарованные.

В таких местах речи воспринимаются не умом, они действуют как заклинания. Поэтому их не опровергают при помощи аргументов. Он не сказал ничего нового, ничего такого, чего бы до него не было сказано социал-демократами или националистами. Чувствовалось, что все это взято из третьих рук — у Дюринга, Лангбена, Лагарда, Люгера¹⁴⁵ и тому подобных. Но это не имело значения. Он выдвигал даже такие безумные предложения, как например то, чтобы правительство начало печатать фальшивые франки. Но все было полно внутренней энергии, во всем чувствовались какие-то мощные токи.

Если у меня возникло ощущение, будто бы я попал в плавильный котел, нахожусь в центре национального единения, это было не так уж неверно. Но за этим было что-то другое, более сильное — открытие бесклассового общества со всеми вытекающими отсюда последствиями, с вызванным им колоссальным взрывом энергии. Это смешивает все краски палитры, разрушает иерархии, освобождает человека от навязанных обязательств, поглощает их и уносит в динамическом потоке. Массы осознают свое единство, свое равенство и даже свою свободу, воплощенные в одной личности. Возможно, что отсутствие у нее ярко выраженной физиономии еще больше способствует этому ощущению: они проецируют на эту личность свою веру, свои надежды, свое ощущение величия. Национальные страсти действуют при этом наподобие запала; движение неизбежно выходит за рамки национального, которое тоже составляет одну из красок общей палитры. Оно устремляется за пределы истории в неопределенное и необозримое пространство.

Тогда меня охватило что-то другое, похожее на очищение. Непомерное напряжение четырех военных лет привело не только к поражению, но и к унижению. Раздробленная на кусочки, прорезанная коридорами, разграбленная, обескровленная страна оказалась обезоруженной в окружении хорошо вооруженных, опасных соседей. Это был страшный, серый сон. И вот поднялся незнакомец и сказал то, что нужно было сказать, и все почувствовали, что он прав. Он сказал то, что должно было сказать правительство, если не теми же словами, то хотя бы в том же смысле, выразить это по крайней мере своим отношением, даже молчанием. Он увидел брешь, образовавшуюся между правительством, и народом. Он решил ее заполнить.

¹⁴⁴ Лейбль Вильгельм (1844–1900) — немецкий художник реалистического направления. Самостоятельно нашел путь к реализму, довольно необычному в его эпоху. Много писал баварских крестьян в своей студии и на натуре

¹⁴⁵ Евгений Дюринг, Юлиус Лангбен, Пауль де Лагард и Карл Люгер — немецкие расистские, антисемитские и националистические докритеры XIX в., а Люгер был еще и политиком — бургомистром Вены.

То, при чем я присутствовал, было не ораторским выступлением, а стихийным событием. Инфляция зашла тогда, кажется, уже довольно далеко. Голод — великая сила, голодные массы — это хорошие слушатели. Помнится, как после окончания собрания по залу ходили люди с мешками, в которые мы опускали денежные купюры.

Кирххорст, 30 марта 1946 г.

Провоцирующий вызов и ответная реплика. Когда Эрнст Никиш закончил свою книгу «Гитлер, германский рок», на обложке которой, сделанной художником А. Паулем Вебером, можно было видеть легионы вооруженных людей, которые вместе со своими знаменами проваливаются в трясину, он показал мне оттиски. К сожалению, это был не просто политический памфлет, это было пророческое видение. Очевидно, это было перед самым вступлением Гитлера в должность канцлера. Никиш показался мне человеком, который вот-вот сам себя взорвет на воздух; я советовал ему воздержаться от публикации. Но он не был политическим противником в общепринятом смысле слова; он так глубоко страдал от того, что на его глазах надвигалось на страну, что ему было не до страха. Вскоре он и Вебер исчезли в тюрьмах.

Прошло десять лет после той мюнхенской речи; многое с тех пор изменилось в мире и в моих взглядах тоже. Политические события такого рода имеют детально развивающуюся историю со своими подъемами и спадами, которые, в частности, касаются также приятия и неприятия. Люди, ошибшиеся в своем выборе, стараются заострить внимание на тех моментах, которые они считают положительными, причем зачастую это делается с величайшей наивностью. Они стараются перечеркнуть те часы своего увлечения, которые, возможно, были лучшими в их жизни. Для оправдания на посмертном суде зачитываются не только добрые дела, но и заблуждения. Извергается только тот, кто тепл, а не горяч и не холоден.

Когда в нашу жизнь неотвратимо входит какой-то человек, мужчина или женщина, входит какая-то идея или бог, ответом на это может быть абсолютная решимость, готовность преданно следовать за ним, верность не на жизнь, а на смерть. Этот человек встретил свою судьбу; он откликнулся на зов, который принесет ему победу или смерть, он платит своей жизнью, честью, имуществом.

Глядя со стороны, можно этого не понять. Вот некто разорился ради женщины, которая, на наш взгляд, не отличается ни красотой, ни душевным богатством. Сектанты идут на костер за пустяковые различия. Восторженные последователи умирают за нелепую идею. В этом всегда есть что-то непостижимое.

Когда нечто подобное происходит рядом с нами, а мы не можем отказаться от позиции стороннего зрителя, критического наблюдателя, мы неизбежно оказываемся в сомнительной ситуации. Сомнительность состоит в этом случае не столько в ее опасности, которая неминуемо здесь присутствует, сколько в безучастном отношении. В таком положении обыкновенно говорят, что не нашлось ничего равноценного, что можно было бы противопоставить новой идее. На самом деле это означает не отсутствие другой, лучшей системы, которую можно было бы противопоставить той, что получила распространение, а отсутствие должной самоотверженности, систем всегда предостаточно, так что бери любую. Но дело в том, что она должна наполниться живой кровью. Так и в Германии можно было найти гораздо лучшее решение, чем то, которое предложил Гитлер, да мало оказалось решительных людей, готовых его отстаивать, кроме коммунистов. У них было много общего с Гитлером, а у Гитлера с ними, включая такое нововведение, как использование техники в методах политической борьбы, и ей суждено играть в будущем все более значительную роль.

Физиогномические особенности тоже играют немаловажную роль. На многих, особенно людей интеллигентного склада, Гитлер с первого взгляда производил неприятное впечатление. Это усиливалось по мере того, как он переходил к провоцирующему поведению и набирал все большую власть.

Часто отмечалось его сходство с Чаплином. Известно, что Чаплин даже сыграл роль Гитлера. Это сходство не ограничивается поверхностными чертами; Чаплин был одним из великих чародеев и разрушителей нашего времени, властелином взрывного хохота, которым человек, в чью душу властно вторгается техника, выражает свое понимание парадоксальности и невозможности своего положения. Человек корчится от хохота, глядя на то, как взлетает на воздух его взорванный дом. Я понял это с чувством потустороннего ужаса, когда смотрел так называемую комедию «Чаплин — динамитный пекарь».

Когда политическая температура достигает определенного градуса, неизбежно начинается твориться насилие. Это может привести к кризису, к началу внутреннего несогласия среди лучших сторонников, как это произошло в Италии в связи с убийством Маттеотти. С другой стороны, если ты принимаешь какое-то движение, почти невозможно ограничиться идейным согласием, отвергая физическую расправу, которая творится на улице, в особенности если открыто выражается резкое неприятие.

И тем не менее соблюдение меры, ограничения, которые соблюдаются в применении насилия, служат верным признаком величия, истинного призвания, показателем того, что эта власть зиждется на бытийной, а не только на волевой основе. Она входит в общее целое, думая, когда нужно, и о побежденной стороне. Ответы Гитлера и его репрессии часто заставляли вспомнить слова Галейрана, сказанные им, как мне кажется, по поводу расстрела герцога Энгиенского: (Герцог Энгиенский Луи Антуан де Бурбон-Конде (du d'Engi-en) (1772–1804) последний представитель боковой ветви Бурбонов-Конде, непримиримый враг Наполеона, по приказу которого и был расстрелян 23 марта 1804 г.) «Это хуже, чем преступление, это ошибка».

Кирххорст, 31 марта 1946 г.

Провоцирующий вызов и ответная реплика. Если подумать, то моя собственная кривая шла, причем нередко вопреки моей воле, противоположно общему ходу. Мое суждение менялось приблизительно таким образом: сначала: «он прав», затем «он смешон» и наконец «в нем появляется что-то нечеловеческое». Эта перемена, вероятно, более или менее соответствовала его движению от ответной реакции к провоцирующему вызову. В то время как он одерживал первые крупные победы на выборах и пришел к власти, я уже относился к событиям достаточно отстраненно. Еще во время мюнхенского путча некоторые его моменты подействовали на меня охлаждающе.

Такого рода впечатления сильно зависят от личности наблюдателя; он должен заранее взвесить свою способность к оценке текущих событий политической жизни. Порой я спрашивал себя, что было бы, живи я во времена Наполеона или Бисмарка, возможно, я тогда оказался бы в точно таком же положении. При скептическом настроении ты, к сожалению, всегда в конечном счете оказываешься прав, так как все человеческие усилия обречены на поражение или, не оправдав первоначальных ожиданий по крайней мере никогда не могут достичь тех высот, которые рисовались в воображении.

Вне всякого сомнения, я недооценивал талант этого человека. Он обладал необыкновенной динамизирующей силой, высвобождающей связанные энергии,

исключительным даром инстинктивно находить упрощенные формулы, выражающие тенденции массовой и машинной эры, особенно если принять во внимание его происхождение. В этом отношении его противникам было чему у него поучиться. Предубеждения традиционалистского, эстетического, морального плана, как и соображения чисто интеллектуальные легко могли привести к недооценке его возможностей. Впрочем, он потерпел крах не столько из-за своих талантов, сколько по вине темперамента, из-за своей ненасытной жадности. Его система была проще и стабильнее вильгельм-мовской; она устояла даже в последней ужасающей фазе. В наш век произошел целый ряд демонических взлетов, которым способствовало всеобщее нивелирование. Однако в этом все же остается элемент тайны, которую невозможно разгадать с позиции исторических знаний. Пожалуй, не найдется в истории модерна ни одного человека, который вызвал бы столько восторженного поклонения и в то же время навлек на себя столько ненависти, как он. Когда подтвердилось известие о его самоубийстве, у меня камень свалился с души; порой я уже опасался, что его выставят в клетке в каком-нибудь из больших городов за границей. Спасибо, хоть этого нам не пришлось из-за него пережить.

Кроме наблюдателя или наблюдаемого, есть еще нечто третье — общая судьба, объединяющая обоих. С ранних лет меня начали мучить страшные сны о катастрофах. Иногда они разыгрывались на фоне ледяного ландшафта, иногда на фоне огненного. Однажды в Госларе я проснулся среди ночи. Я видел во сне льдину, на которой собралась громадная толпа людей. Толпа пришла в движение, и все устремились к одному краю. Это уже была не суша, это была льдина, плавающая среди Ледовитого океана; под тяжестью людских масс она должна была проломиться или опрокинуться.

Кирххорст, 2 апреля 1946 г.

Провокационный вызов и ответная реплика. Великим переворотам предшествует особенное настроение. Каждый чувствует, надеется или опасается, что начнется что-то другое, что оно непременно наступит. Я тоже был в этом убежден. Это носилось в воздухе. Лично я был доволен своим положением и не желал никаких перемен. Работа за письменным столом и в саду, беседы с друзьями, временами поездка куда-нибудь на юг. Деловые хлопоты, служба, почетная должность — все это могло только нарушить эту жизнь. Я усвоил урок, полученный под Росбахом.¹⁴⁶

Как и многие другие бывшие фронтовики, не только немецкие, Гитлер ценил мои книги о Первой мировой войне; он дал мне об этом знать, и я посылал ему новые издания. Он высказал мне свою благодарность и передал ее через Гесса. Получил и я его книгу, которая тогда только что вышла. Однажды, когда я жил еще в Лейпциге, он оповестил меня о своем предстоящем визите, который, однако, отпал вследствие изменения маршрута его поездки. Вероятно, ничего особенного он бы не дал, как и моя встреча с Людендорфом. И определенно имел бы злополучные последствия.

Более поздние мои сочинения, такие как «Рабочий» или «Тотальная мобилизация», которые помогли бы ему отойти от национально-государственного и партийного мышления, остались ему чужды, хотя он, — вероятно, из третьих рук — позаимствовал отсюда некоторые формулировки для своих лозунгов. «Рабочий» вышел в 1932 году; в этой книге говорится среди прочего о той завершающей и одновременно подготовительной, но в целом лишь родовспомогательной, роли, которую играют великие начала национализма и

¹⁴⁶ Деревня недалеко от Галле, где 5 ноября 1757 г. прусский король Фридрих Великий победил французские войска

социализма в деле становления окончательной структуры государств Нового времени, в особенности мировой империи, в образовании которой принимают участие разные силы противоположной направленности и к появлению которой нас заметно приблизила Вторая мировая война. «Фелькишер беобахтер» опубликовал на нее неблагоприятные отклики; редактор резюмировал, что я приблизился к зоне, где «можно получить пулю в голову».

Однако это знакомство все же не прошло для меня без последствий, так как в памяти Гитлера, как это часто бывает у политических деятелей, все раз и навсегда было разложено по полочкам; однажды составив себе мнение о человеке, он неохотно его менял. В начале войны вышла моя книга «На мраморных скалах», с «Рабочим» она имеет то общее, что события, происходившие в Германии, действительно укладываются в ее рамки, однако она не была скроена специально под них. Поэтому я и сегодня не люблю, когда ее относят к тенденциозной литературе. Этот башмак и в прежние, и в нынешние времена многим придется впору. То, что многие начнут примеривать его на себя, было более чем вероятно, как бесспорно и то, что я использовал там многое из того, чему был очевидцем. Меня особенно интересовал исход разыгранной партии. Чем она кончится? Ведь и сейчас по-прежнему не существует заклятья более сильного, чем заклятье пролитой кровью. Впоследствии, когда разразилась катастрофа, мне порой чудилось, будто, в сновидении, в предчувствии грядущее, включая даже мелкие подробности, открылось ярче, чем оно осуществилось потом в действительной жизни.

Книга сразу же вызвала дискуссии, которые стоили моему издателю Бенно Циглеру (Циглер в итоге был вынужден отказаться от печатания «Трактата о мире».) многих бессонных ночей, в то время как я сам был вне зоны обстрела, а именно у Западного вала.¹⁴⁷ Там я узнал, что эти споры захватили даже самую верхушку. На одном из собраний политических руководителей один рейхслейтер по фамилии Боулер пожаловался на меня. Этому надо, мол, положить конец. Гитлер подумал секунду и объявил решение, чтобы меня оставили в покое.

Во время войны я часто получал письма от молодых солдат, читателей, которые писали мне перед первым боем, а затем приходили письма от родственников погибшего. Хороший был личный состав, который пустили в распыл ради достижения невозможного. Я пережил то же, что многие другие, что пережило большинство немцев: я видел, как проедалась собранная мною часть капитала. Ты строишь дом и видишь, как он сгорает дотла в дыму пожара. Это ничего не говорит о доме и его устройстве. Хорошим жильцам он сослужил бы хорошую службу.

Необходимость вооружения после 1918 года не опровергается фактом поражения, в нем виновато не вооружение, а его бессмысленная и провокационная растрата. В отношении вооружения Гитлер выполнил задачу, не решенную вовремя его предшественниками. Это упущение в значительной мере служит объяснением их поражения и его чудесного взлета. На какое-то время мир переменял свое мнение и, сбросив маску Шейлока, который требует того, что ему причитается по векселю, стал оказывать помощь чуть ли не более щедрую, чем требовалось. Симпатии отдаются сильному.

Провокационный вызов и ответная реплика. Спрашивается, как игра пойдет дальше. К числу благоприятных прогнозов относится изжитость национального государства; тут ответной реакции не с чего запуститься. Это не касается вопроса об отечестве; национальное

¹⁴⁷ Западный вал — это незавершенные оборонительные укрепления по западной границе Германии, строительство которых началось еще в 1938 г. Еще его иногда называли «Линия Зигфрида». В 1944 г. союзники сходу прорвали Западный вал сначала у Ахена, а затем и в других местах.

государство — это идея, отечество — реальность, которая скорее выигрывает от того, что идеи 1789 года уходят в прошлое.

Так что я не думаю, чтобы сейчас, если оккупанты вдруг решат уйти, здесь началась бы та ужасная резня, которая происходила во Франции, когда ее оставляли наши войска. Результатом будет несостоявшийся ответ, что зачастую оказывается наилучшим вариантом.

Вторая мировая война принесла с собой чудовищные разрушения. Но зато она ослабила предрассудки, казавшиеся непреодолимыми, и отворила двери, которые нельзя снова запереть.

Кирххорст, 1 мая 1946 г.

Об окаймлениях. Мысли во время утренней прогулки по саду при созерцании листьев земляники, покрытых каплями росы. Роса садится по краям, окаймляя лист мелкими капельками, которые в лучах солнца сияют ярче любых самоцветов. Таким следует представлять себе устройство мира, только тут лист невидим. Мы видим только наряд.

Кристаллы — это такое же окаймление невидимого ядра. Гармонии и пропорции, которые нас в них восхищают, суть перевод на зримый язык.

Посвящается Эрнстелю; сегодня день его смерти. Сейчас ему исполнилось бы двадцать лет.

Перечитывая, я вижу, что сделал опisku. Но день смерти может быть и днем рождения. Тогда следует переменить знаки: ставить крестик в начале и звездочку в конце.

1947

Кирххорст, 1 января 1947 г.

Новый год. Обдумывал, стоит ли начинать новый дневник, так как это постоянная обязанность. Однако тут есть и свои преимущества. Ты оставляешь световые следы на волнующейся поверхности прожитых дней, которая иначе быстро поглощается тьмой. К тому же я буду смотреть на это скорее как на удовольствие, нежели как на обязанность.

Приступил к разработке диспозиции для «Гелиополиса», а затем писал письма, среди прочих парижскому адвокату Бутулю, который прислал мне свою книгу «Cent Millions de Morts», («Сто миллионов мертвых» (фр.)) в ней содержится описание одной из войн будущего и соображения о том, как можно ее предотвратить.

Главную причину войн Бутуль усматривает в перенаселенности, которая постоянно растет, поэтому он выдвигает требование ограничения рождаемости, контроль за которой должна проводить Лига наций.

Осуществление его предложения, конечно, не ослабит ни человеческую жестокость, ни волю к убийству; направлено оно против точки наименьшего сопротивления. Так, на спасательном плоту первой жертвой людоедского нападения становится корабельный юнга.

Этот план принадлежит к иллюзиям, являющимся отражением слабости, и представляется одной из самых сомнительных форм разоружения. Да и популярность его не

распространилась бы дальше Эльбы. Славянскому материнству этим поветрием не заразиться. Да и в Италии на это бы никто не пошел. Это идеи, рассчитанные на Парижский бассейн. Они приведут только к дальнейшему усилению скотских элементов. Ну а как же обстоит дело с нашей перенаселенной страной, в которую каждодневно притекают новые толпы беженцев? Согласно Бутулю здесь должна образоваться опаснейшая взрывчатая смесь.

Навязчивая боязнь человеческих масс и их численности — это симптом, который как таковой наводит на размышления. Огромный перевес в соотношении сил существовал всегда, причем задолго до Саламина.¹⁴⁸ Однако решающее значение имеет не численное превосходство, а категориальное превосходство. Последнее же есть явление духовного порядка; чисто физические против них бессильны.

Все больше создается впечатление, что в системы мышления проникает страх, между тем как техническое развитие продолжает свой поступательный ход и принимает все более угрожающий характер.

Мышление и страх — друг другу не товарищи; начав думать, нужно в первую очередь изгнать страх, иначе появятся миражи и ложные умозаключения. Ум, склонный к исключению крайностей, уже не способен с ними сладить. Сократ был выдающимся мыслителем главным образом благодаря своему бесстрашию. Поэтому он прошел через уничтожение целым и невредимым и дожил несломленным до наших дней. Физическая угроза кажется тем страшней, чем сильнее идет на убыль венец мышления — метафизическое видение. Мир изменяют не сильные средства, а могучие умы.

Если верить физикам, то выпущенные ими на волю вещества обладают губительной силой уничтожения даже в самых микроскопических количествах. Поэтому они требуют тщательнейшего хранения. В то же время вот-вот появится такая техника, при которой не только электростанции, но и мелкие машины будут работать на энергии этих веществ, таким образом столкновение двух коммивояжеров на дороге приведет к катастрофическим последствиям, не говоря уже о медленном отравлении или, выражаясь более осторожно, о таком изменении атмосферы, эффект которого непредсказуем. Очевидно, нам придется кое-чем за это поплатиться. Почему бы и нет! Ведь чтобы пользоваться огнем, надо не бояться пожаров. Огонь, правда, как известно, долгое время считался священным.

Наряду с неоднозначностью технического развития как такового, у нас также нет определенности в понимании этого процесса: Почему необходимы эти жертвы и почему мы обязаны их принести? Правда, это вывело бы нас за рамки технических и экономических проблем, а также за рамки той морали, пределы которой очертили для себя Прометиды.

Мышление вовсе не должно, как утверждают многие, приравниваться к ходу развития; вполне достаточно, если оно будет держаться тех высот, которые обозначены классическими вершинами. Они, как и язык, способны вместить в себе всю технику и много чего другого впридачу.

Кирххорст, 2 января 1947 г.

Продолжение работы над диспозицией «Гелиополиса». Относительно техники

¹⁴⁸ Битва при Саламинине — морское сражение, состоявшееся 28 сентября 480 г. до н. э. во время греко-персидской войны. Сражение закончилось победой греков, несмотря на значительное численное превосходство персов

следовало бы найти третью, независимую от прогресса, точку зрения. Восприятие прогресса вызывает двойное отношение — он может действовать либо отталкивающе, либо притягательно. В первом случае дух стремится отойти на позиции дотехнических форм; он окунается в романтические сферы. Во втором случае он, обгоняя технику, устремляется в утопию. Таковы две большие партии; одного взгляда на произведение искусства достаточно, чтобы понять, которую из двух оно представляет.

Не в том ли должна заключаться цель процесса, чтобы романтическое и утопическое начала объединились, приобретя стереоскопическую объемность, чтобы войти в новую реальность? Среди прочего это позволило бы вернуть в наш мир теологические элементы, наделенные новой достоверностью.

На достижение этой цели направлены в конечном счете эксперименты живописи. Мастерские художников напоминают лаборатории, в которых создаются разнообразные соединения, прежде чем наконец будет достигнут убедительный синтез. Если бы уже на этом этапе появилась какая-нибудь совершенная картина, это было бы признаком того, что художники опустили руки, отказавшись от исследования экстремальных возможностей.

Пополудни катание на коньках, затем чтение: Теландье. Мориц Саксонский.¹⁴⁹ Изучение биографий, кроме наслаждения, имеет еще и более общее значение — читая их, мы развешиваем фонарики во мраке истории. Когда освещение становится достаточно ярким, мы приходим хотя и к опосредованному, однако же более тонкому пониманию тех сил, которые воплощали в себе индивиды, главное, чтобы при этом не забрасывать чтение прагматической литературы.

В других мемуарах — в написанной Гамильтоном биографии графа Грамона,¹⁵⁰ я наткнулся на такое место: «Дядюшке было добрых шестьдесят лет. В гражданской войне он отличился храбростью и верностью».

Эта фраза мне понравилась, хотя я не знал ни того, о какой гражданской войне идет речь, ни того, на какой стороне воевал этот человек. Но, может быть, личность лишь тогда предстает в истинном свете, когда исторические конstellляции с их страстями уже потеряли свое значение. Глядишь, и наше время когда-нибудь найдет своего Плутарха.

Кирххорст, 6 января 1947 г.

Среди почты письмо молодого автора о языке и его отношении к нему: «Духовное, которое просвечивает сквозь все предметы, в нем повторяется, и в этой модели мира я могу продолжать дело творения».

Он приложил к письму маленькое удостоверение своей личности:

Aus granitnen Stufen,
Die aufwärts führen

¹⁴⁹ Саксонский Мориц (1696–1750) — французский государственный деятель, маршал Франции. Отличился в войне за Австрийское наследство в 1740–1748 гг.

¹⁵⁰ Грамон — весьма древний французский род, в котором было много крупных деятелей. По всей видимости речь идет об Антуане Грамоне (1819–1880), который был дипломатом. Вершина его карьеры — руководство министерством иностранных дел в 1870–1871 гг. как раз во время Франко-прусской войны, началу которой он и содействовал

Blitzen Kristalle.

(В гранитных камнях /Наверх ведущих ступеней /Сверкают кристаллы (нем.))

Кирххорст, 8 января 1947 г.

«Гелиополис». Перед тем как описывать город, нужно сперва в бесчисленных снах пожить в каждом дворце, в каждой харчевне, в каждом заднем дворе. Затем надо вновь утратить это знание, чтобы его остатки превратились в плодородный перегной, на котором возрастет описание.

Геспериды — сумеречные острова, перевалочные порты, откуда дух незаметно выплывает в абсолютное царство сновидений.

Сибирская стужа. Приятная мысль, что вместе с ней совсем близко подступает смерть, обретая характер атмосферы. Ты гуляешь по лесу, не спеша выпиваешь бутылку бургундского и ложишься, чтобы заснуть и не проснуться.

В романе «Гельмут Гарринга», который был очень популярен году в 1912-м, одному из моих одноклассников очень понравился чистый способ самоубийства, которым воспользовался главный герой. Он уплывает в море, в безбрежное пространство, деятельно устремляясь навстречу гибели.

Этому способу можно бы предпочесть другой — отправиться зимой в горы и по мере подъема все дальше проникать в ледяные сферы белого безмолвия. В «Горном хрустале» Штифтер затронул торжественное настроение такой смерти. По сравнению с нею поражает та ужасная смерть, которой завершился его жизненный путь.

Кирххорст, 19 января 1947 г.

Глубочайшее душевное страдание возникает оттого, что мы отклоняемся от блага. Моральные конфликты служат лишь симптомами того, что это произошло; они, как лихорадка или как сыпь, указывают на скрытые очаги болезни. Во время таких кризисов сомнению подвергается целостность мира, которая зависит от нашей преданности добру. Каждый из нас — Атлант, держащий на своих плечах Вселенную. С этим ужасным сознанием полного крушения не может сравниться ничто другое, даже панический страх душевного помрачения, который мучителен, как геенна. Когда доходит до последнего испытания, нам приходится выбирать — дух или добро. В этом вся тайна знаменитых катастроф, которым порой находят такие простые объяснения. Она заключается в приятии мученичества. Дросте-Хюльсгоф¹⁵¹ была знакома эта альтернатива, и она выразила ее с замечательной четкостью:

O Gott, ich kann nicht bergen,
Wie angst mir vor den Schergen,
Die du vielleicht gesandt,
In Krankheit oder Gramen
Die Sinne mir zu nehmen,
Zu toten den Verstand!

¹⁵¹ Дросте-Хюльсхоф Анней (1797–1848) — одна из самых значительных немецких поэтесс XIX в. Была истовой католичкой и с замечательной точностью выражала свои религиозные чувства в стихах

Doch ist er so vergiftet,
Daß es Vernichtung stiftet,
Wenn er mein Herz umfleußt;
So laß mich ihn verlieren,
Die Seele heimzuführen,
Den reichbegabten Geist.

Hast du es denn beschlossen,
Daß ich soil ausgegossen
Ein tot Gewässer stehn
Für dieses ganze Leben;
So laß mich denn mit Beben
An deine Prüfung gehn.

(О, Господи! Не могу скрыть, /Как страшусь я палачей./ Которых, быть может, ты уже выслал,/Дабы болезнью или горем /Отнять у меня разум, /Убить мой рассудок!// Но если он так отравлен, /Что порождает гибель,/Коснувшись сердца,/То пусть я его потеряю,/ Чтобы в свою отчизну вернулась душа,/Дух, богатый дарами.// Если ты решил,/ Чтобы мне быть-разлитым,/Остаться мертвым, стоячим водоемом,/То пусть я, трепеща от страха, Приступлю к посланному тобой испытанию (нем.))

Провел день за чтением. Лена Крист «Воспоминание лишней женщины» — в литературе это то же, что картины любителей в художественных салонах. Своеобразное впечатление, производимое такого рода дилетантизмом, служит одним из признаков убыли — чем больше стихийного начала, чем больше гениальности еще сохраняется в обществе, тем менее заметны в нем дети природы. На более позднем этапе творческая сила как таковая становится чрезвычайным явлением. Она воспринимается как странность, почти как клинический феномен. На нее так и слетаются врачи и психиатры, как это происходит вокруг современных святых, за которыми наблюдают при помощи специальных инструментов.

Далее: Каплер. «Шесть лет в Суринаме», 1854 г., изд. Швейцербарта. Эту небольшую книжицу я особенно люблю и уже неоднократно перечитывал. Ее автор, немецкий коммерческий служащий, завербовался наемником в голландский иностранный легион и провел много лет в тропических джунглях. Достоинство книги состоит в том, что она содержит не только замечательные описания растений и животных, но также людей и их обычаев. Спокойный и ясный тон изложения составляет рамку, в которую заключена картина буйной тропической жизни. Кое-что напоминает картины Мериан,¹⁵² побывавшей в этой стране на сто пятьдесят лет раньше. К этому следует добавить, что автор обладает большим чувством меры, переходящим даже в умеренность. Меня удивляет то, что я встретил эту книжку лишь в этом единственном экземпляре и никогда о ней ничего не слышал.

И, наконец, Вейнингер «О последних вопросах» — сочинение, которое, как я считаю, стоит гораздо выше, чем его главное произведение, которое приобрело такую известность.

¹⁵² Мериан Мария Сибилла (1647–1717), немецкая художница, натуралист, гравер и издатель. Совершила путешествие в Суринам (1699–1701). Первооткрывательница мира насекомых Южной Америки (книга «Метаморфозы суринамских насекомых», 1705). Ценнейшую часть изданий, коллекций и акварелей Мериан приобрел Петр I для музеев и библиотек России.

Здесь пышным цветом цветет такое видение, которое в будущем обещает принести чудесные плоды. Поэтому так потрясает, что этот ум так рано погиб.

Кирххорст, 24 января 1947 г.

Во время переживаемых кризисов бывают моменты, когда у нас появляется предчувствие, что смерть отступила от нас и близко выздоровление. В чем тут дело — воспрянувшее ли здоровье порождает в нас это предчувствие или, напротив, предчувствие, появившись, выводит нас в новую жизнь? Этого мы не поймем, пока будем видеть дух и тело раздельно.

Впрочем, в здоровье важно лишь то, что составляет его символический смысл. В нем должна быть капля того здоровья, которое помогает преозмочь последнюю болезнь. Это тот отблеск, который светится на лице выздоравливающих или умирающих. Иначе вместо исцеления это была бы лишь отложенная партия. Ужасно порой бывает наблюдать, как человек борется за голое выживание, за лишние выигранные месяцы, когда страх больного заставляет врача вспомнить все уловки своего искусства. Игра, в которой выигрыш — пустые орехи, пустые дни, а ведь каждый из этих дней мог бы принести величайший выигрыш. Умирание — это тоже задача. Как только больной это понял, он снова держит бразды правления в своих руках.

Всегда остается вопрос, что делать со своим здоровьем. Это мина серебра, данная нам взаимы. Когда я поработал продуктивно, я даже при физическом минимуме чувствую себя здоровее, чем в такое время, когда физически я нахожусь в зените, но в духовном отношении переживаю спад.

Кирххорст, 11 февраля 1947 г.

По-прежнему держится стужа. Она не помешала одному гамбургскому мыслителю приехать ко мне, чтобы изложить свою космогонию, о которой мы уже беседовали в письмах.

Входит долговязый, сухопарый человек; его узкая голова покрыта рыжеватыми жидкими волосами. Глаза светятся ясной голубизной, но могут сфокусироваться только на том, что расположено на расстоянии не далее одной пяди от переносицы. Он прошел обучение кузнечному делу и потому, как сам сразу же предупредил, «не обладает большой ученостью». В Первую мировую войну он ведал оружейно-технической частью егерского батальона, во Вторую — работал в отделе испытания материальной части на одной из авиационных фабрик. Вот уже несколько лет, как он стал задумываться, живет задаром у сестры и разрабатывает свою систему.

Мы пьем кофе и болтаем; в комнате стоит приятное тепло. Затем усаживаемся как следует. На мое предложение: «Ну а теперь, давайте рассказывайте», — он достает из портфеля две стереоскопические модели, одна из которых представляет собой двойной тетраэдр, основания которого соединяются, образуя звезду Давида. Значит, он один из тех мыслителей, которые представляют свои идеи фигурально. У его модели есть свое название; он называет ее «фан» (Fahn). Существует множество таких «фанов», и для каждой главными метками являются две вершины тетраэдров и шесть углов звезды.

После того, как я изучил этот «фан», он стал посвящать меня в подробности:

«То, что в образе есть истина (wahr), то в сфере материи — мера (та?). Истина (wahr) и

мера (maß) как единицы находятся на одной линии; они являются как бы парными и тем самым подобными, но в то же время они противны (geglich) [sic!] и тем самым не равнозначны. Единицы „время" и „пространство" не только находятся на одной линии, но являются в то же время полюсами одной оси. А вокруг этой оси, а именно вокруг полюса „время", располагаются, образуя треугольник, величины „хотение" (will), „истина" (wahr) и „смысл" (sinn), с другой же стороны, вокруг полюса „пространство" — „мера" (maß), „толчок" (rack) и „сила" (kraft). Эти образуемые образными и материальными единицами тетраэдры, соединенные крест-накрест своими основаниями, и составляют то, что я называю „символическим фаном"».

Такие фаны он выстраивает в неограниченном количестве, о чем бы ни шла речь: о земле и небе, эросе и сексуе, консервативном и революционном, жизни и смерти: я вижу, что он умеет работать со своей моделью. Для обозначения отдельных точек фана у него есть особый и богатый словарь с вкраплением гамбургских диалектизмов. Так, например, «толчок» (rack) обозначает кинетическую энергию в отличие от статической «силы» (kraft). Но если пересказывать все сложные подробности и ход нашего длинного разговора, это завело бы слишком далеко. Мне особенно запомнилось его завершение:

«Я с интересом ожидаю своей смерти, так как, что касается лично меня, то я действительно отнял у нее так называемое жало или страх. Уж больно мне хочется узнать, насколько мои представления, которые я с трудом себе напридумывал, на самом деле соответствуют истинному, логическому, божественному».

Вот это мысль, достойная метафизика. Любопытство к смерти — это, как и то, что Леон Блуа называет «immense curiosite», (Огромное любопытство (фр.)) всегда признак высокого ранга.

Когда он ушел, я размышлял об этом. Самобытный гений. Какому-нибудь профессору и даже нескольким профессорам это дало бы пищу на всю жизнь. Бывают систематики и метафизики того рода, какой в живописи представлен таможенником Руссо. Врожденный дар к выработке абстракций и символов пробивает себе дорогу с непобедимой силой инстинкта даже в неблагоприятных условиях. Кузнец вытачивает ключи даже в нематериальном пространстве. Прекрасно, что его модели сработаны из железа.

По сути дела, речь идет о госте, который постоянно возвращается, хотя и в различных индивидуальных воплощениях, и участвует в строительстве то одной, то другой части великого вселенского здания. Когда-то резчик Масок открыл тайное общество «Эллинов»; оно правило миром. Большую роль в нем играли профессора, а также судьи и лица духовного звания. Знание, на котором основывалось их господство и которое они искусно скрывали, состояло в том, что Христос — это дьявол.

Доктр Цернер писал мне гениальные письма; однажды, когда у меня выдалось время, я назначил ему встречу в маленьком кафе на площади Лютцовплатц. Он сидел там один; когда я с ним поздоровался, на меня как-то странно посмотрели официанты. Я увидел перед собой бледного, нервного человека, его глаза отличались слишком большими зрачками, окруженными красивой голубой радужкой. Он тотчас же принялся оживленно говорить; его речь отличалась колебательной пульсацией, в которой перемежались слабость воли и сильные волевые порывы.

Он изобрел такую технику захвата власти, которая должна была начаться с пушечного выстрела в рейхстаге, и была так же непогрешима, как арифметический пример. Впрочем, он знал, что окружающие сомневаются в его душевном равновесии, и принимал это в расчет.

«Как видите, этот план необычаен даже с рациональной точки зрения. А если еще за ним буду стоять я, с моей шизофренией, тут уж вообще не поможет никакое сопротивление».

По своему духу он был одним из тех людей, которые появляются перед переворотами и, словно летучие рыбы, предвещают приближение подводных чудовищ. Что касается рейхстага, его предвидение оказалось очень точным, как впрочем, и во многом другом. Когда Гитлер осуществил многие из его мыслей, Цернер расстроился, как художник, идеи которого перехватил какой-то дилетант. Однажды вечером я получил его письмо, в котором он сообщал, что завтра в полдень, одетый в генеральскую форму, выйдет на Потсдамскую улицу и, подняв народ, свергнет трибуна; узнав об этом, я старательно избегал появляться в означенном районе города.

Следующая весточка от него пришла в виде открытки без почтовой марки, которую он перебросил через забор сумасшедшего дома, а какой-то сострадательный прохожий опустил в почтовый ящик. Шизофрения помогла и спасла его от худшего заключения, хотя и в лечебном заведении он много натерпелся. Мне из-за этого пришлось похлопотать. Впрочем, с тех пор у него, кажется, стало лучше с рассудком; что говорит в пользу шоковой терапии.

В комнату входит Перпетуя, размахивая телеграммой:

— Еще один сумасшедший! Сколько можно! Даже почтальонша смеется.

Послание гласит: «Еду, еду. Под знаком Аполлона. Изерман».

Изерман — отставной офицер, который писал мне письма из лагеря для военнопленных и даже присылал стихи, совсем неплохие.

Моя хозяйка, похоже, не рада:

— Хотела бы я знать, что ты там пишешь в своих книжках. Хоть раз приехал бы нормальный человек!

— Ты же знаешь: где падаль, там и стервятники. Приготовь кофе, а там видно будет.

— Как будто мне делать нечего! У меня как раз большая стирка. Нет, этому я дам от ворот поворот.

— Это будет совершенно неправильно. Таких людей нужно сперва выслушать, и вывести потом за рога. Тогда они уходят довольные, а иначе будут тут шастать и людей пугать. Кроме того, они ведь очень заняты.

Вскоре после этой беседы Луиза ввела ко мне гостя, молодого человека, в котором, кроме броской прически, не заметно никаких странностей. Мы садимся, и разговор сразу же заходит о политике. Я уж было испугался, что вот сейчас он начнет со мной толковать о том, почему он пошел или не пошел за Гитлером, но он высказывает совершенно здравые мысли. Во всяком случае не самое глупое, что вообще можно услышать. Политика, по его мнению, стала чересчур динамичной, чересчур зависит от чистой воли и подвижных ею персонажей. Она перестала опираться на такие стабильные формы, как, например, семья, и тем самым перекрывается доступ для великих сил, находящихся за пределами человеческой власти, как, например, для удачи. Политика стала абстрактной и безжизненной; нужно вновь обратиться

к простым, испытанным средствам.

— Это хорошая мысль. Но как же нам, отдельным людям, бороться с таким большим злом?

— Можно, к примеру, вернуться к барочной политике. Хотя бы при помощи браков.

— Возможно, это было бы разумнее, чем планы всех тех, кто занимается атомной бомбой. А вы уже думали о практическом применении?

— А как же! У меня есть сестра, ей только что исполнилось шестнадцать лет. Она очень красива.

— Вас можно поздравить.

— Да. А у Иосифа Сталина как раз есть сын, ему сейчас двадцать семь лет. С этого бы и начать!

— А что об этом думает барышня?

— Она прислушивается к моему совету.

— Понятно. Значит дело теперь за согласием Сталина.

— Вот потому-то я к вам и пришел. Если бы вы написали ему письмо...

— Но вы же знаете, что Сталин раньше грабил почтовые кареты.

— Не стоит обращать внимание на мелочи.

— Хорошо, я займусь этим вопросом.

Кажется, он остался доволен, прощается. Через три месяца — новое письмо; сейчас его занимают совершенно иные планы, о свадьбе больше ни слова. За это время он успел поработать истопником в военном госпитале в Восточной зоне и отсидел в тюрьме за то, что использовал на растопку литературу, предназначенную для социального просвещения больных. Сейчас он уже вышел на свободу. Он подписывается как «неутомимый сверлильщик» и сейчас ведет переписку с Папой римским Пием.

Кирххорст, 14 февраля 1947 г.

Моя почта меняется; это заставляет меня вспомнить любимое присловье Валериу Марку: «В жизни все случается, а также и противоположное».

После вот уже девятилетнего перерыва пришло наконец первое письмо от Магистра,¹⁵³ который за эти годы успел побывать в Англии театральным критиком и прочитать в Калькутте лекции по метафизике. В письме ни одного замечания или вопроса личного характера, как будто оно является продолжением беседы, начатой накануне. Такого

¹⁵³ Магистр — Хуго Фишер, эмигрировавший после совместной норвежской поездки с Юнгером в 1935 г. в Англию

рода пренебрежительность стоит того, чтобы на нее обратить внимание.

«С 1750 года стоит тьма; и я лично думаю, что все то ужасное, что с тех пор происходило, все эти пустопорожние и бездушные революции и войны, промышленные перевороты и безобразные достижения науки — все это обусловлено тем, что угасло первозданное солнце, которое сияло и сияет в глубинах Вселенной».

Значит, все-таки сияет! И я того же мнения.

В жизни случается все, а также противоположное. Филоктет и его стрела. На своем гористом острове Филоктет¹⁵⁴ много лет занимался моими книгами, а так как книги с необычайной легкостью порождают новые книги, то еще ряд лет он работал над сочинением об этих книгах. По мере того, как продвигалась вперед эта работа, многое в нашем мире менялось. Случился Сталинград, случилась безоговорочная капитуляция. При таких поворотах не только убивают людей, но и гибнут целые библиотеки. Тем не менее я узнал, что вскоре после этого его книга вышла. Один из приезжих, навестивших меня в те недобрые дни, сказал, что видел его книгу в витринах книжных магазинов. Говорят, что и текст, и оценки остались без изменений, кроме одной мелочи — желтой бумажной ленточки поверх переплета. «Окончательное разоблачение одного фашиста» — было написано на этой полоске.

Я завел у себя целую коллекцию подобных курьезов. Однако не следует думать о людях самое плохое; я готов предположить, что в роли махаона выступил ловкий издатель. Такие раны нужно посыпать ржавчиной от стрелы, которая их нанесла. Это испытанный рецепт.

Чтение: Сартр, «Le sursis». Пугает не столько само это явление, сколько его популярность.

Описание разложения у Золя еще было привязано к определенным местам — таким, как, например, мясные ряды, бордели, рынки. У Селина¹⁵⁵ и Сартра¹⁵⁶ оно пронизывает каждую фразу, каждую ситуацию. Чувствуется, что трупом становится все в целом.

¹⁵⁴ Филоктет — мифический участник Троянской войны. По пути в Трою был ужален змеей, рана не заживала и издавала зловоние. Был оставлен греками на острове Лемнос. Когда грекам на 10-м году войны было предсказано, что они не возьмут Трою, пока не получат оружие Геракла, Филоктета, которому умирающий Геракл оставил свой лук и стрелы, доставили под Трою, где его излечил врач Махаон. По всей видимости, у Юнгера речь идет о биографе писателя Карле Петеле, который во время войны жил в США, и книга, о которой пишет Юнгер, — это Paetel K. Ernst Jünger. Die Wandlung eines deutschen Dichters und Patrioten. New York, 1946. По содержанию она в самом деле совершенно лояльна к персоне Юнгера.

¹⁵⁵ Селин Луи Фердинанд (1894–1961) — французский писатель. Описывал страх и ужас современного «сумеречного» существования в романах «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936). Был сторонником нацизма, культа силы, антисемитизма. Его творчеству характерно откровенное до цинизма («лиризм гнусности») выражение ненависти к современному человеку, жалкому и страдающему ничтожеству, озабоченному лишь «скотским» самовоспроизведением, восприятие жизни как изначальной агонии в романах «Марионетки» (1944), «Феерия для иного случая» (1952), «Север» (1954, опубликован в 1960); автобиографическая хроника «Из замка в замок» (1957). После войны бежал в Данию, заочно был осужден за коллаборационизм во Франции, обвинение было снято в 1951 г.

¹⁵⁶ Роман Сартра «Отсрочка» («Le sursis») (1945) — часть незавершенной трилогии «Дороги свободы», куда входили романы «Возмужание» (L'âge de raison), 1945 г., «Отсрочка» («Le sursis») и «Смерть в душе» (La mort dans l'âme), 1949 г.

Поразительно, как он владеет диалогом во всей его аутентичной ничтожности. Будущий читатель, если только ему интересно будет об этом читать, сможет в точности узнать из его книг, как разговаривали в барах, в кафе, в подземке. Ничтожное становится здесь артистичным. Вот такой фокус — передать фразы таким образом, что перестаешь воспринимать их как написанные или напечатанные. Записи в стиле фонографа.

При чтении этих романов возникает впечатление, будто ты рассматриваешь общество в отражении мутного зеркала. Еда и питье, телесность мужчин и женщин, даже идеи — все делается пресно, все овеяно дыханием смерти. Настроение как в концентрационном лагере без колючей проволоки.

Книжки, которые не перечитываются.

Кирххорст, 19 февраля 1947 г.

Все еще мороз. Торф — не очень согревающее топливо. Работая, я придвигаюсь поближе к большой печке. Сейчас я на лунном Кавказе.

Иногда по дороге с юга в Гамбург заглядывает Карло Шмид. Дорога проходит вплотную к саду. Глядя на людей такого склада, как он и Шумахер, можно при некотором оптимизме представить себе, что в будущем у нас появятся такие условия, какие были в Англии в ее лучшие времена, когда сильная левая партия и сильная правая поочередно сменяли друг друга к вящему благу целого. В конце концов люди же работают двумя руками, шагают тоже не одной ногой. Но, возможно, эта способность уже и там давно отошла в область истории.

Отправляюсь в лес при скрипучем морозе. На обратном пути встречаю молодого Гауштейна возле его мастерской; он радостно машет мне, чтобы я зашел. Он подстрелил на торфяном болоте дикого кабана; эти животные сильно размножились. На выскобленном добела столе красуется спинка, рядом хлеб и масло; мы рьяно принимаемся за угощение. Еда — барская, нежная передняя часть спинки подсвинка, едва нагулявшего шестьдесят фунтов веса. Хлеб и масло тоже превосходные, домашнего приготовления. Мне невольно вспоминается замок Анэ, принадлежавший Диане де Пуатье, где я видел прекрасную картину, на которой была изображена богиня Луны с обнаженной грудью. В столовой над камином я увидел там гордую надпись: «На этом столе не бывает покупных блюд».

Шнапс здесь тоже свой, самогонный, его готовят при лунном свете в канистрах из-под бензина; в зеленоватой жидкости плавают свекольные волокна. Это — опасное вещество, в котором бродят силы земли. Под охотничьи рассказы и разговоры про торфяное болото постепенно исчезает жаркое, бутылка тоже пустеет, и на столе появляется новая. Гауштейн закуривает трубку с табачком-самосадам и принимается петь, к нам подсаживается его жена и тоже подпевает.

Du kannst es nicht ahnen,
Du munteres Rehlein du,
Daß so ein Wilddieb
Dir stiehlt das Herz im Nu.

Ты и знать не знаешь, /Резвая косуля,/ Что найдется на тебя браконьер /И вмиг похитит твое сердце.()

Я и не заметил, как пролетело пять часов. Наконец, настало время, когда пора все-таки

собираться восвояси; славный был вечерок. На дворе давно уже стемнело; я чувствую, как напиток начинает на меня действовать. На лужайке развешено белье; оно промерзло насквозь и звенит на ветру.

В прихожей меня встречает моя хозяйка: «Это опять что за шутки? Ты же знал, что к нам собирался заехать Карло Шмид».

Верно! А я и забыл. К счастью, уже поздно; как видно, он проехал мимо. Я иду в библиотеку, укладываюсь на двух креслах, как в ванне; она приносит мне кофе. Я задремал, мне что-то там снится, пока через какой-то неопределенный промежуток времени я вдруг не улавливаю обрывки разговора:

— Господин профессор, вы уж меня извините, но я не могу предъявить вам моего мужа.

Затем она описывает, как сложились обстоятельства. Но гость не соглашается отступить; я слышу, как он гудит:

— О, это даже очень симпатично. И с этим он входит ко мне.

Хозяйка принимается спасать положение и крутится за троих. Ей приходит в голову замечательная мысль достать непечатую бутылочку нашего эликсира и выставить ее перед гостем, который тут же и отведал напитка, она приносит свежесваренного кофе, приготавливает на кухне закуску. Иногда она заходит к нам, как режиссер, чтобы присутствовать при одном явлении, и я замечаю, что ее лицо заметно просветлело. Как видно, она приятно удивлена неожиданным всплеском моих подспудных возможностей. Гость тоже развернулся на диво, и таким образом бурлескный вечерок завершается веселой ночью.

Кирххорст, 13 марта 1947 г.

Экскурсия в лес в районе лужайки Винкельвизе. Хотя небо было безоблачно и день стоял теплый, воздух показался мне еще неживым. В этом был виноват восточный ветер. На ярком солнце еще голые деревья стояли с каким-то выжидательным выражением; они тянулись вверх, словно гладкие колонны храма, в котором все замерло в ожидании голоса, который произнесет: «Воскресе». В этом не было никакого сомнения.

Мысль, пришедшая в лесу: Бесчисленное множество миров и бесчисленное множество явлений в каждом из них живут за счет субстанции, но они ее почти не изводят. Бытие всегда остается тем же, сколько бы явлений от него не ответвлялось. Пускай прибавятся еще мириады миров к уже существующим, это значило бы не более того, как если бы установили новые зеркала.

Затем в глиняном карьере Альтвармбюхена; я повстречал там одного учителя из телькампфской школы, который воспользовался воскресным днем, чтобы отправиться с одним учеником на поиски аммонитов, так как старая коллекция погибла во время больших пожаров. «Нехватает самых простых вещей, но что поделаешь, надо начинать все сызнова». От этой встречи у меня опять осталось такое впечатление, что сейчас немцы ведут себя гораздо реалистичнее, чем это было после Первой мировой войны.

Беседа втроем о белемнитах, осьминогах, окаменелых морских ежах. В том увлечении естественными науками, которое представляет собой одну из лучших черт XIX века и

которое сейчас ослабевает или принимает технические черты, крылось много потаенной теологии. «Космос» и другие журналы, которые приходили по субботам, имели кое-что общее с нравоучительными сочинениями и сборниками проповедей для домашнего чтения. Надобно читать Брокеса, чтобы разглядеть в них старинные, задушевные корни.

Глиняный карьер, невзрачное место. Но сегодня его серые, потрескавшиеся стены были усеяны, как звездами, тысячами цветков мать-и-мачехи, все так и горели золотом.

Книги, написанные так концентрированно, что во время чтения приходится делать перерывы. Нужна передышка, нужно выйти из комнаты, выйти из дома. Иначе от этого чтения сгоришь, истаяв, как зажженная свеча.

Впрочем, иногда такое случалось со мной и от общения с людьми. Мне требовалось иногда выйти за дверь под предлогом, будто мне что-то понадобилось в соседней комнате, и немного побыть там одному.

Иерархия дружб соответствует иерархии тайн. Для того чтобы сообщить нечто неделимое, нужно стать единым целым.

Кирххорст, 1 мая 1947 г.

В холодный, дождливый день я отправился с Розен-кранцем в Кёнигслуттер, чтобы навестить образовавшийся там дружеский кружок. Мы собирались совершить экскурсию в буковые леса Эльма, но погода стояла слишком уж ненастная. Поэтому мы остались у Тило Маача; он — учитель, художник, переводчик, библиофил и археолог, вдобавок ведет запись сновидений, в то же время являясь центральным звеном дружеского общения.

Беседы о ботанике со старым буровым мастером, который знает в лесу места, где растут орхидеи, и уже много лет туда ходит. Среди них есть такие виды, которые десятилетиями прозябают под землей, так что создается впечатление, что они вымерли, а потом нежданно-негаданно вдруг снова зацветают.

Затем посещение собора, строительство которого было начато в 1155 году Лотаром Зуплинбургским.¹⁵⁷ Рядом с его захоронением там можно видеть надгробия его супруги Рикенцы и Генриха Гордого,¹⁵⁸ его сыном был Генрих Лев.¹⁵⁹ Крытую галерею украшают колонны тонкой работы и разнообразной формы, которые напомнили мне Монреале.¹⁶⁰ Вход сторожат два льва. Полукруг абсиды украшен охотничьим фризом магического вида, над ним располагается классический орнамент из листьев аканта. В глаза зверей и охотников вставлены свинцовые шарики. Во дворе растет гигантская липа, самая большая из всех, какие я когда-либо видел. Во время цветения она сама похожа на благоухающий, гудящий собор.

¹⁵⁷ Лотар III, граф Зуплинбургский, ум. в 1137, с 1106 г. — герцог Саксонский, в 1125 г. избран королем, с 1133 г. — император Священной Римской империи

¹⁵⁸ Генрих Гордый (ок. 1108—ум. 1139 г.) — герцог Баварский, 1137 г. — также герцог Саксонский.

¹⁵⁹ Генрих Лев (1129–1195) — герцог Баварский и Саксонский (Вельф), завоеватель славянских земель к востоку от Эльбы, основатель Любека.

¹⁶⁰ Монреале — деревня в Арманьяке, где находятся руины церкви романского стиля около XIV в

После обеда мы осматривали окаменелости, которые г-н Клагес за долгие годы собрал в районе Эльма и в местах, по которым он путешествовал. Они были разложены в плоских ящичках на подстилке из красного бархата. Особенно поразила меня серия раков, аккуратно очищенных от каменной оболочки. Белые кувшинки Эльма так и светились, словно бутоны мраморных магнолий; я получил одну на память. Мы любовались ленточными агатами, отпечатками низших животных на золнгофском сланце, аммонитами, вычеканенными, как толстые золотые монеты. Но первое место по праву принадлежало окаменелым шишкам хвойных деревьев из Калифорнии, которые были представлены в поперечных срезах. На гладко отполированной поверхности просвечивали венчики светлых зерен. В этой красоте есть что-то переворачивающее душу, точно стрелой поражающее наше сердце. Мы закрываем глаза от чересчур яркого блеска, падающего на эти сокровища оттуда, где они чеканятся. Нам доступно только созерцать его слабый отблеск в зеркале брэнной красоты; в своем чистом виде он был бы для нас смертоносен.

Затем мы еще заглянули в мастерскую одного скульптора и побеседовали с врачом больницы для душевнобольных, расположенной возле собора. Тот рассказал нам об одном из пациентов, который удивляется, отчего это, «что ни день, все время, оказывается понедельник».

На обратном пути мы сделали остановку возле луга, на котором четыре аиста с важным видом занимались охотой. Яркие ленты из лютиков окаймляли заболоченные канавы; великий золотых дел мастер окружил этой рамкой поля фиолетовой эмали, потому что на лугу цвел сердечник на длинных ломких стебельках. Существуют такие мотивы, которые в царстве живописи доступны только импрессионизму. Наверное, к ним относятся и букеты из подобных цветов — сплошная дымка, нежная, как благоуханное облачко, для передачи которой требуется проникновенное осознание брэнности. Для того чтобы справиться с этой задачей, нужно участие декадана. У всякой культуры есть множество подъемов и спадов. В пластическом выражении она может что-то потерять, зато усилиться в своих химических возможностях, в способности духа вступать в тончайшие связи с материей.

Вечером мы уже были в Кирххорсте. Это был день, наполненный людьми, картинами и плодотворными впечатлениями. Сейчас, когда далекие путешествия невозможны, надо бы мне почаще делать поездки в маленькие городки Нижней Саксонии. Там таятся богатства, о которых мы и не подозреваем.

В самом сердце змеиного царства. Животные были темной окраски, черные по бокам и с синей полосой вдоль хребта. У других кожа состояла, как мне не раз приходилось наблюдать, из чередующихся черных и светлых чешуек. Мы стояли в кухне, одна из змей проползла под ногами матери. При виде другой я высказал пожелание иметь костюм такого же рисунка, как кожа этого животного. Отец тоже был там, но где-то в тени. Мать стояла слева от меня, отец — справа.

Такие сновидения — как образное высказывание оракула, это испытание на жизненную силу, они приоткрывают перспективу будущего, обнаруживают тайное. Этому отвечает их напряженность, та зачарованность, с которой их смотришь. Тебе дается заглянуть немного в кухню. Если с этим связано чувство страха, это означает дурное предзнаменование.

К вопросу морфологии. Змея в плане исторического развития появилась позже, чем родственные ей животные с ногами; на это указывают не только остаточные признаки таза. Тем не менее она принадлежит к первоначальным формам, является абсолютным животным. В классе рептилий развитие ближе всего восходит к этому прообразу, существующему вне

времени. Во многих отрядах в ходе его наметилось нечто подобное, так, например, у простейших, рыб, червяков, динозавров.

Это может служить указанием на то, что мир животных, очевидно, имеет некий более высокий аспект, чем филогенетический. Как и в истории человечества, здесь есть признаки такого развития, которое, несмотря на несовпадение во времени, направлено к одной и той же цели, и тем самым говорит о духовном и морфологическом родстве, которое стоит выше естественного кровного родства. Подобно тому, как богиня может быть выполнена скульптором из бронзы, глины или мрамора, идея рыбы может с большим или меньшим приближением воплощаться в ихтиозавре, нарвале или акуле. Сама идея существует незримо. Материя и род — это воск в руке творца. Цель всегда присутствует; развитие же плетет вокруг нее свои арабески. Правда, эта мысль возможна лишь при условии освобождения от линейного времени. Там, где кончается время, поднимается из своей бездны перевозмья.

Кирххорст, 17 мая 1947 г.

«Гелиополис». Закончил «Возвращение с Гесперид» и начал вторую часть «Во дворце». «Геспериды» — это для меня страны, лежащие по ту сторону рационального, а в «Пагосе» будет описана горная страна, на вершинах которой человек трудится над тем, чтобы обрести высшее понимание бытия, проходя при этом три ступени — магии, морали и философии. Дворец же представляет собой ту политическую реальность, в которой он стремится решить задачи практической жизни, причем органическим путем, в борьбе с механическими действиями управленческого центра: в борьбе с властью и насилием. Все это по-александрийски; после того как и прогресс, и реакция потерпели крушение, люди выходят из положения при помощи ряда испытанных домашних средств. Мировое государство тоже оказалось утопией. Некоторая часть космоса стала доступна для путешествий, и тем самым сияние звезд оказалось под угрозой. Рабочий стремится освоить потусторонний мир своими наивными средствами, подобно тому как готические художники одевали персонажей Святой Земли в средневековые костюмы. Он ищет спасения в фаустовском пространстве. От него сокрыто, что его средства — это символы смерти, но именно это выводит его за поставленные ему пределы.

Он пускается в плавание по водам Стикса, который стал прозрачен. И все же он обретает спасение; он догрезил до конца одну великую грезу. В этом состояла его задача.

Кирххорст, 18 мая 1947 г.

Я услышал шаги, которые медленно, тяжело поднимались по лестнице. Дверь распахнулась, и комната наполнилась смертельным холодом. Слово холод здесь может служить только иносказанием; это был вырвавшийся изнутри озноб.

Утром заглянул д-р Гёпель. Среди хороших замечаний, которые он высказал, было и такое, что все откровения пифий и сивилл нужно воспринимать с осторожностью. Всегда необходимо участие светлого мира, представляемого священнослужителями-мужчинами, которые дают им истолкование. Такого истолкователя так и не нашла Дросте.

Кирххорст, 30 мая 1947 г.

Из отрывков о Ледовитом океане. По краю арктического континента пролегла дорога, по которой катили бронированные машины, нагруженные комбайнами и оружием. Временами со стороны Ледовитого океана напозлали ключья тумана, и под их прикрытием

двигались воинские части, чтобы нанести удар по транспортам. В том, что происходило, было какое-то мрачное величие; я участвовал в этом, находясь на одном из полярных холмов. Видны были снежные поля и лента, по которой двигались тяжелые грузовики, за ними простиралось море с архипелагами из голубеющих вечных льдов. В этом пейзаже царили металл и холод, железные сердца, исполненные мрачной решимости.

Кирххорст, 15 июня 1947 г.

В зарослях запруды мне попала парочка жуков-олений. Самочка пила сок раненого дуба; самец ее обнимал.

Когда самцы крупнее самок и отличаются от них, как в этом случае, украшениями и оружием, это, по-видимому, никогда не имеет под собой в качестве первичной причины половые различия. У самца украшения направлены на волю и движение, у самки на статическое созерцание. Знак Марса — щит и копье, знак Венеры — зеркало. Даже семенная клетка вооружена плетью. Яйцо встречает ее статически, принимает в состоянии покоя.

У некоторых видов, как, например, у мадагаскарского паука *perhila*, различие в размерах доходит до гротеска. У одного из щетинконосных червей, зеленой бонеллии, которую я наблюдал в Неаполе, это соотношение еще поразительнее: самец, как паразит, живет внутри самки. Он проникает в нее через ротовое отверстие и по пищеварительному тракту добирается до половых органов. У других видов самец поедается после полового акта. К этому ряду относится также убийство трутней по завершении брачного полета.

Роль самца, очевидно, заключается в том, что он дает упорядочивающие элементы, элементы излучения. Можно представить себе такое положение, при котором он вообще отсутствовал бы физически, а воздействовал путем чистого созерцания, существовал бы, как на кораблестроительных верфях, в виде крошечной модели, по которой незримые силы строили бы любое количество кораблей.

Этой пространственной экономии соответствует и временная, поскольку у некоторых животных самец вступает в действие очень редко, как это имеет место, например, у кузнечиков, где партеногенез является правилом. Однако же иногда оно нарушается и появляется поколение, зачатое половым путем, словно бы материальный мир время от времени проверяет его своей меркой.

У общественных насекомых рабочие не имеют пола; они ущемляются в пользу производства. Да и в нашем рабочем мире тоже намечаются уже неожиданные перспективы.

Можно представить себе существование таких звезд, на которых жизнь существует только в виде одной генерации, возникшей путем полового размножения, словно бы она, как это имеет место в коралловых колониях, не желает допустить раздельно существующих особей. Если бы такие колонии обладали разумом, то в них почти полностью отсутствовала бы воля, уступив место созерцанию, постижению мировой идеи. Тут мы имели бы рифы, лужайки, соты, в которых космос отражался бы в медитации, в сновидениях. Иногда мне приходило это в голову при взгляде на клумбу с красными цветущими целозиями, принимающими вид мозга.

У древнейших животных жизненные возможности уже разделены, причем даже неосуществленные. Что такое, в сущности, флагеллаты, радиолярии, амёбы? Со времени изобретения микроскопа мы хотя и открыли, но никак не истолковали эти миры. Они еще ждут своего Шампольона.

Кирххорст, 26 июня 1947 г.

Вернулся из Гёттингена, где я неделю пролежал с повязкой в глазной клинике, так как при рубке дров поранился отскочившим ореховым сучком. Темнота оказалась не настолько скучной, как я опасался, так как перед моим внутренним взором скоро начали возникать целые гроздья зрительных образов. Что касается работы над «Гелиополисом», то я дошел до «рассказа Ортнера» и закончил его за одну ночь. Его фабула и детали придумались в клинике.

Кирххорст, 25 августа 1947 г.

Утром объявился посетитель, не пожелавший назвать внизу свое имя; это был доктор фон Леере.¹⁶¹ Сейчас он по поддельным документам работает у англичан переводчиком и рассказал, что отправил жену и дочь в Испанию, чтобы спасти их от «красных бестий». Он собирается и сам последовать туда за ними. Мне вспомнилось, что нечто подобное он описывал мне еще в 1933 году в Штеглице, правда, тогда он говорил об этом как о маловероятной возможности. В настоящее время существует особая ветвь эмиграции, в которой происходит постоянная текучка персонала, однако она есть и сохраняется: это эмиграция через Испанию в Аргентину.

Я нашел его непоколебимым в своих воззрениях и потому отвлек от политической темы. Мы разговаривали о соотношении языка и логики, он отметил как особенно точный инструмент турецкий язык. Например, в нем есть целые классы глагольных форм для различения достоверных и недостоверных слухов.

Леере — лингвистический гений. У людей этого склада, как у певцов и пианистов, обширное поле деятельности. Он особенно увлекается японцами, чей язык и историю основательно изучил. Среди прочего он рассказал мне, что в день, когда был уничтожен американский флот в Пирл Харборе, его посетил японский посол в Риме, чтобы сообщить ему как пруссаку радостную весть, причем такими словами:

«C'est la vengeance pour 1789».(Это возмездие за 1789 год (фр.)

Мысленно перебирая беженцев всех оттенков, которые посещали меня на протяжении прошедших лет, я иной раз думаю, что они как бы взаимно уничтожаются. А может быть, и суммируются.

Кирххорст, 30 августа 1947 г.

С завязанными глазами я острее ощущал запахи, некоторые как более приятные, но в основном как более противные.

Даже в розовом масле чуть-чуть ощущается примесь скатола. В некоторых запахах, как, например, в айвовом, приятное и противное уравниваются друг друга. Ни один запах не должен быть слишком сильным. Когда мы ослаблены, отчетливее проступает основа. А

¹⁶¹ Леере Иоганн фон (1902–1965) — немецкий писатель и публицист. В 1929 г. примкнул к НСДАП. После 1933 г. некоторое время был редактором нацистского журнала «Wille und Weg», был доцентом Берлинской высшей школы политики, членом нацистского «Объединения немцев за границей». В 1936 г. получил профессию по истории в Йенском университете. После войны, опасаясь преследований, бежал сначала в Аргентину, затем перешел в ислам и поселился в Каире.

основа — это тление; оно обнаруживается во всех запахах, зачастую с сублимированной тонкостью; превращение субстанции, аура тленности.

Этот ароматически-иероглифический распад — руны в ядрышке мускатного ореха, мантическое бросание щепотки шафранного порошка. Надо бы, чтобы были такие сочинения, которые улетучиваются, растворяясь в аромате. Но в таком случае разум должен бы обрести способность сочетаться с обонянием так, как он сочетается со слухом и зрением. Кант назвал обоняние наименее необходимым из чувств. Это суждение сугубо интеллектуальное. Иногда ты догадываешься, что в ароматах таятся колоссальные архивы, нам лишь недостает к ним ключа. В них заключен смысл, недоступный слову. Мы говорим об аромате эпохи, книги, духовности.

Из разговора во сне. Я слышал, как кто-то третий, участвовавший в беседе, сказал Стефану Георге:

«Между прочим, ученые установили — и для вас это сообщение покажется неприятным, — что сыворотка крови ведущих людей отличается определенными особенностями. В ней нашли вещество, которое имеет сходство с гормонами луковичной шкурки».

Фридрих Георге сказал на это: «А почему мне это должно показаться неприятным?» Этот ответ меня развеселил.

Кирххорст, 2 ноября 1947 г.

«Оплот надежный наш господь», 1529. Когда народы становятся похожи на маршевые колонны, направляющиеся в неизвестность, эта песня вдруг оживает в памяти немецкого языка. Это точное продолжение «Гелинда». ¹⁶² Бог — это защитник в борьбе, податель оружия, сын его — «славный муж», предводитель сражения.

Следы Лютера в нашей судьбе неистребимы; он вступает всегда, когда мы принимаем важное решение. Любая попытка возродить былую *Una sancta* должна неизбежно потерпеть крушение не столько из-за его учения и реформ, сколько из-за его личности, обратившейся в слово, разве только когда-нибудь найдется такой папа, который будет обладать достаточно сильным авторитетом, чтобы канонизировать Лютера и поставить его в один ряд с другими отцами церкви. ¹⁶³

С деревьев, еще не сбросивших листья, падают капли; сквозь тонкую туманную дымку светятся хризантемы — последние цветы осени. Пора уже перелопачивать компост; это последняя работа садоводческого года. Кстати, она поучительна; беглая археология заступа открывает картину постепенного тления. Это утешительное зрелище, так как оно наглядно показывает, как обращаются в ничто отжившие и ненужные вещи; они возвращаются в лоно стихии, которая поглощает их ради нового плодоношения. Временами еще различаешь их остатки. Так, я увидел кусочек ткани, превращенный плесенью в тончайшее кружево. Формы сливаются с гумусом, перебраживают в материнской почве. Здесь я обыкновенно закапываю также старые рукописи и памфлеты с мыслью о том, что скоро они прорастут цветами.

¹⁶² «Гелинда» — древнесакенская поэма IX века, рассказывающая историю Христа.

¹⁶³ *Una sancta* — Единая святая [церковь](лат.) — название движения за сближение католицизма и протестантизма.

1948

Кирххорст, 2 января 1948 г.

Новые беженцы. Один рабочий из Шнеберга рассказал, что русские руками рабов добывают в рудниках Саксонии уран. Можно допустить, что здесь подготавливается предъявленная в Нью-Йорке квитанция на выдачу Саксонии и Тюрингии. В таких делах существует запутанная бухгалтерия. Гитлер тоже не знал, что будет означать для него высылка гёттингенских физиков. «Немецкая физика» плохо согласовывалась с притязаниями на положение мировой державы; похоже на это обстояло дело и с расовой теорией. Тут приходится обходиться минимумом мировоззрения специфической окраски. Дается рамка, а не мозаика.

В прогностическом плане это также говорит не в пользу русских, которые привносят в науки и искусства мировоззренческие элементы. К этому добавляется еще и кириллица, сложность их языка по сравнению с английским, который всюду легко ассимилируется, даже у австралийских негров. Он конформен технике. У русских есть сильный особенный привкус, поэтому они всюду должны применять насилие. Это усиливается по мере их расширения, и уже проявляется на оккупированных ими территориях.

Определенные правила еще «действуют» в классической политике, как и в классической механике, так, например, свободные выборы, право народов на самоопределение, национальный суверенитет, нейтралитет малых государств, основные права. Однако они действуют не повсюду и не во всякое время. Надстройка, однажды появившись, вырабатывает новые, еще неизученные законы, с новым принуждением и новыми свободами.

Никогда еще упорядочивающие умы не требовались так, как сейчас. Это звучит банально в такое время, которое отличается тем, что тут то и дело происходят процессы упорядочивания, нормирования и перестраивания существующего порядка. Но в перспективе обобщенного подхода эти процессы представляют собой задачи, а не решения. Не поверхностные силы изменяют глубинные слои, а наоборот — глубинные слои изменяют то, что находится на поверхности: что представляют собой формулы кристаллов? Вероятно, они проще, чем нам кажется. Мы живем в пубертатный период, во время героической фазы рабочего; техника — его одеяние. Не она изменяет жизнь, она является лишь мощным признаком глубинных изменений. Приспособление к технике означало бы, что мы хотим тело приспособить к платью. В таком случае мерки зависели бы от портных.

Кирххорст, 5 января 1948 г.

Скапливается все больше почты; наряду с умножившимися техническими средствами и административными органами это еще одна уловка, которой пользуется дух нашего времени, стремясь превратить свободное время в функциональное, досуг в работу. Транспорт облегчает передвижение и увеличивает площадь атаки, число мест, где размещаются откачивающие установки.

Фридрих Георг рассказал мне, что когда его вызвали в какое-то административное учреждение, один из заседающих там евнухов спросил его, кто его работодатель. Услышав в ответ, что он занимается самостоятельной деятельностью, чиновник спросил его: «А как насчет разрешения — оно у вас есть?»

Когда Маркс или, может быть, Энгельс, или там Прудон, сказал, что свобода бедняка состоит в том, что он может просить на углу милостыню, это были еще романтические представления.

Леото передал привет. В свои восемьдесят лет он переживает поздний расцвет; возможно даже, что для него наступили его лучшие годы, и он все еще, кажется, остается тем же *enfant terrible*. Банин¹⁶⁴ пишет мне, что ей как-то пришлось с ним вместе переждать машины на перекрестке Рон-Пуэн, (Рон-Пуэн — круговая дорожная развязка на Елисейских полях.) и она услышала, как он ворчит: «Во время оккупации хотя бы можно было перейти через улицу».

Я начинаю перевод воспоминаний об его отце, маленького отрывка вольтерьянской прозы, который он напечатал в 1905 году в «Меркюр де Франс» и который я уже не раз перечитал с наслаждением. То, что сохранилось от вольтерьянства у Леото или Абея Боннара, представляет нечто большее, чем засушенные цветки из гербария для стерильных духом людей, там сохранился необыкновенный шарм смелого вольнодумства, свойственный ему при жизни. Они — живые отпрыски. Они образуют особую породу своей страны и с трудом поддаются пересадке на другую почву; к их отличительным признакам относится и то, что даже в глубокой старости они все еще способны цвести и плодоносить. Физиогномически оба напоминают мне прекрасную голову старика Вольтера работы Гудона из фойе театра Комеди Франсез, в которой чудесно переплетаются и соединяются старческие и вечно детские черты. Такое переживает заблуждения.

Далее среди почты журнальная статья молодого профессора философии из Восточной зоны, своего рода вундеркинда, в которой он требует моей головы. Он делает это с терпеливой настойчивостью, хотя и не совсем доволен результатами, так как жалуется на поступление анонимных писем.

Я бегло просматриваю цитаты, которые он ставит мне в вину, и среди них нахожу: «Рабство можно значительно усилить, придав ему видимость свободы». Сегодня я бы это вряд ли так выразил, не потому что переменил свое мнение, а потому что это может быть принято как рецепт людьми такого склада, которые в рецептах не нуждаются. Между тем это остается хорошим положением, ключом к парадоксальным явлениям современного общества, которые иначе трудно поддаются объяснению. Вероятно, оно пришло мне в голову при виде ликующих масс и после чтения нескольких страниц Шамфора.¹⁶⁵ Кстати, и сам профессор мог бы извлечь из него для себя пользу. Неужели человек несомненно острого ума еще не задумывался о том, что он с явным удовольствием философствует, расположившись перед дверью живодерни? Причем про него даже не скажешь, как про маркиза Позу:¹⁶⁶ «Das Band war lang, an dem er flatterte». (Смысл фразы в том, у него была

¹⁶⁴ Банин (Umm-el-Banine) (1905—?) — писательница и переводчица, эмигрировавшая после революции с семьей из Азербайджана. Банин была поклонницей творчества Юнгера, сама ему написала, после чего они встретились и подружились. Юнгер ее часто посещал в 1942–1944 гг. в Париже. Они сохраняли дружеские отношения всю жизнь. В литературе упоминаются ее мемуары: *Banine. Rencontres avec Ernst Junger*. Paris, 1951.

¹⁶⁵ Шамфор Себастьян Рош Никола де (1741–1794) — французский писатель, мыслитель-афорист. Трагедия «Мустафа и Зеангир» (1778) в духе классицизма, «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты» (1795). Казнен в период якобинской диктатуры

¹⁶⁶ Маркиз Поза — персонаж драмы Шиллера «Дон Карлос» (1787). Маркиз Поза, друг главного героя, воплощал образ просвещенного правителя, имевшего довольно широкие, но все же ограниченные возможности. Его стесняла тирания Филиппа II, отца Дона Карлоса.

относительная свобода действий (цепь, на которую он был привязан, была длинной).) Одно лишь крохотное отклонение от генеральной линии, и конец его славе.

Далее я узнаю, что, оказывается, это я придумал «тотальную мобилизацию». И это тоже заблуждение; я ее открыл, я дал ей имя, а это большая разница. Однажды во время войны я прочел, что американский президент приписывает своей стране славу проведения величайшей в истории тотальной мобилизации. Сам принцип остается как одно из неизбежных явлений, порожденных логикой развития динамического мира. Сегодня именно так вооружаются, поскольку иначе вообще не стоит браться за эту задачу, а лучше уж каким-то иным способом отдавать дань требованиям времени. Случается, что и модистки стреляют из чердачных окон, если не у нас, так в других местах.

В какой-то момент я чуть не поддался искушению написать ему письмо, поскольку я гораздо лучше могу поставить себя на его место, чем он себя на мое. Однако это было бы бесполезной затеей в нашей стране, где мыслящие люди не способны вырваться из тех клеток, в которые они себя загнали. После третьего предложения уже знаешь, как они проголосовали на выборах. Это страна, в которой либо нет ни одной академии, либо их целый десяток. С циником вроде старика Леото можно было провести целый вечер, не получив ни одного напоминания о том, что Германия и Франция находятся в состоянии войны. Среди образованных людей так тому и следовало бы быть, и это замечательная отдушина: *Voilà un homme*. (Вот это человек! (фр.) — слова, обращенные Наполеоном к Гёте при их встрече в 1808 г) В конечном счете это и есть та формула, к которой должен сводиться результат сложнейших расчетов, в противном случае все ограничивается толчением воды в ступе.

Кирххорст, 6 марта 1948 г.

Вернулся из Ганновера. В поездках туда я пользуюсь велосипедом, лампочка которого питается током от маленькой динамо-машины. При медленной езде лампочка светит тускло, при быстром движении ярко разгорается. В трудных местах перед тобой встает дилемма: либо снизить скорость, как того требует осторожность, но тогда свет меркнет и обзор сужается. Либо ехать быстрее, тогда видимость увеличивается, но вместе с нею и опасность.

Это схема, с которой приходится сталкиваться во многих жизненных ситуациях. Либо надо делать упор на спокойствие, либо на энергичность. И то и другое чревато опасностью.

Кирххорст, 30 марта 1948 г.

Первая половина дня в лесу; по дрова. Для рубки деревьев уже поздновато, березы сильно кровоточили. Работа была утомительная. Мысль: «Мог бы поручить это кому-нибудь другому, за плату. А ты бы тем временем, сидя дома, спокойно заработал в несколько раз больше».

В ответ на это: «Но тогда бы ты не попотел».

Ладно. Потому что нет в нашем мире ничего более непозволительного, как сравнивать два рода деятельности, пользуясь в качестве масштаба деньгами. Тогда мы придем к тому, что «*Time is money*» (Время — деньги (англ.)) — лозунгу, который полярно противоречит достоинству человека. Зато правильно высказывание Теофраста,¹⁶⁷ который сказал, что

¹⁶⁷ Теофраст — древнегреческий философ, ученик Платона и Аристотеля

«время — это дорогая затрата».

Каждый труд заключает в себе нечто такое, что невозможно оплатить в деньгах, дает самостоятельное удовлетворение. На этом основана истинная экономика мира, глубинная стабильность прихода и расхода, надежная прибыль.

Если бы дело обстояло иначе, крестьянин должен был бы считать себя зависимым от биржевого курса, а не от земли, солнца и ветра. Писатель должен был бы изучать настроения масс и подстраивать свой труд под господствующие банальные мнения. Из садов исчезли бы цветы, а из жизни — изобилие. Не было бы ни живых изгородей, ни парков, ни вьющихся ручейков, а в полях не стало бы межей.

Труд освящается тем неоплатным, что он содержит в себе. Эта божественная составляющая служит человеку неиссякаемым источником счастья и здоровья. Можно даже сказать, что цена труда зависит от меры вложенной в него любви. В этом смысле труд становится подобен досугу; на более высокой ступени труд и досуг сливаются воедино. Я видел пахаря, бредущего за своей упряжкой, перед которым в лучах утреннего солнца золотом вспыхивала свежая борозда. Урожай — всего лишь процент этого изобилия.

В поддержку себе я позвал с собой Ханке. Старику уже за семьдесят лет, он живет у нас как беженец из Судетской области. При кайзере он с 1905 по 1908 г. служил в егерских частях и с особенным удовольствием приветствует меня, отдавая по-военному честь. Во время наших бесед он отдает предпочтение военным воспоминаниям. Одним из самых памятных стало для него участие в торжественном параде, который принимал старый Франц Иосиф во время императорских маневров под конец его срочной службы. Рядом с ним у одного солдата покачнулось ружье. Император, сидевший на коне, дважды яростно крикнул: «Господин капитан! В вашем полку один солдат сделал „вольно!“» Наследный принц Франц Фердинанд, стоявший рядом со стариком, попытался его успокоить:

— Будет тебе дядюшка! Должно быть, тебе показалось; все хорошо.

Рассказывая об этом старик Ханке входит в раж:

— А на самом деле так и было, это же был мой сосед, он чуть не сломал строй в шеренге, я же сам видел!

И тут он берет топор, вскидывает его себе на плечо и со своими-то скрученными ревматизмом суставами принимается выполнять артикулы:

— Вот как положено маршировать! Вот так!

Все это после двух проигранных с того времени войн выглядело как что-то потустороннее; жаль, этого не видел тогда Кубин! Как-то раз он мне написал: «Вы правильно меня угадали; я могильщик старой Австрии».

Кирххорст, 7 апреля 1948 г.

Вечность — не количественная величина, а качество. Поэтому более всего к ней приближаются не тысячелетия и миллионлетия, а один миг. К нему устремляются живые создания, чтобы в нем сгореть, мушки-однодневки роem летят на огонь свечи.

Да и всякое глубинное знание рождается не временем, а мгновением.

У людей, как у деревьев, есть северная сторона и, как у гор, южные склоны. Надо только отыскать вход в раскинувшиеся виноградники, в кладовую подземных сокровищ. Тогда найдется золото и вино, где никто и не ожидал его найти.

Люди — это иероглифические тексты, но на многих находится свой Шампольон. Тогда их можно прочесть, и это захватывающее чтение, стоит только настроить ключ *con amore*. (С любовью (итал.))

Кирххорст, 8 апреля 1948 г.

В саду с Эдмондом и Линдеманном.¹⁶⁸ Говорили о сновидениях; Эдмонд рассказал, что в плену он был вместе с Штрубелем, с которым я познакомился на Кавказе. Тот рассказал ему свой сон накануне нашей первой встречи. Он увидел меня, когда я выглядывал из окна моего дома. Под ним висело полотнище с надписью, на котором он разобрал слово «Тадек». Он тщетно размышлял над тем, что бы это могло значить. И ведь вот как странно, что племянника Эдмонда, жившего у нас тогда в качестве беженца, именно так и зовут.

Если замечаешь такие вещи, то, наверное, окажется, что такая ерунда встречалась в жизни каждого. Это — ключья пены, брызги, попадающие в наш кораблик из моря *Comcidentia oppositomm*.¹⁶⁹ Будучи бессмысленными сами по себе, они указывают на более широкий контекст, на глубинные связи.

В дневниках Гонкуров я наткнулся в записи от 1 марта 1887 года на имя Абель Эрмана. (Абель Эрман — французский беллетрист рубежа веков. Фло-ранс Гульд имела литературный салон в Париже) Он принадлежал к их кругу и, вероятно, был тем самым человеком, которого я порой встречал у Флоранс Гульд на рю Малакофф. Его проза дала старику Леото повод для шуточного замечания. Когда мы встретились, ему, наверное, было уже далеко за семьдесят, а тогда шел третий десяток. Старики подобны пилонам моста, которые подпирают собой гигантские арки, перекинутые через эпохи. Они доносят до нас непосредственное знание событий прошлого, которые иначе были бы засвидетельствованы только опосредованно, через книги. Непрестанно умирают последние очевидцы, последние участники. Абель Эрман в свой черед должен был в детстве встречаться с людьми, знавшими Наполеона и Дантона, участвовавшими в битве при Ватерлоо.

Кирххорст, 10 апреля 1948 г.

В жизни существует цепочка причин и следствий; в ней нет ни единого пробела. Следствие, как происходящее после, задано причиной.

Но существует также цепочка напороченного и сбывшегося — тут пророчество, как бывшее ранее, задается сбывшимся. Связи второй цепи — глубже и проявляются в обратном временном порядке. Поэтому и впечатление от нее более значительно и пробуждает в нас волнующее ощущение тайны.

¹⁶⁸ Эдмонд и Линденманн — ганноверские земляки Юнгера, служившие в вермахте во Вторую мировую войну.

¹⁶⁹ Совпадение противоположностей (лат.)

Порой мы вдруг понимаем, что какой-то поступок, встреча, сказанное слово оказались для нас пророческими. Это может бросить свет на давнее прошлое так, словно звенья бронзовой цепи вдруг покрылись позолотой. Безобразное может оказаться формой будущей отливки, страдание обернуться жертвой, а случай — необходимостью.

В великие судьбоносные часы все, что ни было когда-то, может обернуться пророческим. Облачение, в котором выступала судьба, вдруг заблистает великолепом; оно соткалось под влиянием случая. Великий полдень озаряет все бестеневым светом. Погашены долги. Пали запоры, и узники выходят на волю.

Так и смертный час обозначает ту грань, за которой наша жизнь претворяется в пророчество. Свет из иного предела, из царства свершенности, придает ей смысл. И тут в былом ярко проступает то, что было глубже причины и следствия.

В память Гарри фон Йейнзена,¹⁷⁰ который вчера погиб от несчастного случая.

Кирххорст, 11 апреля 1948 г.

Вечером с братом физиком беседа о простых числах. Замечательно, что их невозможно свести к радиальной системе. В таком случае делители должны были бы прорезать расположенный на поверхности круга числовой космос, как траектории снарядов. Возможно, удастся сконструировать такую фигуру, на которой это было бы осуществимо.

В бесконечности количество простых чисел должно быть бесконечным.

Затем мы остановились на восьмерке. По этому поводу мне вспомнилось, что Кюкельгауз указал на тот странный факт, что во многих языках это число с добавлением отрицания в виде звука «н», дает слово обозначающее «ночь»: пох, night, nuit, notte и т. д. В связи с этим следующее соображение:

Как считают лингвисты, слово, обозначающее восемь во всех индогерманских языках восходит к общему корню, а именно к двойственному числу слова четыре. Это говорит о четверичной системе исчисления, которая существует и у некоторых ныне живущих народов. Считают пальцы каждой руки, за исключением большого. Досчитав до восьми, мы видим, что счет на этом кончается. Таким образом, можно представить себе, что между «концом» и «ночью» существует древняя связь. С девяти начинается новый отсчет. Этому, очевидно, соответствует та связь между пейп (девять) и пей (новый), которую нетрудно заметить во многих языках.

Кирххорст, 12 апреля 1948 г.

По моему велению на морском дне была установлена гигантская колонна. Вершина ее, подобно мачте, достигала поверхности. Вскоре ее стали обживать Seerosken, полипы, водоросли, пателлярии. Затем появились трубчатые и кольчатые черви, зубчатые ракушки, голотурии, волосатки и морские звезды, укрывшиеся в этих зарослях, и тот декор, который можно видеть в коралловых садах.

Таким образом, контуры колонны скоро стали расплывчатыми, вокруг нее соткалась

¹⁷⁰ Йейнзен Гарри фон — брат жены Юнгера Греты

жизнь. Разноцветные известковые покровы ракушек и рожки улиток инкрустировали ее округлую поверхность; красный морской мох и бархат зоофитов окутали ее своим покровом. Щупальцы и длинные ленты водорослей, качаясь, свисали с нее как бороды Нептуна. Пчелиным роем вилось вокруг нее серебристое облако морской мелкоты — креветок, сагитарий, венериных поясов, медуз. Немного дальше кругами плавали разные рыбы — от самых мелких до громадных чудовищ; пути последних напоминали орбиты отдаленных планет. Этих я уже не воспринимал оптически, а только угадывал по силе тяготения.

Разглядывая свое творение на морском дне, я почувствовал прилив гордости, которая вскоре сменилась отвращением. Я понял, что воздвиг памятник Протея, и направился к гротам.

Кирххорст, 15 апреля 1948 г.

Силу тяжести и время связывает глубинная связь. Часы, включая солнечные, приводятся в движение тяжестью. Поэтому стремление отменить время в первую очередь направлено на силу тяготения; дух хочет подняться над материей, сбросив гнетущее чувство тяжести, освободившись от него: в опьянении, в грезах, в любовных объятиях, в медитации, в экстазе и прежде всего в смерти, которая освобождает от телесной оболочки как носительница силы тяжести и уничтожает время.

Свобода и радость в нашем представлении легки, смерть — тяжела. Свобода — властвует над временем, на свободе время ускоряет свой бег, а в неволе тянется. Радость заставляет часы пролетать незаметно; страдание растягивает их до бесконечности. Цель пытки состоит в том, чтобы до предела обострить сознание тела и вместе с ним сознание времени, чтобы оно стало невыносимым.

Рай помещают в небесную невесомость, ад же, как место мучений, — в глубины земли, где царит тяжесть.

Есть ли кроме того еще и геенна огненная? Да, только геенна и есть, ада нет. Он предполагал бы абсолютное господство тяжести и времени. Да и действенность геенны возможна только тогда, пока еще существует тело — при жизни, при умирании, но после смерти — нет. Я выдвигаю этот тезис в противовес Хризостому и Августину, которые отвергали все возражения, выдвигаемые против вечности адских мучений. Правда, с точки зрения догматики без этого положения, пожалуй, не обойдешься.

В отношении силы тяжести нам еще предстоят удивительные открытия, причем открытия, которые расширят не только наши возможности в области физики.

Кирххорст, 20 апреля 1948 г.

Неприятное чтение. Теперь и в Германии печатаются книги, в которых непристойные слова написаны полностью — я имею в виду такие слова, которые раньше можно было встретить только на стенах плохо освещенных вокзальных нужников.

Заграница опередила нас в этом деле, грубоватые американцы и парижские преступные сообщества, которые ввели аргю в литературу. Еще один знак угасания, усиливающейся ущербности. И одновременно тем самым подан зловещий сигнал. Началась *mattanza*.¹⁷¹

¹⁷¹ *Mattanza* — кульминационный момент в ловле тунца сетями, который напоминает массовое убийство этой стайной рыбы, которая при этом не сопротивляется рыбакам. Начинается *mattanza* по сигналу одного из

Этот подлый стиль не ограничится только книгами. Иначе это значило бы ожидать порядка в городе, фонтаны и площади которого украсили позорными памятниками. Лихтенберг говорит, что достаточно нарисовать мишень на своей двери, и обязательно найдется кто-нибудь, кто по ней выстрелит. У Сада вслед за сальностью тотчас же следует и насилие. Она служит сигналом для всего остального; первое же нарушение табу влечет за собой все последующие. Очевидно, в наших живодернях происходило то же самое. Сначала унижают словом, затем действием. Предельный либерализм распаивает ворота перед убийцами. Это закономерность.

И наконец, в плане искусства — какое падение на уровень грубой пошлости, какое отсутствие фантазии! Какая слепота, не замечающая той черты перед пропастью, которая является неотъемлемым наследием художника и его свободы. Он торжествует крылатую победу в невесомой стихии слова — там находится его поприще и его освобождающая сила.

Кирххорст, 3 мая 1948 г.

Продолжение «Гелиополиса». Утопия зависит от техники и ради убедительности должна вникать в ее детали. Если же техника предполагается достигшей ступени своего совершенства, то, скорее, следует, всячески приглушая детали, добиваться впечатления обыкновенности изображенного, магии реальности.

Постепенно мы приходим к инверсии утопического романа. Техника теперь занимает подчиненное место по отношению к фабуле, изобретается ради последней, ради ее комфорта. Это придает повествованию, в отличие от прогрессистского направления в утопической литературе, момент оглядки, ретардации. В этом смысле можно сказать, что оно отчасти направлено против засилья актуальной техники, против ее притязаний на главенствующее положение по отношению к духу.

Кирххорст, 19 июня 1948 г.

Высоты всегда равны глубинам падения, это всеобщее правило из которого нет исключений. Отсюда натиск демонов на святых людей, отсюда и змея у подножия креста. Лишь вместе с жизнью это правило утрачивает свою силу. Высокое и низкое сливаются воедино. Нам дается прощение.

Кирххорст, 28 июля 1948 г.

Чтение прекрасного письма Антуана де Сент-Экзюпери генералу Х. Оно было найдено в его посмертных бумагах. Две фразы в нем:

«Я страдаю от чуждого мне времени. Но я не считаю себя вправе требовать для себя исключения, чтобы не страдать вместе с остальными».

В наше время такое страдание — удел высоких духом людей.

Кирххорст, 14 августа 1948 г.

ловцов тунца, после чего рыбаки одновременно бросают сети. Вероятно, Юнгера заворожило зрелище этой ловли и у него возникли ассоциации с человеческим обществом, попавшим в сети политических демоогов, которые ничего хорошего принести не могут.

В саду при пивной Крёпке. Напротив меня сидит посетитель с полупустой кружкой пива. Он подзывает официанта, расплачивается и затем отправляется в телефонную будку для разговора. Официант убирает его кружку. На то же место садится другой посетитель и тоже заказывает пиво. По-видимому, ему очень некогда, потому что, выпив вторых половину, он вскакивает и уходит. Тем временем первый закончил беседу и возвращается в сад. Я вижу, как он садится на старое место и неторопливо допивает опивки, затем спокойно уходит.

Что же так смутило меня в этом пустяковом происшествии, которое, по сути дела, следовало бы отнести к разряду комических арабесок? Меня же это повергло в изумление.

Так что же могло в этом так изумить? Как мне кажется, дело в следующем: Я увидел тут модель той слепой уверенности, когда человек продолжает жить как бы в прежних условиях, не ведая о том, что положение с тех пор коренным образом изменилось. Это одна из великих ситуаций, в которых оказывается человек; я увидел ее глазами посвященного. Тут можно бы посмеяться; но все мы смеемся, а сами, может быть, только служим объектом неведомого для нас смеха.

Вот так же, как здесь, незаметно поменялась принадлежность кружки пива, возможно, меняются и метафизические смыслы нашей жизни; мы же механически продолжаем жить по-старому. Наверное, существуют такие точки зрения, с которых это зрелище выглядит комично по большому счету. К их числу относится хохот Пана позднеримского периода.

Кирххорст, 15 августа 1948 г.

Под вечер бродил по еще довольно нетронутому перелеску, который за глиняными карьерами Альтвармбюхена растет вокруг продолговатой коричневой торфяной выемки, называющейся Вице. Состав пород смешанный, там есть орешник, осина, дубы, деревья обвиты плетями хмеля, есть заросли паслена и жимолости.

Я занялся сбором растений для гербария, как вдруг кусты зашуршали и показалась странная фигура — человек неопределенного возраста с рюкзаком за плечами. На правой руке у него была гипсовая повязка; одежда совсем истрепалась. Я не заметил на нем ни белья, ни носков; башмаки были обвязаны бечевками, чтобы не отвалились подошвы.

Человек снял с себя рюкзак и кряхтя принялся разжигать костер. Он достал консервную банку из-под селедки, набрал в нее болотной воды и поставил на огонь. Скоро вода в его котелке забурлила и тут я подошел, чтобы посмотреть вблизи, какую еду он готовит. Он вытащил из карманов штук двадцать крупных маковых головок, которые сейчас как раз поспевают в поле, надрезал их ножиком и бросил в воду. Затем достал немного зеленых яблок и сунул их в горячие угли своего костерка. Похоже, что его трапеза состоит из опиумного отвара и печеных яблок.

Мы разговорились. Тело путника такое же изношенное, как его одежда. Я услышал историю неудачника. Перед началом Первой мировой войны он служил в Наумбургском егерском полку, потом подцепил в Македонии тяжелую малярию, после которой остался почти совсем без зубов, да еще и заболел туберкулезом. От левого легкого почти ничего не осталось. Он стал лаборантом в аптеке и приобрел там привычку к морфию. Во Второй мировой войне он принимал участие в качестве солдата строительной части; русская пуля раздробила ему левую руку. Правую он сломал недавно при падении. Теперь он ведет жизнь странника, пытается раздобыть морфий в аптеках и благотворительных учреждениях, а в крайнем случае сам готовит из мака отвар опия.

Несмотря на его запущенный вид, он производил впечатление какой-то прозрачности, эфирной легкости, нематериальности, чего-то вроде стеклянных, идеальных созданий, которые кормятся от цветов.

Кирххорст, 20 ноября 1948 г.

Ганнибал в гостях у Сципиона. Они встретились в сельском доме; два полководца обсуждали свою битву. Они встретились, словно две башни в звездный великий час. Их спокойствие, но и напряженность, с которой они разглядывали друг друга, казались нечеловеческими; заметно было, что каждый угадывает в другом свою судьбу. Они стремились понять характер собеседника и разгадать его черты как шифр, как главный ключ к его стратегии.

В широком окне, отлитом из прозрачайшего стекла, видны были стены Замы. Но Сципиону видимость, вероятно, показалась недостаточно хорошей, так как он внезапно взмахнул кулаком и разбил стекло.

Я прекрасно заметил этот анахронизм, однако он мне не мешал, так как стекло, очевидно, символизировало собой время.

Кирххорст, 2 декабря 1948 г.

«Doch im Innern ist's getan».¹⁷² Значительные слова о медитации. У наших действий есть окончание в абсолютном, завершение, независимое от удач и крушений. Это огромное утешение.

Наши действия можно сравнить с бросками, вдохновленными двойкой силой. С одной стороны, они — стрелы, выпущенные из лука жизни, зависящие от случая, от силы тяжести и ветра. Они попадают в цель или пролетают мимо; их путь не подвластен нашей руке.

Но в то же время, поскольку силы любви причастны к натяжению тетивы, она выносит стрелу за пределы реального, стрела летит прямым путем, который за пределом видимого ведет ее к цели. Всегда есть второй адресат, к которому обращены наши слова, деяния, мысли.

Мы пишем письмо своему близкому и относим его на почту. В тот миг, когда мы опускаем письмо в ящик, мы вспоминаем адресата, и в нас закрадывается сомнение, тревога — дойдет ли до него наша весточка. В хаосе эта тревога становится преобладающей. И все же нам утешительна мысль о том, что мы написали письмо, независимо от того, дойдет ли оно до места назначения или нет. Мы чувствуем, что, будучи написано, оно что-то изменило в этом мире. Жертвоприношение исполнено, даже если оно не будет прочитано. Ибо «Im Innern ist's getan».

Похоже обстоит и со всякой тревогой о тех, кто сейчас далеко. Мысли кружат вокруг воинов, пропавших без вести, пленных. Может быть, о них никогда не будет вести, может быть, лишь спустя годы мы узнаем, что они погибли. И никогда ощущение бессмысленности не кажется таким сильным, как тогда, когда мы узнаем, что тревожились о человеке, чьи останки давно истлели. Мы же вспоминали о нем так, словно он жив. И все же в этом

¹⁷² Но в душе дело исполнено (нем.).

«словно» есть что-то чудесное. Надо бы о каждом покойнике вспоминать, словно о живом, и о каждом живом так, словно нас уже разлучила смерть. Тогда наши желания направлены к чему-то высшему, к цельной личности, которой ничто не нанесет ущерба. И если мы правильно натянем лук, то испытаем тот чудесный миг, когда нам дан будет ответ. Ибо «Im Innern ist's getan».